

Н О Я Б Р Я

10

КОЛЛИН

ГУВЕР

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ГРУППЫ [HTTP://VK.COM/COLLEEN_HOOVER_BOOKS](http://vk.com/colleen_hoover_books)

Это история любви между парнем (мной) и девушкой (Фэллон). Хотя можно ли назвать её историей любви, если любовью она не заканчивается? Детективный роман заканчивается, когда тайны раскрыты. Конец биографии означает, что история всей жизни рассказана. Вот и в конце любовного романа должна быть любовь, так? Возможно, я ошибаюсь, и никакая это не история любви. Если прикажете, можно назвать произошедшее трагедией. Тем не менее — чем бы все не закончилось — я обещаю рассказать вам. Так что, без дальнейших церемоний. Давным-давно... Я встретил девушку. ТУ САМУЮ ДЕВУШКУ. Редакторы Mary, Greevinch, АсяОбложка: Iren Adler Выражаем благодарность за участие в переводе Марие Манько.

Колин Гувер

9 ноября

Я полупрозрачен, подобен воде.
Дрейфующий, не имеющий цели.
Она — якорь, тонущий в моем море.

— БЕНТОН ДЖЕЙМС КЕССЛЕР.

Интересно, с каким звуком этот стакан разобьется об его голову?

Это толстый стакан. Его голова твердая. Громкий «БУМ», наверное, будет.

Интересно, а пойдет ли у него кровь? На столе есть салфетки, но не похоже, чтобы они смогли впитать много крови.

— Ну, да. Я немного ошарашен, но так и есть, — говорит он.

От звука его голоса я крепче обхватываю стакан в надежде, что он остается в моей руке, а не разобьется об его череп.

— Фэллон? — он прочищает горло и пытается смягчить слова, но они все равно ранят меня, словно ножи. — Ты скажешь что-нибудь?

Я прокалываю соломинкой льдинки в стакане, представляя, что это его голова.

— Что я должна сказать? — бормочу, напоминая скорее непослушного ребенка, чем восемнадцатилетнюю взрослую, которой являюсь. — Мне что, *поздравить* тебя?

Прислоняюсь спиной к кабинке позади меня, и скрещиваю руки на груди. Смотрю на него и думаю: это сожаление в его глазах от того, что я его разочаровываю или он просто снова играет. Он всего пять минут тут сидит, а уже превратил часть кабинки в сцену. И вновь я вынуждена быть его зрителем.

Его пальцы барабанят по чашке с кофе, пока он молча смотрит на меня в течение нескольких ударов.

Тук-тук-тук.

Тук-тук-тук.

Тук-тук-тук.

Он рассчитывает, что я все-таки сдамся и скажу то, что он хочет услышать, но он пропустил последние два года моей жизни и не знает, что я больше не та девочка.

В конце концов, когда я отказываюсь участвовать в его представлении, он вздыхает и роняет локти на стол, — что ж, я надеялся, ты порадуешься за меня.

Я трясусь головой в недоумении.

— *Порадоваться* за тебя?

Он, должно быть, шутит.

Он пожимает плечами и, к его и без того раздражающему выражению лица, добавляется самодовольная улыбка.

— Не знал, что еще способен стать отцом.

От недоверия я громко смеюсь.

— Спустить сперму во влагалище двадцати четырёхлетки, не значит стать отцом, — с толикой горечи говорю я.

Его самодовольная ухмылка исчезает, и он откидывается назад, наклоня голову набок. Он всегда так делает, когда не уверен, как вести себя на публике. *"Напусти на себя глубоко задумчивый вид, так можно изобразить практически любое чувство: грусть, замкнутость, вину, сочувствие"*.

Он, наверное, забыл, что учил меня играть большую часть моей жизни, и этот взгляд — один из первых, которому он научил меня.

— Хочешь сказать, я не имею права называть себя отцом? — говорит он обиженно из-за моего ответа. — Тогда кто я для тебя?

Принимаю его вопрос за риторический и протыкаю еще один кусочек льда. Ловко цепляю лед соломинкой и кладу его в рот. Разгрызаю его с громким, безразличным хрустом. Естественно, он не ждет ответа на этот вопрос он. Он перестал быть "отцом" с той ночи, когда моя актерская карьера зашла в тупик, тогда мне только исполнилось шестнадцать. И, честно говоря, я даже не уверена, был ли он таким хорошим отцом *до* той ночи. Мы всегда больше походили на учителя и ученика.

Он запускает руку в дорогушие пересаженные волосы на лбу.

— Зачем ты так? — с каждой секундой его все больше раздражает мое поведение. — Все еще злишься, что я не пришел на твой выпускной? Я тебе уже говорил, что у меня слетело все расписание.

— Нет, — отвечаю спокойно. — Я не *приглашала* тебя на выпускной.

Он отстраняется, недоуменно смотрит на меня.

— Почему?

— У меня было всего четыре билета.

— *И?* — спрашивает он. — Я твой *отец*. Почему, черт возьми, ты не пригласила меня на выпускной?

— Ты бы не пришел.

— Ты не могла этого знать, — отстреливается он.

— Ты *не* пришел.

Он закатывает глаза.

— Ну конечно же, я не пришел, Фэллон. Меня *не пригласили*.

Я тяжело вздыхаю.

— Ты невыносим. Теперь понятно, почему мама ушла от тебя.

Он слегка качает головой.

— Твоя мать ушла от меня, потому что я переспал с ее лучшей подругой. Мой характер тут не при чем.

Даже не знаю, что на это сказать. У человека совершенно отсутствует раскаяние. Я одновременно ненавижу и завидую. В некотором смысле, мне бы хотелось быть больше похожей на него и менее похожей на мать. Он в упор не видит свои недостатки, в то время как моя жизнь построена вокруг моих. Я просыпаюсь с ними каждое утро, и каждую ночь они не дают мне уснуть.

— Кто заказывал лосося? — спрашивает официант. Очень вовремя.

Я поднимаю руку, и он ставит передо мной тарелку. У меня уже пропал аппетит, поэтому я гоняю рис вилкой.

— Эй, секундочку, — я поднимаю взгляд на официанта, но он обращается не ко мне. Он пристально смотрит на моего отца. — Вы...

О, Боже. Начинается.

Официант хлопает ладонью по столу, и я вздрагиваю.

— Вы! Вы, Донован О'Нил! Вы играли Макса Эпкотта!

Мой отец скромно пожимает плечами, но я-то знаю, что в нем нет ни капли скромности. Сериал, в котором он сыграл Макса Эпкотта, уже лет десять как закрыли, но он до сих пор ведет себя так, будто он — самая известная звезда на телевидении. И люди, которые его узнают лишь подливают масла в огонь. Словно они никогда не встречали актера в реальной жизни. Ради Бога, это же Лос-Анжелес! Тут все актеры!

Мне по-прежнему хочется проткнуть кого-нибудь, так что я тыкаю вилкой в лосося на моей тарелке, но вмешивается официант с просьбой сфотографировать их вдвоем.

Вздых.

Я без особого желания соскальзываю с сиденья. Официант протягивает мне телефон, но я останавливаю его рукой и обхожу столик.

— Мне нужно в туалет, — бормочу, уходя прочь от кабинки. — Просто сделайте селфи. Он это любит.

Я спешу в сторону уборной, чтобы наконец передохнуть от моего отца. Зачем я только попросила его встретиться со мной сегодня. Возможно, потому что я переезжаю и не увижу его Бог знает сколько, но даже этого недостаточно, чтобы терпеть подобное.

Я распахиваю дверь в ближнюю кабинку. Запираюсь, вытаскиваю одноразовое покрытие для сиденья из автомата и кладу его на унитаз.

Я как-то читала статью о бактериях в общественных туалетах. Меньше всего бактерий обнаружили именно в первых кабинках туалетов. Люди избегают первые кабинки, так как считают, что их чаще всего используют. Но не я. Я захожу исключительно в первую. Раньше я не страдала гермофобией, но из-за длительного пребывания в больнице, когда мне было шестнадцать, у меня появилась одержимость чистотой.

Потом, я трачу почти целую минуту на мытье рук. Я смотрю на руки и отказываюсь смотреть в зеркало. С каждым днем избегать своего отражения становится проще, но я, все же, мельком замечаю себя, когда поворачиваюсь за бумажным полотенцем. Сколько бы раз я не разглядывала себя в зеркале, я все еще не могу привыкнуть к тому, что вижу.

Я поднимаю левую руку и дотрагиваюсь до шрамов, которые тянутся по всей левой стороне моего лица, горла и шеи. Они скрываются за воротом рубашки, но под одеждой шрамы простираются вниз по всей левой стороне туловища до самой талии. Скольжу пальцами по сморщенным участкам кожи. Шрамы не дают забыть, что огонь был настоящим, а не привиделся мне в кошмарном сне, от которого можно проснуться, ущипнув себя за руку.

Несколько месяцев после пожара я не могла прикасаться к большей части своего тела, так как была в повязках. Теперь, когда ожоги зажили, оставив после себя шрамы, я постоянно трогаю их, сама того не замечая. Шрамы на ощупь как растянутый бархат, и все было бы хорошо, если бы внешне они выглядели так же, как ощущаются. Но между тем, мне на самом деле нравится, какие они на ощупь. Я рассеянно вожу пальцами вверх и вниз по своей шее или руке, читая шрифт Брайля на коже, пока не осознаю, что делаю и не останавливаю себя. Мне не должно нравиться то, что разрушило мою жизнь, даже если это всего лишь ощущение кожи под пальцами.

Другое дело как они *выглядят*. Словно каждое мое несовершенство окрашено розовым и выставлено на всеобщее обозрение. Как бы я не прятала их за волосами и одеждой, они никуда не денутся. Они навсегда со мной. Постоянное напоминание о ночи, что уничтожила

все лучшее во мне.

Я не из тех, кто действительно обращает внимание на даты или годовщины, но, когда я проснулась этим утром, сегодняшняя дата была первой мыслью, которая возникла у меня в голове. Наверное, потому, что с этой мыслью я заснула прошлой ночью. Два года минуло с тех пор, как пожар в доме моего отца едва не лишил меня жизни. Возможно, поэтому я хотела встретиться с ним. Возможно, я надеялась, что он вспомнит, утешит меня. Он достаточно извинялся, знаю, но могу ли я, по-настоящему, простить ему, что он забыл про меня?

Обычно я оставалась у него раз в неделю. Тем утром я предупредила его по смс, что останусь на ночь. Поэтому, можно было бы подумать, что, когда мой отец узнает о пожаре в его доме, он примчится ко мне на помощь.

Но он не только не приехал — вообще забыл, что я была там. Никто не знал, что в доме кто-то есть, пока со второго этажа не раздались мои крики. И он винит себя за это. Отец извинялся каждый раз, когда видел меня следующие несколько недель, но постепенно извинения, визиты и звонки сошли на нет. Я хотела бы простить, но не могу. Пожар был несчастным случаем. Я выжила. Вот на чем я должна сосредоточиться, но каждый раз глядя на себя об этом тяжело думать.

Я думаю об этом каждый раз, когда кто-то другой смотрит на меня.

Дверь уборной распахивается, входит женщина, она смотрит на меня, а затем быстро отворачивается и направляется к дальней кабинке.

Нужно было выбрать первую, дамочка.

Ещё раз смотрю на себя в зеркало. Раньше у меня были волосы до плеч и косая челка, но я отрастила их за два года. И не без причины. Я расчесываю пальцами длинные, темные пряди волос, которые отпустила, чтобы скрыть большую часть левой стороны моего лица. Одергиваю левый рукав, а затем поднимаю воротничок, чтобы прикрыть шею. Шрамы едва видны, и я могу стерпеть своё отражение в зеркале.

Раньше я считала себя хорошенькой, но сейчас волосы и одежда просто скрывают меня.

Услышав, как спускается вода в туалете, поворачиваюсь и быстро иду к двери, прежде чем женщина выйдет из кабинки. Я изо всех сил стараюсь избегать людей, не потому что боюсь, что они будут пялиться на мои шрамы, я избегаю их, потому что они *не* пялятся. Некоторые люди, замечая меня, тут же отводят взгляд, потому что боятся показаться грубыми или осуждающими. Однако, было бы неплохо, если бы хоть кто-то посмотрел мне в глаза и выдержал мой взгляд. Такого давно не случалось. Ненавижу признавать, но мне недостает того внимания, которое было раньше.

Выйдя из туалетной комнаты, я направляюсь обратно к столику, разочарованная тем, что все еще вижу затылок отца. Я надеялась, что у него появится какое-нибудь срочное дело и ему придется уйти, пока я была в уборной.

Печально, что пустой столик меня радует больше, чем родной отец. Я хмурюсь от таких размышлений, но вдруг отвлекаюсь на парня, сидящего за столиком, мимо которого я должна пройти.

Обычно я не замечаю людей, учитывая, что они делают все от них зависящее, чтобы избежать зрительного контакта со мной. У этого же парня глаза напряженные, любопытные и смотрят прямо на меня.

Моя первая мысль, когда я вижу его: *"Вот бы мы встретились два года назад."*

Думаю, я могла бы привлечь многих парней из тех, что мне попадались. И этот парень

довольно милый: непривычная голливудская внешность, как у большинства в этом городе. Все местные ребята выглядят одинаково, как будто существует идеал успешного актера, к которому они все стремятся.

Этот парень — полная им противоположность. Щетина на его лице как не симметричное, выверенное произведение искусства, она покрывает челюсть неравномерными пятнами, словно он всю ночь работал и не успел побриться. Не похоже, чтобы его прическа была специально уложена гелем в стиле "проснулся и пошел". У этого парня, волосы сами по себе в беспорядке: пряди шоколадного цвета падают на лоб, некоторые — торчат и вьются. Он как будто проспал чрезвычайно важную встречу и слишком торопился, чтобы взглянуть на себя в зеркало перед выходом.

Такой неряшливый внешний вид должен отталкивать, но я нахожу его занятным. Хотя, с виду в нем нет ни капли самолюбования, он — один из самых привлекательных парней, которых я когда-либо видела.

Наверное.

Возможно, дело в моей одержимости чистотой. Возможно, я так отчаянно стремлюсь к беззаботности, коей полон этот парень, что путаю зависть с восхищением.

А еще, я могла подумать, что он милый просто потому, что за последние два года, он один из немногих людей, кто не отвернулся в ту секунду, когда наши взгляды встретились.

не все равно придется пройти мимо его стола, чтобы добраться до своего, и я не могу решить — хочу ли я прошмыгнуть, чтобы он перестал смотреть на меня, — или же, мне медленно пройти, чтобы подольше понежиться в его внимании.

Парень слегка разворачивается, когда я прохожу мимо него, но его взгляд вдруг кажется невыносимым. Слишком пронизательным. Мои щеки вспыхивают, а по коже бегут мурашки, так что я опускаю голову и позволяю волосам упасть на лицо. Я даже втягиваю одну прядь в рот, чтобы помешать ему рассмотреть меня. Почему-то этот взгляд выбивает меня из колеи. Еще пару минут назад я скучала по пристальным взглядам, а теперь мечтаю, чтобы он отвернулся.

Прежде чем окончательно потерять его из поля зрения, я краем глаза замечаю легкую улыбку на его губах.

Должно быть, он не видел мои шрамы. Это единственная причина, по которой такой парень мог бы мне улыбнуться.

Тьфу. Меня бесит ход моих мыслей. Я не такая. Я всегда была уверенной в себе, пока огонь не расплавил каждую каплю моего самолюбия. Я пыталась вернуть уверенность, но сложно поверить, что кто-либо сочтет меня привлекательной, когда я сама не выношу своего отражения в зеркале.

— Такое не может надоест, — говорит отец, когда я забираюсь обратно в кабинку.

Я перевожу взгляд на него, почти забыв, что он здесь.

— Что не может надоест?

Он взмахивает вилок в сторону официанта, который теперь стоит у кассы.

— Это, — говорит он. — Иметь поклонников. — Он запихивает еду в рот и начинает говорить с набитым ртом. — Так о чем ты хотела со мной поговорить?

— С чего ты взял, что я хотела поговорить с тобой о чем-то конкретном?

Он машет руками над столом.

— Мы обедаем вместе. Тебе явно нужно что-то мне сказать.

Печально, до чего докатились наши отношения. Теперь простой совместный обед

должен значить нечто большее, чем обычное желание дочери встретиться со своим отцом.

— Я завтра переезжаю в Нью-Йорк. Ну, точнее, сегодня ночью. У меня поздний рейс, так что в Нью-Йорке я окажусь завтра к десяти.

Он начинает кашлять и прикрывает рот салфеткой. Точнее, мне кажется, что он закашлялся. Едва ли он мог подавиться едой от такого известия.

— Нью-Йорк? — переспрашивает он сквозь кашель.

А потом... он смеется. *Смеется.* Будто я пошутила о переезде в Нью-Йорк.

Сохраняй спокойствие, Фэллон. Твой отец — мудака. Это не новость.

— Чего ради? Зачем? Что там, в Нью-Йорке? — он так и сыпет вопросами, пока переваривает новость.

— И, умоляю, не говори, что ты познакомилась с кем-то в интернете.

Сердце заколотилось. Разве он не может хотя бы *притвориться*, что поддерживает меня?

— Хочу сменить обстановку. Может схожу на прослушивания в Бродвей.

Когда мне было семь лет, отец повел меня на мюзикл «Кошки на Бродвее». Я впервые была в Нью-Йорке, и та поездка стала одной из лучших в жизни. Он и раньше подталкивал меня стать актрисой, но пока я не увидела живое выступление — не думала, что *должна* стать актрисой. Мне не довелось постичь театральную сцену, так как моей карьерой руководил отец, а он больше ратовал за кино. Но уже два я года не снимаюсь. Не уверена, что найду в себе смелость прийти на прослушивание в ближайшее время, а решение перебраться в Нью-Йорк — это первый шаг к восстановлению после пожара.

Отец делает глоток воды, ставит стакан на стол и опускает плечи со вздохом.

— Послушай, Фэллон, — говорит он. — Я знаю, что ты скучаешь по актерству, но тебе не кажется, что пора рассмотреть и другие варианты?

Мне сейчас настолько плевать на его мотивы, что я даже не указываю на кучу дерьма, которую он уже вылил на меня. Всю жизнь он только и делал, что настаивал на том, чтобы я следовала по его стопам. После пожара, все его воодушевление испарилось. Я не тупая: я знаю, он думает, теперь мне не стать актрисой, и в глубине души я знаю, что он прав. Внешность действительно важна в Голливуде.

Именно поэтому у меня появилось желание переехать в Нью-Йорк. Театр — лучшая возможность для меня, если я по-прежнему хочу играть.

Хотела бы я, чтобы отец не был таким прямолинейным. Мама пришла в восторг, когда я сообщила ей о переезде. После выпускного мы съехались с Эмбер, и я изредка выбиралась из квартиры. Хотя мама и огорчилась, что я буду далеко от нее, она была рада, что я наконец готова покинуть не только свою квартиру, но и штат Калифорнию.

Вот бы и отец увидел, как много значит для меня этот шаг.

— А как же твоя работа над озвучкой? — спрашивает он.

— Она никуда не делась. Аудиокниги записываются на студиях. Студии есть и в Нью-Йорке.

Он закатывает глаза.

— К сожалению.

— Чем тебе не угодили аудиокниги?

Он смотрит на меня с недоверием.

— Помимо того, что запись аудиокниг — это работа для самых никудышных актеров? Ты способна на большее, Фэллон. Черт возьми, поступи в колледж или что-то еще.

Мое сердце падает. Стоило мне подумать, что нельзя быть еще более эгоцентричным. Он прекращает жевать и смотрит прямо на меня, когда до него доходит смысл сказанного. Быстро вытирает губы салфеткой и тычет в меня пальцем.

— Ты знаешь, я не это имел в виду. Я не говорю, что ты растрачиваешь себя на аудиокниги. Я лишь стараюсь донести, что ты способна построить успешную карьеру в чем-то другом, раз уж играть ты больше не можешь. Аудиокниги низко оплачиваются. Как и Бродвей, собственно говоря.

Он выплевывает слово «Бродвей», будто оно пропитано ядом.

— К твоему сведению, многие уважаемые актеры записывали аудиокниги. А хочешь я перечислю знаменитых актеров, играющих на Бродвее? У меня весь день свободен.

Он сдается и кивает головой, хотя, я знаю, что на самом деле он не согласен со мной. Просто он чувствует себя виноватым за оскорбление одной из немногих родственников с актерством профессий, на которую я способна претендовать.

Отец подносит свой пустой стакан ко рту и запрокидывает голову, чтобы сделать последний глоток растаявшего льда.

— Воды, — просит он, покачивая бокалом в воздухе, чтобы официант заметил и наполнил стакан.

Я снова протыкаю вилкой уже остывший кусок лосося. Скорей бы он уже доел, потому что я больше не могу тут находиться. Радует, что завтра в это же время я буду на противоположном от него берегу. Ради этого стоило променять солнце на снег.

— Не планируй ничего на середину января, — меняет он тему. — Ты должна будешь вернуться в Лос-Анджелес на неделю.

— Зачем? Что случится в январе?

— Твой старик собирается под венец.

Я сжимаю рукой затылок и смотрю вниз на свои колени.

— Убейте меня.

Чувствую укол вины, потому что, как бы я не хотела, чтобы кто-то убил меня прямо сейчас, я не хотела произносить это вслух.

— Фэллон, ты с ней даже не знакома, как ты можешь решать нравится она тебе или нет?

— Мне и не нужно с ней знакомиться, чтобы понять, что она мне не нравится, — отрезаю я. — В конце концов, она выходит замуж за тебя. — Я стараюсь замаскировать правду в своих словах саркастической улыбкой, но уверена, он знает, что я имею в виду именно то, что сказала.

— Если ты забыла, напоминаю: твоя мать тоже вышла за меня замуж, и ты, кажется, с ней отлично ладишь, — парирует он.

Вот тут он меня уделал.

— Туше. Но в свою защиту скажу, что это твое пятое предложение, с тех пор как мне исполнилось десять.

— Но жена всего третья, — снова парирует он.

Я, наконец-то, подцепляю лосося вилкой и надкусываю.

— Из-за тебя я поставлю крест на всех мужчинах на земле, — говорю с полным ртом.

Отец смеется.

— Это не должно стать проблемой. Насколько мне известно, ты сходила только на одно свидание, и то больше двух лет назад.

Я с трудом проглатываю кусочек лосося.

Серьезно? Где я была, когда раздавали приличных отцов? Почему мне достался тупой осел?

Интересно, сколько раз за время нашего обеда он сказал гадостей. Ему следует проявить осторожность, иначе его язык в скором времени покроется язвами. Он и вправду не знает какой сегодня день. Если бы знал, он бы никогда не сказал чего-то подобного.

Я вижу неожиданное появление складки на его лбу, он пытается придумать извинение за сказанные слова. Уверена, отец не имел ввиду то, как прозвучала его фраза, но это не останавливает меня от словесной мести.

Я поднимаю руку, убираю прядь волос за левое ухо, полностью открывая свои шрамы, и смотрю прямо ему в глаза.

— Да, папочка. Я действительно не получаю такого же внимания от парней, какое привыкла получать раньше. Ну знаешь, до того, как *это* произошло со мной.

Указываю рукой на свое лицо, но уже жалею, что эти слова вырвались из моего рта.

Почему я постоянно опускаюсь до его уровня? Я же выше этого.

Его взгляд падает на мою щеку, но потом он быстро переводит его на стол.

Отец действительно выглядит полным раскаяния, и я подумываю умерить свою злость и вести себя немного тактичнее. Однако до того, как из моего рта вырывается что-либо не слишком грубое, с диванчика, позади моего отца встает парень и все мое намерение катится к чертям. Я пытаюсь поправить волосы и прикрыть ими лицо, пока парень поворачивается, но слишком поздно. Он уже смотрит на меня. Снова.

На его лице играет та же самая улыбка, которую он послал мне ранее, но на этот раз я не отвожу взгляд. Точнее мы смотрим друг другу в глаза, пока он направляется в сторону нашей кабинки. И прежде чем я успеваю среагировать, он садится рядом со мной.

Ничего себе! Что он делает?

— Извини, детка, я опоздал, — говорит он, обнимая меня за плечи.

Он только что назвал меня деткой? Какой-то незнакомый парень, только что обнял меня за плечи и назвал деткой!

Что, черт возьми, происходит?

Я бросаю взгляд на отца, подозревая, что он как-то в этом замешан, но тот смотрит на незнакомца, наверно даже, с еще большим замешательством чем я.

Я напрягаюсь под рукой парня, когда чувствую, как он целует меня в голову.

— Чертовы калифорнийские пробки, — бормочет он.

Незнакомец только что прижался губами к моей голове.

Что?

Такое?

Происходит?

Парень протягивает через стол руку отцу.

— Я Бен, — представляется он. — Бентон Джеймс Кесслер. Парень вашей дочери.

Вашей дочери... *кто?*

Мой отец отвечает на рукопожатие. Я больше чем уверена, что сижу с раскрытым ртом, поэтому быстро его закрываю. Не хочу, чтобы папа узнал, что я не имею никакого понятия, кто этот парень. Я так же не хочу, чтобы этот парень — Бентон, подумал, что я раскрыла рот из-за того, что мне приятно его внимание. Я просто смотрю на него так потому что... ну... потому что, ясно же что он какой-то сумасшедший.

Он выпускает руку отца, и кладет ее на спинку дивана. Быстро подмигивает мне, и подносит свои губы к моему уху, да так близко, что я готова ударить его.

— Просто подыграй мне, — шепчет он, и откидывается назад, по-прежнему улыбаясь.

Просто подыграть?

Это что, его учебное задание на импровизацию?

А потом до меня доходит.

Он подслушал весь наш разговор. Должно быть он притворился моим парнем, чтобы таким вот странным образом поставить на место моего отца.

М-да. Думаю, мне нравится мой новый фиктивный парень.

Теперь, когда я понимаю, что он разыгрывает моего отца, я ласково ему улыбаюсь.

— Не думала, что ты приедешь, — говорю я и, прижавшись к Бену, смотрю на папу.

— Детка, ты же знаешь, как давно я хотел познакомиться с твоим отцом. Ты и так почти не видишься с ним. Никакие пробки не смогли бы помешать мне приехать сегодня.

Я посылаю своему фиктивному парню удовлетворенную ухмылку за эту колкость. Наверно отец Бена такой же мудака, потому что, он точно знает что говорить.

— Ох, мне очень жаль, — говорит Бен, снова обращаясь к отцу. — Я не расслышал ваше имя.

Теперь мой отец смотрит на Бена с явным неодобрением.

Боже, я обожаю наше представление.

— Донаван О'Нил, — отвечает мой отец. — Ты наверняка уже слышал это имя. Я был звездой...

— Нет, — перебивает его Бен. — Никогда не слышал.

Бен поворачивается ко мне и подмигивает.

— Но Фэллон мне много о вас рассказывала, — он щелкает меня по подбородку и снова смотрит на отца.

— И говоря о нашей девочке, что вы думаете насчет ее переезда в Нью-Йорк?

Бен смотрит на меня сверху вниз и хмурится.

— Не хочу, чтобы моя божья коровка убежала в другой город, но если это означает что она следует за своей мечтой, то я буду первым кто убедится, что она успела на свой рейс.

Божья коровка? Пусть радуется, что он мой фиктивный парень, потому что мне хочется врезать по его фиктивным яйцам за такое дурацкое прозвище.

Мой отец прочищает горло, явно недовольный нашим новым гостем.

— Я допускаю, что восемнадцатилетним детям стоит следовать за несколькими мечтами, но не за теми, что о Бродвее. Особенно о карьере, которая у нее уже была. Бродвей — это шаг вниз, на мой взгляд.

Бен меняет свою позу. От него, как я думаю, очень приятно пахнет. Но я очень давно не сидела так близко с парнем, поэтому может Бен пахнет просто обычно.

— Хорошо, что ей восемнадцать, — отвечает Бен. — В этом возрасте мнение родителей, на то как поступать со своей жизнью уже не имеют должного влияния.

Знаю, Бен всего лишь играет, но еще никто и никогда так за меня не заступался. Из-за этого чувствую, будто в легких что-то сжимается. *Дурацкие легкие.*

— Это не мнение, когда дело касается профессиональной отрасли, — отвечает мой отец. — Это действительность. Я достаточно проработал в этой сфере, чтобы понимать, когда кому-то нужно выйти из игры.

Я резко дергаю головой, но рука Бена тут же обнимает меня за плечи.

— Выйти из игры? — переспрашивает Бен. — Вы это серьезно сейчас произнесли в слух, что вашей дочери пора сдаться?

Мой отец закатывает глаза и, скрестив на груди руки, пристально смотрит на Бена.

Бен убирает руку с моих плеч и принимает зеркальную позу отца, и так же смотрит прямо ему в глаза.

Боже, это так неловко. И так удивительно. Никогда не видела, чтобы папа вел себя так. И я никогда не видела, чтобы он так мгновенно кого-то невзлюбил.

— Послушай, Бен, — отец произносит его имя с нескрываемым отвращением. — Не нужно забивать голову Фэллон всякой ерундой, только потому что ты в восторге от перспективы иметь на Восточном побережье дежурную девушку.

О Боже мой. Неужели мой отец только что сослался на меня как *дежурную девушку*? Я раскрываю от удивления рот, но он продолжает.

— Моя дочь умная. Она стойкая. Фэллон признает, что о карьере, которой она посвятила всю свою жизнь, сейчас не может быть и речи, из-за того что... — Он машет рукой, указывая на меня. — Теперь, когда она...

Отец не может закончить свою фразу, и на его лице мелькает тень раскаяния. Я точно знаю, что он собирался сказать. За последние два года он говорил всё что угодно, *кроме* этого.

Всего лишь два года назад я была одной из самых перспективных актрис среди подростков. Но когда, огонь изуродовал меня, студия разорвала со мной контракт. Думаю, папа больше сожалеет о том, что больше не является отцом актрисы, нежели о том, что он чуть не потерял дочь, из-за пожара, который разгорелся из-за его собственной беспечности.

Как только мой контракт был разорван, мы никогда больше не говорили о возможности играть. Мы вообще больше не разговаривали. Из отца, который на протяжении полутора лет каждый день проводил со мной на съемочной площадке, он превратился в отца, которого я вижу, может быть, раз в месяц.

Так что будь я проклята, если не заставлю его закончить свою фразу. Я ждала два года, чтобы услышать его признание, что именно моя внешность является причиной, почему у меня больше нет карьеры. До сегодняшнего дня, это было лишь молчаливое предположение. Мы никогда не говорили о том, *почему* я больше не играю. Мы только упоминали об этом, как о факте. И пока отец чувствует раскаяние, было бы хорошо также услышать от него, что огонь уничтожил не только мою карьеру, но и наши отношения. Он не имеет ни малейшего понятия, каким теперь быть для меня отцом, когда он больше не мой агент и преподаватель актерского мастерства.

Я смотрю на отца, прищурив глаза.

— Закончи фразу, папа.

Отец качает головой, пытаюсь уйти от темы. Я выгибаю бровь, принуждая его продолжить.

— Ты действительно хочешь услышать это прямо сейчас? — он смотрит на Бена, надеясь использовать моего "парня", в качестве буфера.

— В самом деле, хочу.

Отец прикрывает глаза и тяжело вздыхает. Когда он вновь открывает их, он подается вперед и складывает руки на столе.

— Ты знаешь, что я считаю тебя красивой, Фэллон. Прекрати передергивать мои слова. Это всего лишь бизнес с высокими планками, которые намного выше отцовских. Всё, что мы

можем — это принять их. На самом деле, я думал, что мы уже смирились с этим, — говорит он, стреляя взглядом в сторону Бена.

Я прикусываю щеку изнутри, чтобы сдержаться и не сказать то, о чем потом пожалею. Я всегда знала правду. Когда я увидела свое отражение в первый раз в больнице, я знала, что все закончилось. Но услышав, как мой отец признает вслух то, что мне пора перестать следовать за своей мечтой, поняла, что к такому я не была готова.

— Вау, — Бен шепчет себе под нос. — Это было...

Он смотрит на моего отца и с отвращением качает головой.

— Вы же ее отец.

Если бы я не знала, то сказала бы, что гримаса на лице этого парня, подлинная, и не является лишь частью его игры.

— Вот именно! Я — ее *отец*. Не мать, которая скармливает ей всякую хрень, наивно полагая, что её доченька станет более счастливой. Нью-Йорк и Лос-Анжелес наполнены тысячами девушек, следующих такой же мечте, которой Фэллон следовала всю свою жизнь. Девушек, обладающих поразительным талантом и исключительной красотой. Фэллон прекрасно знает, что я считаю ее талантливее их всех вместе взятых, но она еще и реалист. У всех есть мечты, но к сожалению, у Фэллон больше нет тех инструментов, которые смогли бы помочь в их достижении. Она должна признать это, до того, как начнет тратить деньги на побег в другую страну, который ни черта не поможет построить ей новую карьеру.

Я закрываю глаза. Тот, кто сказал, что правда ранит, явно был оптимистом. Правда — это невыносимая боль, мать ее.

— О Господи, — произносит Бен. — Вы невыносимы. Лос-Анжелес!

— А ты не реалист, — отвечает отец.

Открыв глаза, я слегка тормошу руку Бена, давая понять, что хочу выбраться из-за столика. Я не могу это больше терпеть.

Бен не двигается. Вместо этого он скользит рукой под стол и сжимает мое колено, призывая остаться.

Моя нога немеет от его прикосновения, потому что мое тело посылает противоречивые сигналы моему мозгу. Я так зла на своего отца. Безумно зла. Но каким-то невообразимым образом, я чувствую себя утешенной этим, абсолютно незнакомым парнем, который поддерживает меня безо всякой на то причины. Я хочу кричать, улыбаться, и плакать одновременно, но больше всего, я просто хочу чего-нибудь съесть. Потому что сейчас я действительно голодна, и я хочу *теплого* лосося, черт возьми!

Я стараюсь расслабить ногу, чтобы Бен не почувствовал мое напряжение, но он первый парень за долгое время, который физически коснулся меня. Если честно, это немного странно ощущается.

— Позвольте спросить вас, мистер О'Нил, — говорит Бен. — У Джонни Кэша была ведь болезнь под названием "волчья пасть"?

Отец молчит. Я тоже не говорю ни слова, надеясь, что в странном вопросе Бена есть реальный смысл. Он был так хорош, пока не начал говорить о кантри музыкантах.

Отец смотрит на Бена, словно он сумасшедший.

— Какого черта наш разговор перешел на певца кантри?

— А такого, — быстро отвечает Бен. — И нет, у него не было ее. Однако, у актера, который сыграл певца в "Переступить черту" был очень заметный шрам на лице. В действительности, Хоакин Феникс был номинирован на премию Оскар за эту роль.

Мой пульс учащается, когда я понимаю, что он делает.

— А Иди Амин? — не унимается Бен.

Отец закатывает глаза, показывая, что ему надоел этот допрос.

— Что насчет него?

— У него не было так называемого "амблиопичного глаза". Тем не менее, актер, сыгравший его — Форест Уитакер — имел эту болезнь. И, что довольно смешно, еще один номинант на премию Оскар. И победитель.

Я впервые вижу, как кто-то ставит моего отца на место. И даже если этот разговор заставляет меня чувствовать себя неловко, это не мешает мне наслаждаться таким редким и красивым событием.

— Поздравляю, — отвечает отец Бену, совершенно не впечатлившись. — Ты назвал два успешных примера из миллиона неудач.

Я стараюсь не воспринимать слова отца близко к сердцу, но это не легко. Я знаю, что в данный момент это больше борьба за власть между ними двумя, чем между ним и мной. Просто очень обидно, что отец предпочел выиграть спор против незнакомца, чем защищать собственную дочь.

— Если ваша дочь такая талантливая, как вы утверждаете, почему же вы не призываете ее не отказываться от своей мечты? Почему вы заставляете ее смотреть на мир вашими глазами?

Отец застывает.

— И как, собственно, вы думаете, я смотрю на мир, мистер Кесслер?

Бен откидывается на спинку, не нарушая зрительного контакта с моим отцом.

— Через закрытые глаза высокомерного мудака.

Молчание, которое следует за ответом Бена, словно затишье перед бурей. Я жду, что один из них нанесет первый удар, но вместо этого, отец лезет в карман и вытаскивает свой бумажник. Он бросает на стол купюры, а затем смотрит прямо на меня.

— Я может и слишком честный человек, но, если ты предпочитаешь слушать чушь, тогда этот мерзавец идеально тебе подходит, — отец выскальзывает из кабинки. — Держу пари, он понравится твоей матери, — бормочет он на прощание.

Меня корбит от этих слов и безумно хочется оскорбить его в ответ. Чем-нибудь таким грандиозным, что надолго ранит его эго. Только вот проблема в том, что никто не сможет ранить человека словами, у которого нет сердца.

Вместо того, чтобы кричать что-либо ему в след, я просто сижу в тишине.

Со своим фиктивным парнем.

Это, должно быть, самый унижительный и неловкий момент в моей жизни.

Как только я чувствую первые позывы желудка, я толкаю Бена.

— Мне надо выйти, — шепчу я. — Пожалуйста.

Бен выскальзывает из кабинки, а я опускаю голову вниз, когда встаю и прохожу мимо него. Я не осмеливаюсь оглянуться на него, когда снова направляюсь в сторону уборной. Тот факт, что он почувствовал необходимость притвориться моим парнем, уже достаточно неловкий. А потом мне еще пришлось пройти через худший спор с отцом прямо перед ним.

Если бы я была Бентоном Джеймсом Кесслером, я бы фальшиво-бросила меня прямо сейчас.

Подперев голову руками, я жду, пока Фэллон вернется с уборной.

Вообще-то, мне лучше уйти.

Однако я не хочу уходить. Я чувствую, что испортил ей день трюком, который только что выкинул с ее отцом. Как бы я не пытался все сгладить, мне не удалось вклиниться в жизнь этой девушки с осторожным изяществом лисы, я скорее ворвался с утонченностью десятилонного слона.

Почему я почувствовал потребность вмешаться? Почему я подумал, что она не способна справиться со своим отцом сама? Фэллон наверняка злится на меня сейчас, и это при том, что мы притворяемся парой всего лишь каких-то полчаса.

Именно поэтому я предпочитаю не иметь настоящих девушек. Я не могу даже *притворяться*, не начиная ссоры.

Но я только что заказал ей теплую порцию лосося, так что, может быть, это сможет хотя бы отчасти компенсировать все остальное?

Наконец-то она выходит из дамской комнаты. Но как только замечает меня, все еще сидящего на ее стороне кабинки, сразу замирает. Замешательство на лице Фэллон явно свидетельствует о том, что она была уверена в моем уходе к моменту ее возвращения к столу.

Мне следовало уйти. Я должен был уйти еще полчаса назад.

Если бы, да кабы.

Я поднимаюсь, и жестом приглашаю ее присесть. Не сводя с меня подозрительного взгляда, она проскальзывает на свое место. Потянувшись до соседней кабинки, я забираю свой лэптоп, тарелку с едой и напиток. Ставлю все это на ее стол и занимаю место, на котором пару минут назад сидел ее придурок-отец.

Фэллон в недоумении смотрит на стол, наверняка раздумывая, куда же подевалась ее еда.

— Она остыла, — поясняю я. — Я попросил официанта принести тебе другую порцию.

Она переводит на меня взгляд, но голова остается неподвижной. Фэллон не выдавливает улыбку, и не говорит спасибо. Она просто... молча смотрит на меня.

Я откусываю свой бутерброд, и начинаю жевать.

Я знаю, что она не застенчивая. По тому, как она разговаривала с отцом, было понятно, что Фэллон дерзкая, поэтому я слегка смущен ее теперешним молчанием. Я проглатываю пережеванную пищу, запиваю содовой, все это время, не прерывая с ней зрительного контакта. Хотел бы я сказать, что мысленно готовлюсь к блестящему извинению, но я думал совсем не об этом. Наверно у меня одностороннее мышление, которое ведет напрямик к двум вещам, о чем мне совсем не следует думать сейчас.

Ее грудь.

Точнее, груди.

Я знаю. Я жалок. Но если мы собираемся здесь сидеть и просто пялиться друг на друга, было бы неплохо, если бы она была в блузке хотя бы с небольшим вырезом на груди, вместо этой рубашки с длинным рукавом, которая оставляет *абсолютно* все для воображения. На улице почти 27 °С. Она должна быть в чем-то менее... заставляющем думать о женском монастыре.

Парочка, сидящая через несколько столиков, поднимается и, проходит мимо нас, направляясь к выходу. Я замечаю, как Фэллон наклоняет голову в сторону, позволяя волосам упасть на лицо, словно создает защитную ширму. Думаю, Фэллон даже не осознает, что делает. Для нее это такая естественная реакция — пытаться скрыть то, что она считает своими недостатками.

Вероятно, именно поэтому она одета в рубашку с длинным рукавом. Это не позволяет каждому увидеть то, что находится под ней.

И, конечно же, эта мысль снова возвращает меня к ее грудям. Они тоже покрыты шрамами? Как много ее тела в действительности повреждено?

Я начинаю мысленно раздевать ее, но совсем не в сексуальном плане. Мне просто любопытно. На *самом деле* любопытно, потому что я не могу перестать пялиться на нее, и это совсем не похоже на меня. Моя мама воспитала меня бóльшей тактичности, но она не предупреждала, что в жизни встречаются такие девушки, как Фэллон, которые подвергают испытанию все манеры едва ли не самим фактом своего существования.

Проходит целая минута, может две. Я съедаю почти всю картошку фри, наблюдая за тем, как Фэллон смотрит на меня. Она не выглядит раздраженной, или испуганной. Сейчас она даже не делает попыток спрятать от меня шрамы, которые так отчаянно скрывает от всех остальных.

Ее глаза медленно опускаются вниз до тех пор, пока не останавливаются на моей рубашке. Некоторое время изучает ее, а затем переводит взгляд на мои руки, плечи и лицо. Она останавливается, добравшись до моих волос.

— Куда ты так торопился этим утром?

От этого крайне чудного вопроса я замираю, так и не дожевав до конца. Я думал первый вопрос, который она задаст, будет о том, почему я взял на себя смелость вмешиваться в ее личную жизнь. У меня уходит несколько секунд на то, чтобы проглотить еду, запить, вытереть рот, и откинуться на спинку сиденья.

— Что ты имеешь в виду?

Фэллон указывает на мои волосы.

— У тебя на голове полный беспорядок. — Потом указывает на мою рубашку. — И на тебе вчерашняя рубашка. — Далее ее взгляд перемещается на мои пальцы. — Но ногти чистые.

Откуда она может знать, что на мне вчерашняя же рубашка?

— Итак, почему же ты в такой спешке покинул место, где проснулся утром? — спрашивает она.

Я смотрю вниз на свою рубашку, а потом на свои ногти. *Каким образом, черт возьми, она узнала, что сегодня утром я собирался в спешке?*

— У людей, которые не следят за собой, не бывает таких ухоженных рук как у тебя, — продолжает она. — Этому противоречит горчичное пятно на твоей рубашке.

Я снова оглядываю свою рубашку с горчичным пятном, которое до сих пор не замечал.

— На твоём бутерброде майонез. А горчицу вряд ли добавляют в завтрак, тем более ты с такой жадностью вдыхаешь запах своей еды, словно не ел ничего со вчерашнего вечера. Следовательно, это пятно, вероятнее всего, осталось на твоей рубашке от вчерашнего ужина. И очевидно, что ты не смотрел на себя в зеркало сегодня, иначе ты бы не вышел из дома с таким бардаком на голове. Ты что, принял вчера душ и лег спать, так и не высушив голову?

Она дотрагивается своих длинных волос, и пропускает их сквозь пальцы. — Потому что

такие густые волосы, как у тебя, загибаются, если уснуть с мокрой головой. И их невозможно выпрямить, не намочив снова. — Фэллон поддается вперед, и с любопытством рассматривает меня.

— И как, черт возьми, можно так сильно помять волосы спереди? Ты на животе что ли спишь?

Кто она? Сыщик?

— Я... — в недоумении смотрю на нее. — Да. Я сплю на животе. И я опаздывал на занятия.

Она кивает так, словно каким-то образом уже знала это.

Появляется официант со свежей порцией еды, и наполняет ее стакан водой. Парень смотрит так, словно хочет что-то сказать Фэллон, но она не обращает на него внимания. Она бормочет ему спасибо, но продолжает смотреть только на меня.

Официант вроде собирается уходить, но останавливается и поворачивается к Фэллон. Заламывает свои руки, очевидно нервничая перед тем, как задать вопрос.

— Значит...мм-м. Донован О'Нил? Он ваш отец?

Фэллон смотрит вверх на официанта со скукой на лице.

— Да, — равнодушно отвечает она.

Услышав ее ответ, официант расслабляется и улыбается.

— Вау, — отвечает он, качая головой от восхищения. — Разве это не круто? Когда твой отец сам Макс Эпкотт?

Фэллон даже не улыбается в ответ. Ничего на ее лице не выражает то, что она слышала этот вопрос уже миллион раз. Я жду ее саркастического ответа, потому что учитывая, как она реагировала на глупые комментарии своего отца, у бедного официанта нет никаких шансов остаться невредимым.

И когда я думаю, что Фэллон вот-вот закатит глаза, она неслышно вздыхает и улыбается.

— Это абсолютно нереально. Я самая счастливая дочь на свете.

Официант усмехается.

— Это действительно круто.

Когда он поворачивается и уходит, Фэллон снова смотрит на меня.

— На какие занятия ты опоздал?

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, о чем она, потому что я все еще пытаюсь осмыслить ее бредовый ответ официанту. Я чуть было не спрашиваю ее об этом, но потом передумываю. Уверен, ей гораздо проще давать людям ответы, которые они надеются услышать, чем выкрикивать правду. И, наверное, она самый преданный человек, которого я когда-либо встречал, потому что не уверен, что смог бы сказать то же самое про этого мужчину, если бы он был моим отцом.

— Курс писательского мастерства.

Фэллон задумчиво улыбается и берет вилку.

— Я так и поняла, что ты не актер.

Затем она берет кусочек лосося и, не успев его проглотить, запихивает в рот еще один. Следующие несколько минут проходят в полной тишине, пока мы вдвоем доедаем. Я опустошаю свою тарелку, но Фэллон отодвигает свою в сторону, не съев даже половину.

— Ну, давай, рассказывай, — говорит она, наклоняясь вперед. — Почему ты решил, что я нуждаюсь в твоём спасении со всей этой чепухой про фиктивного парня?

Ну вот. Я расстроил ее. Так и знал, что будет именно так.

— Я не думал, что ты нуждаешься в спасении. Просто временами мне очень сложно контролировать свое негодование в присутствии абсурда.

Фэллон на это выгибает бровь.

— Ты определенно писатель, потому что кто, черт возьми, так выражается?

Я смеюсь.

— Извини. Полагаю, я пытался сказать, что могу быть неуравновешенным идиотом, и мне не следовало лезть не в свое дело.

Фэллон перекладывает салфетку с колен на тарелку, и пожимает плечом.

— Я была не против. — С улыбкой произносит она. — Это своего рода удовольствие, наблюдать за отцом, когда он так нервничает. И у меня никогда раньше не было фальшивого парня.

— А у меня никогда раньше не было настоящего парня. — Отвечаю я.

Фэллон переводит взгляд на мои волосы.

— Поверь мне, это и так понятно. Ни один гей, которого я знаю, не вышел бы из дома в таком виде.

Мне кажется, что Фэллон не имеет ничего против того, как я выгляжу, ну почти так же, как хочет это показать. Уверен, она со своей стороны уже получила изрядную долю физической дискриминации, поэтому мне трудно поверить, что Фэллон тот тип девушек, которые ставят внешнюю привлекательность на первое место в своем списке приоритетов в парне.

Однако от меня не ускользает то, что она поддразнивает меня. Если бы я не знал наверняка, подумал бы, что она флиртует со мной.

Да-а-а. Мне давным-давно следовало уйти из этого ресторана, но это один из тех немногих случаев, когда я действительно благодарен за избыток плохих решений, которые я так склонен принимать.

Официант приносит счет, но прежде чем я успеваю его оплатить, Фэллон сгребает пачку купюр, которые ее отец бросил на стол, и расплачивается ими.

— Вам нужна сдача? — спрашивает официант.

Фэллон отмахивается от него.

— Оставьте себе.

Официант убирает со стола и, когда он уходит, нас уже ничего не держит. Неизбежное окончание обеда заставляет меня почувствовать легкую нерешительность, так как я не уверен, что сказать, чтобы задержать ее здесь. Девушка переезжает в Нью-Йорк и, скорее всего, я больше никогда ее не увижу. И я не знаю, почему эта мысль так меня тревожит.

— Итак, — начинает она. — Теперь мы должны «расстаться»?

Я смеюсь, несмотря на то, что все еще пытаюсь понять, то ли ей присуще невероятно невозмутимое остроумие или же полное отсутствие индивидуальности. Существует тонкая грань между двумя этими понятиями, хотя я готов поспорить, что здесь на лицо первое. В любом случае, надеюсь, что это так.

— Мы даже не «повстречались» и одного часа, а ты уже хочешь меня «бросить»? Неужели я не очень хорош в роли парня?

Фэллон улыбается.

— Наоборот, слишком хорош. Если честно, мне даже от этого как-то не по себе. Разве это не тот момент, когда ты разрушаешь последнюю иллюзию наших «отношений» и

признаешься что обрюхатил мою кухню, пока мы были в ссоре?

Я не могу удержаться и снова смеюсь. Определенно невозмутимое остроумие.

— Она залетела не от меня. Когда я с ней переспал, она была уже на 7 месяце беременности.

Мои уши заполняет заразительный смех, и я никогда не был более благодарен за свое не совсем приличное чувство юмора. Я не позволю этой девушке исчезнуть из моего поля зрения до тех пор, пока не услышу ее смеха, по крайней мере, еще три или четыре раза.

Ее смех постепенно исчезает, оставляя за собой улыбку на ее лице. Она смотрит в направлении двери.

— Тебя на самом деле зовут Бен? — Спрашивает она, и переводит взгляд обратно на меня.

Я киваю.

— О чем ты больше всего сожалешь в жизни, Бен?

Станный вопрос, но я все же отвечаю. Станность кажется абсолютно нормальной для этой девушкой, и не важен тот факт, что я никогда никому не скажу о своем самом большом сожалении.

— Не думаю, что уже пережил его, — вру я.

Фэллон задумчиво смотрит на меня.

— Значит ты порядочный человек? Никогда никого не убивал?

— Пока нет.

Фэллон пытается скрыть улыбку.

— Значит, если сегодня мы вместе проведем чуть больше времени, ты не убьешь меня?

— Только в случае самозащиты.

Она снова смеется, а затем тянется за сумочкой и, перекинув ее через плечо, поднимается.

— Какое облегчение. Давай тогда зайдем в «Пинкберри» и «расстанемся» уже после десерта.

Я ненавижу мороженое. И йогурт.

А особенно ненавижу йогурт, который притворяется мороженым.

Но я буду проклят, если не возьму свой ноутбук с ключами и не последую за ней, к какому черту она бы меня не повела.

• • •

— Как ты мог прожить в Лос-Анжелесе с 14 лет и при этом ни разу не зайти в «Пинкберри»? — Фэллон кажется почти оскорбленной. Она отворачивается, чтобы снова изучить выбор начинок.

— А о «Старбаксе» ты хотя бы слышал?

Я смеюсь и указываю на жевательных мишек. Продавец на линии раздачи черпает порцию, и засыпает в мой стаканчик.

— Я практически живу в «Старбаксе». Я же писатель. Это своего рода ежедневный ритуал.

Фэллон стоит передо мной в очереди к кассе и, увидев мой стакан, недовольно смотрит на меня.

— О, Боже! — восклицает она. — Ты не можешь прийти в «Пинкберри» и купить только начинку. — Фэллон смотрит на меня так, словно я только что убил котенка. — Ты вообще человек?

Я закатываю глаза, и слегка подталкиваю локтем ее плечо, чтобы она отвернулась.

— Прекрати ругать меня, а то я «брошу» тебя до того, как мы найдем столик.

Я вытягиваю из кошелька двадцатку, и оплачиваю наш десерт. Мы прокладываем путь через переполненный ресторан в поисках свободного столика, но так и не находим его. Фэллон направляется напрямик к двери, так что я следую за ней на выход и дальше по дорожке до тех пор, пока она не находит свободную лавочку. Она садится, скрестив ноги, и ставит на колени стаканчик с мороженым. Я только сейчас обращаю внимание на ее стаканчик, и вижу, что она не заказала ни одной начинки. Потом я смотрю на свой стакан — ничего, кроме начинки.

— Я знаю, — говорит она, смеясь. — Джек Спрэт не ест жирного...

— А его жена — постного, — заканчиваю я.

Фэллон улыбается, и отправляет себе в рот ложку мороженого. Потом вынимает ее и слизывает с нижней губы замерзший йогурт.

Никогда не думал, что этот день наступит сегодня. Что я буду сидеть напротив девушки, наблюдать за тем, как она слизывает с губ мороженное и заставляет себя глотать воздух для того, чтобы просто дышать.

— Итак, значит ты писатель?

Ее вопрос помогает мне отвлечься от водоворота своих мыслей. Я киваю.

— Надеюсь им стать. Я никогда не писал профессионально, поэтому даже не знаю, имею ли право называть себя писателем.

Фэллон меняет свое положение и садится лицом ко мне, поместив локоть на спинке скамейки.

— Не обязательно получать гонорар, чтобы задействовать то, что ты писатель.

— *Здействительствовать*, такого даже слова нет.

— Вот видишь? Я даже не знала этого, поэтому ты однозначно писатель. С гонораром или без, я буду звать тебя писателем. Писатель Бен. Именно так я буду обращаться к тебе с этого момента.

Я смеюсь.

— А мне как следует к тебе обращаться?

Несколько секунд Фэллон грызет кончик своей ложки, и задумавшись щурит глаза.

— Хороший вопрос, — хвалит она. — У меня сейчас как бы переломный период.

— *Фэллон-Переломщица*, — предлагаю я.

Она улыбается.

— Сойдет.

Фэллон облокачивается на спинку лавочки, вытягивает ноги, и смотрит перед собой.

— Итак, что именно ты хочешь писать? Романы? Киносценарии?

— Надеюсь разное. На самом деле, я пока не хочу ограничивать себя в жанрах. Мне только восемнадцать. Вообще, я хочу попробовать все, но моя страсть — определенно романы. И поэзия.

С ее губ срывается тихий вздох, прежде чем она съедает еще одну ложку. Не знаю, почему, но мне показалось, что мой ответ навеял на нее грусть.

— А что насчет тебя, Фэллон-Переломщица? Какая у тебя цель в жизни?

Фэллон бросает на меня косой взгляд.

— Мы говорим о жизненных целях или о страстных увлечениях?

— Небольшая разница.

Фэллон издаёт полусмешок.

— Разница огромная. Мое страстное увлечение — актерство, но в действительности это не цель моей жизни.

— Почему нет?

Она снова щурит глаза и смотрит на меня, а потом переводит взгляд на свой стакан с мороженым и начинает помешивать его ложкой. На этот раз она тяжело вздыхает всем телом.

— Знаешь, Бен. Я ценю то, каким ты был милым со мной с тех пор, как мы стали «парой», но ты можешь больше не играть. Здесь нет моего отца, чтобы оценить твои таланты.

Я собирался попробовать свою начинку, но моя рука замирает до того, как ложка достигает рта.

— Что ты имеешь в виду? — Спрашиваю я, озадаченный резкой сменой направления нашего разговора.

Фэллон вонзает в стакан ложку и выбрасывает его в ближайшую урну. Затем подтягивает ногу и, обхватив ее руками, снова поворачивается ко мне лицом.

— Ты и в самом деле не знаешь моей истории или просто притворяешься?

Я не совсем уверен, какую именно историю она имеет в виду, поэтому слегка дергаю головой.

— Ты меня сейчас поставила в тупик.

Фэллон вздыхает. Опять. Не думаю, что когда-либо заставлял девушку вздыхать так часто за столь короткий промежуток времени. И это не те вздохи, которые заставляют парня гордиться своим мастерством. Это те вздохи, услышав которые, парень желать знать, что же, черт побери, он делает не так.

Фэллон отламывает от скамейки щепку, и пристально смотрит на кусочек дерева, словно разговаривает с ним, а не со мной.

— Мне очень повезло, когда мне было четырнадцать лет. Получила роль в модной подростковой интерпретации под названием «Сыщик», где Шерлок Холмс встречает Нэнси Дрю. Я играла в этой инсценировке полтора года, и все начиналось действительно очень хорошо. Но потом произошло это. — Она указывает на свое лицо. — Мой контракт был разорван. Меня заменили другой актрисой и с тех пор я больше не играла. Вот что я имела в виду, когда говорила, что цель и увлечение — две разные вещи. Актерство — моя страсть, но, как сказал мой отец, у меня больше нет средств, необходимых для достижения цели своей жизни. Так что, очень скоро я начну искать новую, если в Нью-Йорке не произойдет чудо.

Я даже не знаю, что на это ответить. Теперь она смотрит на меня, ожидая ответа, но я не могу дать его сразу. Фэллон кладет подбородок на руку, и смотрит в пространство позади меня.

— Я не очень хорош в спонтанных мотивационных речах, — говорю я. — Иногда по вечерам я переписываю свои разговоры, которые вел в течение дня, и полностью переделываю их так, как хотел бы сказать в момент разговора. Поэтому я просто хочу, чтобы ты знала, что сегодня, когда я буду записывать этот разговор на бумагу, я напишу что-нибудь

по-настоящему эпическое, что заставит тебя гордиться своей жизнью.

Фэллон опускает лоб на руку, и начинает смеяться. Я смотрю на нее, и тоже невольно улыбаюсь.

— Это, вне всяких сомнений, самый лучший ответ, который я когда-либо получала после рассказа своей истории.

Я поддаюсь вперед, чтобы выбросить свой стакан в урну, который стоит позади нее. И это самое близкое расстояние, на которое я приблизился к ней с тех пор, как мы сидели вместе за столиком в ресторане. Все ее тело мгновенно застывает. Вместо того чтобы сразу же отпрянуть назад, я сначала смотрю ей прямо в глаза, а потом сосредотачиваюсь на ее губах.

— Вот для чего нужны парни, — говорю я, медленно отстраняясь.

Обычно, я не думаю дважды, прежде чем намеренно флиртовать с девушками. Я делаю это постоянно. Но Фэллон смотрит на меня так, словно я только что совершил смертный грех, и я начинаю сомневаться, правильно ли я истолковал наше влечение.

Я полностью отстраняюсь от нее, не уклоняясь от ее беспокойного взгляда.

Фэллон указывает на меня пальцем.

— Вот, — восклицает она. — Именно это. Та самая фигня, о которой я говорила.

Не уверен, что знаю, о какой именно фигне она говорит, поэтому с осторожностью продолжаю.

— Думаешь, я притворяюсь и флиртую с тобой, чтобы заставить тебя почувствовать себя лучше?

— А разве не так?

Неужели она действительно так думает? Неужели парни не флиртуют с ней? Это из-за ее шрамов или из-за неуверенности, которую она чувствует из-за своих шрамов? Конечно же, парни не могут быть такими поверхностными, как она считает. Если это так, то мне стыдно за всех мужчин. Потому что эта девушка должна отбиваться от флиртующих с ней парней, а не сомневаться в их мотивах.

Я пытаюсь расслабить сжатые челюсти, и прикрываю свой рот рукой, раздумывая над тем как ей лучше ответить. Естественно, вечером, когда я буду вспоминать этот момент, я придумаю самые разнообразные великолепные ответы. Но прямо сейчас... Я не могу придумать идеальный ответ, чтобы спасти свою жизнь.

Полагаю, что просто буду честным. Скажу не все, но честно во всяком случае. По моему, это самый лучший вариант, так как эта девушка видит насквозь любое вранье.

Теперь я выпускаю тяжелый вздох.

— Хочешь узнать, что я подумал, когда впервые увидел тебя?

Фэллон склоняет голову.

— Когда ты увидел меня впервые? Ты имеешь в виду аж целый час назад?

Я игнорирую ее сарказм, и продолжаю.

— Первый раз, когда ты прошла мимо меня, до того, как я прервал твою встречу с отцом. Я пялился на твою задницу все время, пока ты не исчезла из виду. И мне было очень интересно, какие сегодня на тебе трусики. Это все, о чем я думал все время, пока ты была в туалете. Все гадал, носишь ли ты стринги? Или ходишь без трусов? Потому что я не увидел контуров на твоих джинсах, которые намекали бы, что ты носишь обычные трусы.

До того, как ты вернулась из уборной, в моем животе начало зарождаться чувство паники, потому что я засомневался, что хочу увидеть твоё лицо. Я слышал твой разговор с

отцом, и уже знал, что меня притягивает твоя личность. Но что насчет лица? Люди говорят, нельзя судить о книге по ее обложке, но что если ты каким-то образом уже прочел ее содержимое, не взглянув на обложку? И что если тебе действительно понравилось то, что было внутри этой книги? Конечно же, когда ты собираешься закрыть эту книгу и вот-вот увидеть обложку впервые, ты надеешься, что это будет нечто, что ты найдешь привлекательным. Ну кому захочется положить на свою полку невероятно интересную книгу, если придется каждый раз смотреть на дерьмовую обложку?

Фэллон быстро опускает взгляд на свои колени, но я продолжаю.

— Когда ты вышла из туалета, первое, что я заметил, были твои волосы. Они мне напомнили девушку, которую я в первый раз поцеловал. Ее зовут Абита. У нее были восхитительные волосы, которые всегда пахли кокосом, поэтому я пожелал узнать, пахнут ли твои волосы так же. Потом мне стало интересно, целуешься ли ты так же как Абита, потому что, несмотря на то, что она была первой девушкой, которую я поцеловал, тот поцелуй все еще остается единственным, который я помню до самых мелких деталей. Так или иначе, после того, как я закончил любоваться волосами, я сразу же обратил внимание на твои глаза. Ты была все еще в нескольких метрах от моего столика, но смотрела прямо на меня, словно не могла понять, почему я уставился на тебя.

И тогда мне действительно стало неловко, отчего я заерзал на месте, потому что, как ты уже указала, я не видел себя в зеркале с утра. Я не знал, что ты видела в тот момент, когда смотрела на меня, и даже не имел понятия, нравилось ли тебе то, что ты видишь. Мои ладони вспотели, потому что это первое впечатление, которое у тебя сложится обо мне, и я не знал, будет ли оно достаточно хорошим.

Ты была почти у моего столика, когда мой взгляд упал на твою щеку. Твою шею. Я увидел шрамы в первый раз и как только я заметил их, ты опустила взгляд и позволила своим волосам прикрыть большую часть своего лица. И знаешь, о чем я подумал в тот момент, Фэллон?

Фэллон смотрит мне в глаза, и я понимаю, что она не хочет, чтобы я продолжал. Она думает, что точно знает, о чем я подумал в тот момент, но она не имеет и малейшего понятия.

— Я почувствовал такое облегчение, — говорю я ей. — Потому что по одному этому простому жесту, сразу ясно как на самом деле ты сомневаешься в себе. И тогда я осознал, что раз уж ты и понятия не имеешь о том, насколько ты чертовски красива, то значит, у меня может быть шанс с тобой. А потом я улыбнулся. Потому что понадеялся, что если использую правильную тактику, то точно смогу узнать какие трусики под этими джинсами.

В этот момент мир словно замирает в тишине. Ни одна машина не проезжает мимо. Ни одна птичка не чирикает. Дорожка вокруг нас абсолютно безлюдна. Эти десять секунд в ожидании ее ответа самые длинные в моей жизни. Настолько длинные, что этих десяти секунд оказывается достаточным количеством времени, чтобы захотеть забрать свои слова обратно. Достаточным количеством времени для того, чтобы я пожалел о том, что не удержал свой язык за зубами, а выложил все начистоту.

Фэллон прочищает горло, и отводит взгляд в сторону, а затем поднимается со скамейки.

Я не двигаюсь. Просто наблюдаю за ней, гадая, не выбрала ли она этот момент чтобы, наконец, понарошку «бросить» меня.

Она глубоко вдыхает, и выдыхает как раз в тот момент, когда смотрит прямо мне в глаза.

— Мне все еще нужно упаковать кучу вещей сегодня, — говорит она. — И знаешь ли, предложить свою помощь будет очень вежливо с твоей стороны, будучи моим «парнем».

— Тебе помочь упаковать вещи? — выпаливаю я.

Фэллон беспечно дергает плечом.

— Ну ладно.

Моя мама — мой герой. Мой образец для подражания. Женщина, какой я мечтаю стать. Она терпела моего отца семь лет. А любой, кто смог осилить такой длинный срок заслуживает почетную медаль.

Когда в четырнадцать лет мне предложили главную роль в сериале "Сыщик", мама встала перед выбором, разрешать мне сниматься или нет. Она презирала профессию моего отца за то, что он стал таким популярным. Точнее, ненавидела человека, в которого превратился папа. По её рассказам, до того, как он стал известным человеком, отец был чудесным и очаровательным мужчиной, но как только он осознал свою славу, мама не смогла находиться рядом. Она говорила, что тысяча девятьсот девяносто третий, был годом развала их брака, роста популярности отца и годом рождения их первого и единственного ребенка. Меня.

Конечно, именно поэтому, когда я начала сниматься, мама сделала все, что было в её силах, дабы я избежала такой же участи. Представьте себе восходящую актрису Лос-Анджелеса в переходном возрасте. В этот период очень легко потерять голову, и я видела, как это произошло со многими моими друзьями.

Но мама меня уберегла от этого. Как только режиссёр заканчивал съемку, я возвращалась домой к списку повседневных дел и неизменных правил. Не скажу, что мама была слишком строгой, просто, для неё я была обычной дочерью, в независимости от роста моей популярности.

Кроме того, мама запрещала мне с кем-либо встречаться до шестнадцати лет. Поэтому, в первые несколько месяцев после моего шестнадцатилетия, я встречалась одновременно с тремя парнями. И это было весело. Двое парней были моими коллегами, с которыми я успела пару раз поцеловаться в гримерке на съемочной площадке. Один из них был братом моей подруги. Но независимо от того, с кем я ходила на свидания, и были ли они веселыми или нет, каждый раз, когда я возвращалась домой, мама заводила со мной разговор о важности не влюбляться, пока я не дорасту до того возраста, когда смогу по-настоящему понимать, чего я хочу от жизни на самом деле. Она до сих пор мне это повторяет, хотя сейчас я ни с кем не встречаюсь.

После развода с отцом, мама обратилась за помощью к книгам, чтобы бросить пить. Она прочла все книги о правильном воспитании, браке и о том, как найти себя как женщину. Прочитав все это, она пришла к выводу, что основные изменения с девушками происходят чаще всего в возрасте от шестнадцати до двадцати трёх лет. И для неё очень важно чтобы я прожила эти годы без влюбленности в парня, потому что иначе я никогда не узнаю, что такое полюбить себя.

Мама познакомилась с папой, когда ей было шестнадцать и ушла от него в двадцать три, так что думаю, диапазон её возрастного ограничения в некоторой степени связан с ее личным опытом. Но учитывая, что мне всего лишь восемнадцать, и в ближайшем будущем я не планирую заводить серьёзные отношения, мне проще следовать её совету и считать мой статус — её заслугой. Это меньшее, что я могла сделать.

Меня веселит, что мама действительно верит в то, что существует какой-то волшебный возраст, когда женщина, наконец, может разобраться со всем своим дерьмом. Но признаюсь, одна из моих любимых цитат была сказана именно мамой:

"Ты не сможешь найти себя, если будешь в ком-то потеряна".

Моя мама не знаменитость. Она не построила невероятную карьеру. Она даже не вышла замуж за любовь всей её жизни. Но у неё есть одна особенность — она всегда оказывается...

Права.

И именно поэтому пока не произойдет обратного, я буду слушать каждое ее наставление, каким бы абсурдным оно не казалось. Не помню, чтобы мама дала мне хотя бы один плохой совет, и несмотря на то, что Бентон Джеймс Кесслер будто сошел со страниц многочисленных любовных романов, которые я продолжала хранить на полках в своей спальне — у парня нет никаких шансов со мной, по меньшей мере, на ближайшие пять лет.

Но это не значит, что я не хотела залезть к нему на колени, оседлать прямо на той самой скамейке в парке, и засунуть язык ему в рот. Было действительно очень тяжело сдерживать себя, особенно когда он признался, что считает меня красивой.

Нет, подождите.

Охрененно красивой, вот как он сказал.

И хоть Бен и кажется невероятным парнем и у него наверняка полно недостатков и маленьких раздражающих привычек, я по-прежнему жажду провести с ним остаток дня. Ну а кто знает? Несмотря на мой переезд в Нью-Йорк, у меня все еще есть шанс оседлать его и засунуть свой язык ему в горло.

Проснувшись утром, я подумала, что сегодняшний день будет самым тяжелым за два года. Кто знал, что самый худший день моей жизни может закончиться на хорошей ноте?

— Двенадцать, тридцать пять, решетка, — диктую я Бену код от ворот, для въезда на территорию нашего жилого дома. Он опускает окно и вводит код. На встречу к папе я ехала на такси, поэтому Бен предложил подвезти меня до дома.

Я указываю на пустое место на стоянке, Бен подъезжает к месту и паркуется рядом с машиной моей соседки по комнате. Мы оба выходим из машины и встречаемся у капота.

— Думаю, стоит предостеречь тебя, прежде чем мы войдём внутрь, — говорю я.

Бен оглядывает наш многоквартирный дом, и с тревогой возвращает взгляд на меня.

— Ты ведь не живешь со своим *настоящим парнем*?

Я смеюсь.

— Нет, ничего подобного. Моего соседа по комнате зовут Эмбер, и она наверняка набросится на тебя с миллионом вопросов, особенно учитывая, что я никогда до этого не преступала порог нашей квартиры за ручку с парнем.

Не знаю почему я так легко призналась ему в этом.

Бен небрежно обнимает меня за плечи, и мы идём к подъезду.

— Если ты попросишь меня сделать вид что мы просто друзья, этого не произойдет. Я не собираюсь преуменьшать значение наших отношений ради твоей соседки.

Я смеюсь и веду его к входной двери нашей квартиры. Понимаю, что на автомате поднимаю руку чтобы постучать, но вместо этого поворачиваю ручку. Это все ещё мой дом, по крайней мере, на следующие десять часов, так что я не должна чувствовать необходимость стучаться.

Бен убирает руку с плеч, чтобы я смогла войти первая. Я оглядываю гостиную, и вижу Эмбер, стоящую у барного стола со своим парнем. С Гленном она встречается уже больше года, но никто из них открыто не обсуждает их отношения, хотя я больше чем уверена, что он тут же переедет к ней, как только я съеду.

Эмбер поднимает взгляд, и ее глаза округляются, как только она замечает за моей

спиной Бена.

— Привет, — бодро здороваюсь я, словно нет ничего необычного в том, что я привела домой симпатичного парня, о котором ни разу не упоминала.

Мы пересекаем гостиную, и все это время Эмбер не сводит глаз с Бена.

— Привет, — наконец отвечает она, все еще разглядывая Бена.

— Кто ты?

Эмбер переводит взгляд на меня, и указывает на Бена.

— Кто это?

Бен делает шаг вперед и протягивает руку.

— Бентон Кесслер, — отвечает он, пожимая ее руку. Затем пожимает руку Гленну.

— Зовите меня просто Бен.

И его рука снова ложится мне на плечи.

— Я парень Фэллон.

Я смеюсь, но оказываюсь единственной, кто засмеялся. Гленн оглядывает Бена с головы до ног.

— Парень? — переспрашивает он, и переключает внимание на меня.

— Он в курсе, что ты переезжаешь в Нью-Йорк?

Я киваю.

— Он знает об этом с первой секунды нашего знакомства.

Эмбер выгибает бровь.

— А это произошло... *когда?*

Она сбита с толку, потому что знает, что я все ей рассказываю. А парень, безусловно, входит в категорию "все".

— Ах, да, — восклицает Бен и опускает взгляд на меня. — Как давно это произошло, детка? Час... или два назад?

— Уже почти два.

Эмбер щурится, глядя на меня. Она уже хочет услышать все подробности и ненавидит меня за то, что ей придется ждать, пока Бен не уйдет.

— Мы будем в моей комнате, — говорю я небрежно, а Бен быстро машет ребятам и, опустив руку с моих плеч, переплетает наши пальцы.

— Приятно было с вами познакомиться.

Но потом указывает рукой на коридор.

— Я собираюсь пойти в комнату Фэллон, и смогу увидеть, в каких трусиках она сегодня.

Эмбер раскрывает рот, а Гленн смеется. Я бью Бена по руке, шокированная тем, что он так пошутил.

— Нет, ты идешь в мою комнату, чтобы помочь собраться.

Бен обиженно выпячивает нижнюю губу. Я закатываю глаза и веду его по коридору в свою комнату.

Мы с Эмбер лучшие подруги уже больше двух лет. После окончания средней школы, мы вместе переехали в эту квартиру. А это значит, что живу я здесь всего полгода, из-за чего у меня чувство, что я упаковываю вещи, которые недавно *распаковала*.

Когда мы входим в комнату, Бен закрывает за собой дверь. Он блуждает взглядом по комнате, и я даю ему несколько минут на удовлетворение любопытства, прежде чем открываю свой чемодан. Квартира в Нью-Йорке, в которую я переезжаю полностью

меблирована, поэтому по идее, все что мне нужно взять с собой это одежду и косметику. Все остальное есть в доме у мамы.

— Ты читаешь? — спрашивает Бен.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что он перебирает пальцами книги на полке.

— Я люблю читать. Тебе следует поторопиться и написать книгу, потому что она уже в моем списке КОП.

— Твой *список КОП*?

— *Книги для обязательного прочтения*, — уточняю я.

Бен вытягивает с полки одну из книг и читает название на обороте.

— Не хочу обижать тебя, но не думаю, что тебе понравятся книги, которые я напишу, — он возвращает книгу на место и вытягивает другую. — Судя по всему, тебе нравятся любовные романы, а это не по моей части.

Я перестаю перебирать рубашки в шкафу и пристально смотрю на него.

— Нет, — со стоном сетую я. — Пожалуйста, только не говори мне что ты один из тех претенциозных читателей, которые судят о людях по книгам, которые им нравятся.

Бен тут же качает головой.

— Вовсе нет. Я просто не знаю, как писать романы. Мне восемнадцать. Меня вряд ли можно назвать экспертом в любви.

Я отхожу от шкафа и прислоняюсь к двери гардеробной.

— Ты никогда не был влюблён?

Бен кивает.

— Конечно же был, но эта история не стоит целого романа, так что в этом я профан. Он плюхается на кровать и облокачивается на её спинку, не отрывая от меня взгляда.

— Думаешь, Стивена Кинга в реальной жизни убил клоун? — спрашиваю я его. — А Шекспир действительно выпил флакончик с ядом? Конечно же нет, Бен. Это называется художественная выдумка. Ты говоришь ерунду.

Он улыбается, а его поза вызывает у меня румянец и волнение. Неожиданно для себя я хочу попросить его покрутиться на моих простынях, чтобы потом, когда лягу спать, смогу почувствовать его запах. Но тут вспоминаю, что не буду спать на них сегодня, потому что улетаю в Нью-Йорк. Я быстро отворачиваюсь и смотрю на полки, поэтому он не видит мой румянец.

Бен тихо смеётся.

— Ты только что подумала о чем-то похотливом.

— Ну да, конечно! — усмехаюсь я.

— Фэллон, мы встречаемся уже два часа. И я могу прочесть тебя как книгу, и уверен, что прямо сейчас эта книга полна эротических сцен.

Я смеюсь и начинаю снимать с вешалок рубашки. Не хочу возиться и складывать, пока не решу, как буду их упаковывать, поэтому я просто кидаю рубашки на пол в центр комнаты. Я скидываю почти четверть рубашек, прежде чем снова смотрю на Бена. Со скрещенными руками за головой, он наблюдает за моими сборами. Я не особо рассчитывала на то, что Бен мне поможет, он скорее всего, просто бы мешался под ногами. И судя по всему Бен считает так же, но мне очень приятно, что он рад просто быть рядом со мной.

Пока мы ехали, я решила не спрашивать о мотивах его поступка. Конечно, моя неуверенность все ещё задается вопросом какого черта такой парень как он, проводит время с такой девушкой как я? Но каждый раз, когда этот вопрос закрадывается мне в голову, я

напоминаю себе о нашем разговоре в парке. Я говорю себе, что все сказанное Беном, казалось искренним, что он действительно считает меня привлекательной. А вообще, если честно, то по большому счету это не имеет значение. Сегодня я переезжаю в другой конец страны и все что случится в ближайшие несколько часов, никак не повлияет на мою жизнь. Ну и что, что парень просто хочет залезть мне под трусики? Вообще-то я бы и сама предпочла, чтобы это было все чего он хотел. За два года — это первый случай, когда кто-то заставил меня чувствовать себя желанной, так что я не собираюсь корить себя за то, что получу из этого максимальное удовольствие.

Снова подхожу к шкафу и слышу, что Бен набирает чей-то номер. Я молчу, пока он кому-то звонит.

— Могу ли я зарезервировать столик на двоих, сегодня на семь вечера?

После этого вопроса в комнате повисает ощутимая тишина, пока я жду, что Бен скажет дальше. За последние два часа моё сердце работало активнее, чем за последние два года.

— Бентон Кесслер. К-Е-С-С-Л-Е-Р.

Тишина.

— Отлично. Большое спасибо.

Опять тишина.

Я копаюсь в верхнем ящике и веду себя так, словно не молюсь сейчас Господу, чтобы на этом ужине, именно я была его "плюс один". Слышу, как Бен садиться на кровати, а потом встает, поэтому оборачиваюсь и вижу, что он направляется ко мне. Бен усмехается и заглядывает через мое плечо в ящик, в котором я роюсь.

— Это ящик с твоими трусиками? — он протягивает руку и хватается за парочку. Я выхватываю их и бросаю в сторону чемодана.

— Руки прочь, — говорю я.

Бен обходит меня и опирается локтем на стенку гардеробной.

— Если ты пакуешь нижнее белье, значит, ты не ходишь голышом. Поэтому, методом исключения, я понял, что сейчас ты в стрингах. Теперь я просто обязан выяснить какого они цвета.

Я бросаю содержимое своего ящика в чемодан.

— Тебе придется постараться, потому что одними лишь разговорчиками ты не сможешь залезть мне под трусики, *Писатель Бен.*

Бен ухмыляется.

— Ох, да неужели? А что поможет? Необычный ужин? — Бен выпрямляется и засовывает руки в карманы джинс.

— Просто так получилось, что сегодня на семь вечера у меня зарезервирован столик в ресторане отеля Шато Мармон.

Я смеюсь.

— Не может быть.

Обхожу Бена и иду к шкафу, пытаюсь скрыть от него огромную улыбку на лице. *Спасибо, Господи. Он приглашает меня на ужин. Как только я дохожу до шкафа, моя улыбка гаснет. Что, черт возьми мне надеть? В последний раз я ходила на свидание, когда моя грудь еще не полностью сформировалась!*

— Фэллон О'Нил? — спрашивает Бен стоя в дверях моей гардеробной. — Ты пойдешь со мной на свидание сегодня вечером?

Я вздыхаю и смотрю на свою скучную одежду.

— Что же мне надеть в Шато? — оборачиваюсь я, и морщу лицо. — А нельзя пойти просто в Чипотле или еще куда?

Бен смеется и входит в гардеробную, отталкивая меня в сторону. Он начинает перебирать мою одежду.

— Слишком длинное. Слишком повседневное. Слишком нарядное.

Бен, наконец, останавливается и снимает вешалку. Оборачивается и держит в руках черное платье, которое я хотела выбросить, как только мне его купила мама.

Она всегда покупала мне одежду, в надежде, что я буду носить ее. Одежду, которая не прикрывает мои шрамы.

Я качаю головой и, выхватив из его рук платье, вешаю обратно на вешалку. Хватаю одно из несколько платьев с длинными рукавами, и снимаю с вешалки.

— Мне нравится вот это.

Бен смотрит на платье, которое выбрал он, снова снимает его с вешалки и протягивает мне.

— Но я хочу, чтобы ты надела это.

Я отталкиваю платье.

— Я не хочу его надевать, я хочу это.

— Нет, — упирается Бен. — Я плачу за ужин, поэтому я решаю, на что мне смотреть, пока мы будем есть.

— Тогда я сама заплачу за ужин и надену платье, которое я захочу.

— Тогда я отменяю свидание и пойду в Чипотле.

Я издаю стон.

— Думаю, мы устроили первый бой, будучи в качестве пары.

Бен улыбается и протягивает мне свой вариант.

— Если ты согласишься надеть это, мы сможем закончить наш спор прямо здесь.

Бен непреклонен. Но я не надену это чертово платье. Если мне поможет мое откровение, то я им воспользуюсь.

Я разочарованно вздыхаю.

— Мама купила мне это платье в прошлом году когда работала над очередным этапом "*Давайте вылечим Фэллон*". Но она не имела даже малейшего понятия насколько мне было дискомфортно в своей коже. Так что, пожалуйста, не проси меня надеть это платье, потому что я чувствую себя гораздо уютнее в одежде, которая скрывает большую часть моей кожи. Мне не нравится заставлять людей чувствовать дискомфорт и, если я надену что-то подобное, они будут испытывать неловкость, глядя на меня.

Бен напрягает челюсть и отводит взгляд на платье, что держит в руке.

— Ладно, — легко сдается он, и отбрасывает платье на пол.

Наконец-то.

— Но ты сама виновата в том, что люди, глядя на тебя, испытывают дискомфорт.

Я даже не пытаюсь сдержать раздраженный вздох. В первый раз за весь день Бен сказал мне то, из-за чего я почувствовала, будто поговорила с отцом. Даже не собираюсь лгать. Это больно. Я прочистила горло, потому что от слов Бена внутри образовался комок.

— Это было не очень приятно, — тихо признаюсь я.

Бен делает шаг вперед. Но моя гардеробная и так маленькая. И мне наверно не нужно чтобы он стоял еще ближе. Особенно после таких обидных слов.

— Это правда, — отвечает Бен.

Я закрываю глаза, чтобы не смотреть на губы, которые произносят эти ненавистные слова.

Пытаюсь успокоить дыхание, но оно практически останавливается, когда пальцы Бена убирают с моего лица прядь волос. От неожиданного физического контакта я еще сильнее жмурюсь. Чувствую себя идиоткой из-за того, что не могу заставить его уйти, или хотя бы вытолкнуть из гардеробной. Но по какой-то причине, я не могу ни двинуться, ни говорить. Или просто *дышать*, если на то пошло. Бен убирает волосы с моего лба и пропускает их сквозь пальцы, отчего мое лицо полностью открывается.

— Ты отрастила волосы, потому что не хочешь, чтобы люди увидели больше.носишь длинные рукава и рубашки с воротником, думая, что это поможет. Но это не так.

Его слова превращаются в кулаки, и бьют меня прямо в живот. Я отдергиваю лицо подальше от его рук, но продолжаю держать глаза закрытыми. Чувствую, что могу снова расплакаться, и я уже сполна наплакалась из-за одной тупой годовщины.

— Люди не чувствуют дискомфорт, когда смотрят на твои шрамы, Фэллон. Им комфортно, потому что, когда они смотрят на тебя, ты даёшь им понять, что смотреть на тебя это неправильно. И поверь мне, ты одна из тех, на которых люди хотят глазеть.

Я чувствую, как его пальцы прикасаются к моему подбородку и вздрагиваю.

— У тебя самые невероятные черты лица. Понимаю, что это странный комплимент, но это правда.

Его пальцы оставляют след на моей челюсти и скользят вверх по подбородку, пока не касаются моих губ.

— И твои губы. Мужчины смотрят на них, потому что хотят узнать каковы они на вкус, а женщины смотрят из зависти, потому что, если бы у них были губы такого же цвета, им бы не пришлось пользоваться помадой.

Я издаю нечто среднее между смешком и стоном, но по-прежнему не решаюсь открыть глаза. Стою одеревеневшая, гадая, где окажется его следующее прикосновение. Что он собирается сказать ещё.

— И я только однажды встречал в своей жизни девушку, у которой были такие же длинные и красивые волосы, но я тебе уже говорил об Абите. И к твоему сведению, она и в подметки тебе не годится, за исключением мастерства в поцелуях.

Чувствую, как Бен поднимает руку и убирает мои волосы за плечо. Он стоит достаточно близко, чтобы видеть, как вздымается и опускается моя грудь. Но Боже, мне вдруг становится так тяжело дышать, будто я нахожусь на десять тысяч футов выше уровня моря, чем находилась пять минут назад.

— Фэллон, — зовет он командным тоном, и берет меня за подбородок, приподнимая его. Когда я открываю глаза, он гораздо ближе, чем я представляла. Бен сердито смотрит на меня сверху вниз.

— Люди *хотят* смотреть на тебя. Поверь, я один из них. Но когда в тебе все кричит: "Отвернитесь", люди делают именно это. Единственный человек кто заморачивается из-за нескольких шрамов на твоём лице, это ты.

Мне так хочется верить ему. Если бы я только могла поверить всему что он говорит, может тогда бы моя жизнь значила для меня гораздо больше, чем значит сейчас. Если я поверю ему, то может, перестану так сильно нервничать из-за мысли снова пойти на пробы. Может, я смогу сделать то к чему меня так призывала мама, выяснить кто я на самом деле. Смогу быть честной с самой собой.

Черт, да я даже *одеваюсь* не для себя. Я ношу то, что на мой взгляд, люди предпочтут видеть на мне.

Взгляд Бена перемещается на мою рубашку, и на этот раз я замечаю, что его легкие втягивают воздух с таким же усилием, как и мои. Он протягивает руку к верхней кнопке моей рубашки и щелчком открывает её. Я резко вдыхаю. Бен не отрываясь смотрит на мою рубашку, а я на его лицо. Когда он переходит ко второй кнопке, могу поклясться, что слышала, как сбилось его дыхание.

Я не знаю, что он делает и я в ужасе от того, что ещё чуть-чуть и Бен станет первым человеком, кто увидит, что скрывается за этой рубашкой. Но хоть убейте меня, я не могу найти слов, чтобы остановить его.

Открыв вторую кнопку, он переходит к третьей. Но перед тем как её расстегнуть, глаза Бена встречаются с моими, и я вижу в них тот же страх, что испытаю сейчас сама. Мы неотрывно смотрим друг на друга до тех пор, пока Бен не доходит до последней кнопки. Все они расстегнуты, и я опускаю взгляд. Вижу, что оголён лишь кусочек моей кожи в районе пупка, поэтому пока не чувствую себя обнаженной. Но это очень скоро произойдет, потому что Бен медленно подносит руки к рубашке. Прежде чем он переходит к следующему шагу, я снова сильно зажмуриваю глаза.

Я не хочу видеть выражение его лица, когда он увидит, как сильно обгорело моё тело. Почти вся левая половина, если быть точнее. То, что он видит на моей щеке всего лишь малая часть по сравнению с тем, что скрывается за одеждой.

Чувствую, как моя рубашка распахивается и чем больше моего тела обнажается, тем сложнее сдержать слезы. Это самый неподходящий момент, когда я не могу справиться с эмоциями, но думаю, для слез не существует определенного времени.

Я слышу его тяжелое дыхание и резкий вдох, как только моя рубашка полностью раскрывается. Мне хочется вытолкнуть его из гардеробной, закрыть дверь и спрятаться. Но это именно то, чем я занималась последние два года. И по необъяснимым причинам, я не прошу его остановиться.

Бен медленно стягивает с меня рубашку. Тянет вниз до тех пор, пока она не падает на пол. Чувствую прикосновение его пальцев к моим рукам, но я слишком смущена чтобы двигаться, точно зная, что именно он сейчас видит.

Он ведет пальцами вверх от запястий, и по моей щеке стекает первая слеза. Однако, моя слеза его ничуть не смущает. Практически по всему телу меня пробирает озноб, пока Бен продолжает вести пальцами до предплечья. Но на полпути к плечам, Бен останавливается. Я до сих пор не решаюсь открыть глаза.

Я чувствую прикосновение его лба к моему и слышу, что он дышит так же тяжело, как и я, и это единственный факт, который дает мне ощущение комфорта в данный момент.

Мой желудок тревожно сжимается, когда его руки ложатся на край моих джинс.

Мы заходим слишком далеко.

Слишком далеко, слишком далеко, слишком далеко, но все на что я способна, это сделать длинный глубокий вдох и позволить его пальцам расстегнуть пуговицу моих джинс, потому что наравне с желанием остановить его, меня не покидает чувство, что Бен раздевает меня не для получения удовольствия. Не уверена, что он делает, но я слишком неподвижна, чтобы спросить.

Дыши, Фэллон. Дыши. Твоим легким нужен воздух.

Его лоб по-прежнему прижат к моему, и я губами чувствую силу его дыхания. В моем

представлении, сейчас он широко раскрытыми глазами наблюдает за своими руками, расстегивающими молнию джинсы.

Закончив с молнией, Бен совывает руки под джинсы, и делает это так небрежно, что я начинаю верить, будто его действительно не беспокоит то, что он прикасается к моим шрамам. Бен стягивает с меня джинсы, и одновременно сам медленно опускается вниз. Его дыхание движется вниз по моей коже, пока он не останавливается на уровне живота, однако он ни разу не прикоснулся к коже губами.

Когда джинсы оказываются у моих ног, я перешагиваю и избавляюсь от них.

Понятия не имею, что произойдет дальше. Что будет дальше? Что. Будет. Дальше?

Мои глаза все еще закрыты, и я не знаю стоит ли он сейчас на коленях или уже ушел.

— Подними руки, — приказывает Бен.

Его грубый голос звучит так близко, что я вздрагиваю от испуга, и невольно раскрываю глаза. Бен стоит прямо передо мной и держит в руках платье, которое недавно отбросил на пол.

Я смотрю на него и встречаюсь с взглядом, который абсолютно не ожидала увидеть. Его глаза неистово горят, как если бы он сдерживается из последних сил, чтобы не сорвать с меня оставшееся белье.

Бен прочищает горло.

— *Пожалуйста*, подними руки, Фэллон.

Я поднимаю, а он надевает мне на голову платье, и просовывает руки в рукава. Тянет ткань вниз, пока моя голова не высовывается, после чего расправляет складки на моих изгибах. Когда платье наконец на месте, Бен берет прядь волос и откидывает их за спину. Делает шаг назад и оглядывает меня с ног до головы. Он снова прочищает горло, но голос все равно хриплый.

— Чертовски красивая, — произносит он с медленной улыбкой. — И красные...

Красные?

Я смотрю вниз на платье, но оно черное.

— Твои трусики, — поясняет Бен. — Они красные.

Я издаю звук, который по идее, должен быть смешком, но больше он похож на всхлип. И только тогда понимаю, что по моим щекам по-прежнему стекают слезы, и я поднимаю руку чтобы стереть их, но они текут без остановки.

Не могу поверить, что Бен одел меня, чтобы просто настоять на своем. Не могу поверить, что *позволила* ему это. Теперь я точно знаю, что имел ввиду Бен, когда говорил, что не может сдерживать свое возмущение, когда становится свидетелем абсурдной ситуации. Он думает, что моя неуверенность в себе абсурдна и вознамерился доказать мне это.

Бен делает шаг вперед и обнимает меня. Он весь такой успокаивающий и теплый и я не знаю, что ответить. Кладет руку на мой затылок и прижимает мое лицо к его груди. Теперь я смеюсь из-за нелепости своих слез: *ну кто же так реагирует? Какая девушка плачет, когда ее впервые раздевает парень?*

— Это рекорд, — говорит Бен, отстраняя меня от груди, так чтобы посмотреть на меня. — Довести свою девушку до слез, меньше чем через три часа после начала отношений.

Я снова смеюсь и обнимаю его, прижимаясь лицом к его груди. Ну почему его не было рядом, в тот момент, когда два года назад я очнулась в больнице? Почему мне потребовалось целых два года, чтобы, наконец, почувствовать хоть капельку самоуверенности.

Спустя минуту или две, я пытаюсь обуздать свои хаотичные эмоции и окончательно прихожу в себя, когда понимаю, что прижимаюсь лицом к рубашке двухдневной свежести, а от Бена не очень приятно пахнет.

Отойдя назад, стираю пальцами слезы. Я больше не плачу, но уверена, что теперь все измазано тушью.

— Я надена это идиотское платье, но с одним условием, — в итоге сдаюсь. — Сначала ты должен поехать домой и принять душ.

Улыбка Бена становится шире.

— Это уже было частью моего плана.

Мы недолго стоим в тишине, а потом я больше не в силах находиться в этой гардеробной ни секунду больше. Я разворачиваю Бена за плечи и выталкиваю в спальню.

— Уже почти четыре, — напоминаю я. — Возвращайся к шести, и я буду одета и полностью готова.

Бен идет к двери моей спальни, но прежде чем выйти, оборачивается.

— Я хочу, чтобы вечером ты собрала волосы в хвост.

— Не испытывай свою удачу.

Бен смеется.

— Зачем, черт возьми мне удача, если я не могу ее испытать?

Я указываю на дверь.

— Иди. Прими душ. А заодно и побрейся.

Он открывает дверь и начинает пятиться назад.

— Так значит, побриться? Ты планируешь сегодня прикоснуться этими губами к моему лицу?

— *Иди уже*, — говорю я со смехом.

Бен закрывает дверь, но мне слышно, что он говорит Эмбер и Гленну, как только доходит до гостиной.

— Они красные! У нее красные трусики!

Что, черт возьми, я делаю?

Она переезжает в Нью-Йорк. Это ужин. Всего лишь ужин.

Но серьёзно, что, черт возьми, я делаю? Я не должен этого делать.

Натягиваю джинсы и заглядываю в шкаф, чтобы найти чистую футболку. В этот момент открывается дверь моей комнаты.

— Привет, — здоровается Кайл, прислоняясь к дверному проёму. — Удивительно, что ты заглянул домой, чтобы переодеться, — Боже, только не сейчас. — Не хочешь поужинать сегодня со мной и Джордин?

— Не могу. У меня свидание.

Я иду к комоду и хватаю свой одеколон. Поверить не могу, что Фэллон почувствовала мой запах пота. Так неловко.

— Да? С кем?

Беру бумажник со стола и хватаю куртку.

— Со своей девушкой.

Кайл смеётся мне в спину, когда я проскальзываю мимо него и иду по коридору.

— *Девушкой?* — он знает, что у меня не бывает девушек, поэтому следует за мной, чтобы вытянуть больше информации. — Ты же знаешь, если я скажу Джордин, что ты на свидании со своей девушкой, она завалит меня вопросами, пока моя голова не взорвется. Для тебя же лучше дать мне больше информации.

Я усмехаюсь. Кайл прав, его девушке нравится знать всё и обо всех. И по каким-то причинам, с тех пор, как она переехала к нам, Джордин думает, что мы уже семья. А когда дело касается семьи, она особенно любопытна.

Кайл следует за мной прямо до машины. Он успевает перехватить дверцу машины, прежде чем я захопываю её.

— Я знаю, где ты был прошлой ночью.

Оставляю дверь открытой и падаю на сидение.

Да сколько можно- то?

— Твоя девушка не умеет держать язык за зубами, ты знаешь это?

Кайл прислоняется к дверце и смотрит на меня, скрестив руки на груди.

— Она волнуется за тебя. Мы все волнуемся.

— Я в порядке. Вот увидишь. Я буду в порядке.

Несколько секунд Кайл молча смотрит на меня, желая поверить мне на этот раз. Но я так много раз обещал ему, что буду в порядке, что сейчас он меня не слышит. И я понимаю его. Но он и понятия не имеет, что на этот раз все действительно по-другому.

Кайл сдаётся и молча захопывает дверь. Знаю, он лишь пытается помочь, но он не должен. Все действительно меняется. Я понял это в тот момент, когда увидел Фэллон сегодня.

* * *

Я подхожу к входной двери Фэллон примерно в 17:05. Рано, но как я уже сказал... она

уезжает в Нью-Йорк, и я никогда больше не увижу её. Лишние 55 минут с ней далеко не так много, как мне бы хотелось.

Дверь открывается почти сразу же после моего стука. Меня встречает Эмбер. Она улыбается и отступает в сторону, позволяя войти.

— Что ж, привет, парень Фэллон, о котором я никогда не слышала, — она жестом указывает на диван. — Присаживайся. Фэллон в душе.

Я смотрю на диван, затем на коридор, который ведёт в спальню Фэллон.

— Как ты думаешь, ей нужна моя помощь в душе?

Эмбер смеётся, но уже через секунду её лицо становится серьёзным.

— Нет. Садись.

Гленн сидит на диване, напротив которого вынужден сесть я. Я киваю ему, но он предупреждающе вскидывает бровь. Думаю, это именно тот момент, о котором меня предупреждала Фэллон.

Эмбер пересекает гостиную и садится рядом с Гленном.

— Фэллон сказала мне, что ты писатель.

— Писатель Бен. Это я, — я киваю.

Она не успевает задать второй вопрос, потому что в этот момент в коридоре появляется Фэллон.

— Привет. Мне показалось, что я слышу твой голос.

Нет никаких признаков того, что она только что приняла душ. Я поворачиваюсь к Эмбер, та пожимает плечами.

— Ты не можешь винить меня за попытку.

Я встаю и иду к коридору, указывая за спину на Эмбер.

— Твоя соседка очень коварная.

— Она такая, — соглашается Фэллон. — Ты пришел раньше на час.

— На 55 минут.

— Это то же самое.

— Нет, это не так.

Она разворачивается и возвращается в свою комнату.

— Я так устала бороться с тобой, Бен, — Фэллон направляет в ванную, которая находится рядом с её комнатой. — Только что закончила сборы. Ещё даже не начала готовиться.

Я сажусь на её кровать.

— Не переживай. Я уже чувствую себя комфортно, — тянусь к её тумбочке и беру книгу. — Просто почитаю, пока ты будешь собираться.

Фэллон выглядывает из дверного проёма ванной и смотрит на книгу в моих руках.

— Осторожно, это хорошая книга. Она может поменять твоё мнение о любовных романах.

Я морщу нос и качаю головой. Фэллон смеётся и снова исчезает в ванной.

Открываю первую страницу книги, с целью просто пролистать её. Но не успеваю опомниться, как уже на десятой странице.

Семнадцатая страница.

Двадцатая страница.

Тридцать седьмая страница.

Боже, это какой-то водоворот.

— Фэллон?

— Да? — отвечает она из ванной комнаты.

— Ты уже дочитала эту книгу?

— Нет.

— Мне нужно, чтобы ты закончила её до отъезда в Нью-Йорк и сказала, узнает ли она, что на самом деле он её брат.

Фэллон появляется в дверях в мгновении ока.

— Что?! — кричит она. — Он её брат?

Я улыбаюсь.

— Попалась.

Она в ответ закатывает глаза и вновь исчезает в ванной. Я заставляю себя остановиться и убираю книгу в сторону. Оглядываю комнату, и замечаю, что она выглядит уже иначе, чем час назад, когда я был здесь. Фэллон убрала все фотографии с тумбочки, а я даже не успел рассмотреть их ранее. Шкаф почти пуст, не считая нескольких коробок на полу.

Когда я пришел, заметил, что Фэллон всё ещё в платье. Я очень надеялся, что она не передумает и не упакует его прежде, чем у меня будет возможность вмешаться.

Краем глаза я замечаю движение в комнате, и перевожу взгляд в сторону ванной комнаты. Фэллон стоит в дверях.

Сначала я смотрю на платье, и мысленно аплодирую себе за выбор. Оно в достаточной мере открывает её декольте, чему я очень рад, но сомневаюсь, что смогу надолго оторвать взгляд от её лица, чтобы посмотреть на вырез.

Не могу сказать, что именно в ней изменилось, потому что она даже не нарядилась. Но каким-то образом Фэллон выглядит даже прекраснее, чем прежде. И я очень рад, что попросил её собрать волосы. Я встаю и подхожу к ней. Поднимаю руки на дверной косяк над её головой и улыбаюсь.

— Чертовски красивая, — шепчу я.

Она улыбается и качает головой.

— Я чувствую себя глупо.

— Я едва тебя знаю, поэтому не буду спорить об уровне твоего интеллекта, ведь ты можешь быть глупой как камень. Но, по крайней мере, ты симпатичная.

Фэллон смеётся и на мгновение задерживает взгляд на моих глазах, а потом на губах, и, Боже, я хочу поцеловать её. Я так сильно хочу поцеловать её, что это причиняет боль, поэтому с моего лица исчезает улыбка.

— Что случилось?

Я корчусь и крепче сжимаю дверную раму.

— Я очень, очень хочу тебя поцеловать и делаю всё, что в моих силах, чтобы не сорваться.

Фэллон в недоумении отклоняет голову назад и хмурится.

— Ты всегда выглядишь так, будто тебя тошнит, когда хочешь поцеловать девушку?

Качаю головой.

— До тебя такого не было.

Она фыркает и проталкивается мимо меня. Это не то, что я хотел сказать.

— Я не имел в виду, что от мысли поцеловать тебя, меня тошнит. Я имел в виду, что хочу поцеловать тебя так сильно, что аж живот скручивает. Ну, это как синие яйца, только вместо яиц, живот.

Фэллон начинает смеяться и накрывает лоб двумя руками.

— Что мне с тобой делать, Писатель Бен?

— Ты можешь поцеловать меня, и мне станет легче.

Она качает головой и идёт к своей кровати.

— Ни за что, — Фэллон садится на кровать и берет книгу, которую я недавно читал. —

Я прочитала много романов, так что я знаю, когда будет подходящий момент. И если мы собираемся поцеловаться, это должно быть, как в книге. А после того, как ты меня поцелуешь, я хочу, чтобы ты забыл об этой Абите, о которой постоянно говоришь.

Я подхожу к другой стороне кровати и ложусь рядом. Поворачиваюсь на бок и приподнимаюсь на локте.

— Кто такая Абита?

Фэллон улыбается мне.

— Вот так-то. Отныне, когда ты будешь знакомиться с девушками, тебе лучше сравнивать их со мной, а не с ней.

— Использовать тебя как стандарт совершенно нечестно по отношению к остальной части женского населения.

Она закатывает глаза, предполагая, что я опять шучу. Но, по правде говоря, идея сравнивать кого-то с Фэллон просто нелепа. Она несравненна. И это хреново, что я провел с ней только пару часов и уже понял это. Я почти мечтаю о том, чтобы мы вообще никогда не встречались. Потому что у меня не бывает девушек, и она переезжает в Нью-Йорк, и нам только восемнадцать лет, и еще так... много... всего.

Я смотрю в потолок и гадаю, что будет дальше. Как, черт возьми, мне сказать ей сегодня просто прощай, зная, что никогда больше не смогу поговорить с ней снова. Накрываю глаза руками и жалею, что зашел сегодня в этот ресторан. Люди не могут скучать по тому, кого они не знают.

— Ты всё ещё думаешь о поцелуе со мной?

Откидываю голову на подушку и смотрю на Фэллон.

— Я пошёл дальше поцелуев. Выходи за меня замуж.

Фэллон смеётся и ложится лицом ко мне. С легкой улыбкой на лице, она поднимает руку и прижимает свою ладонь к моей шее.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты побрился, — говорит Фэллон, проводя большим пальцем по моему подбородку.

Как можно улыбаться, когда она вот так ко мне прикасается? После сегодняшнего вечера я больше никогда не смогу почувствовать нечто подобное, и в этом нет ничего хорошего. Это чертовски жестоко.

— Ты дашь мне свой номер телефона, если я попрошу?

— Нет, — отказывает Фэллон почти сразу же.

Я сжимаю губы и жду её объяснений, но она молчит. Она лишь продолжает водить своим пальцем по моему подбородку.

— Электронный адрес?

Она качает головой.

— Может у тебя есть хотя бы пейджер? Факс?

Фэллон смеётся, и так приятно слышать её смех. Воздух кажется слишком тяжёлым.

— Мне не нужен парень, Бен.

— Ты расстаешься со мной?

Она закатывает глаза.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — она убирает руку с моего лица, и кладёт её на кровать между нами. — Нам только восемнадцать. Я переезжаю в Нью-Йорк. Мы едва знаем друг друга. И я обещала своей маме, что не полюблю никого, пока мне не исполнится двадцать три.

Согласен, согласен, согласен, и... что?

— Почему именно двадцать три?

— Моя мама считает, что большинство людей только к двадцати трем годам понимают, кто они по жизни. Поэтому я хочу быть уверена, что знаю, кто я и чего хочу, до того, как полюблю кого-то. Потому что влюбиться легко, Бен. Сложнее, когда хочешь разлюбить.

Это имеет смысл. Если ты *железный человек*.

— Ты действительно думаешь, что сможешь контролировать свои чувства, и не влюбиться?

— Полюбить кого-то может быть и неосознанным решением, но можно уберечь себя от ситуаций, которые приводят к этому чувству. Если я встречу кого-то, в кого смогу влюбиться... я просто сведу на нет наше общение, пока не пойму, что готова к любви.

Ого. Она как мини-Сократ, с этими её жизненными советами. Чувствую, что должен записать их. Или поспорить с ней.

Честно говоря, я испытываю облегчение от её слов, потому что я боялся, что она напоит меня, зацелует, и к концу вечера начнет убеждать, что мы родственные души. Потому что Господь свидетель, если Фэллон попросит, я наброшусь на неё, зная, что это последнее что я должен сделать. Парни не говорят “нет” таким девушкам, как она, независимо от того насколько сильно они пытаются избегать отношений. Как только парни видят грудь в паре с хорошим чувством юмора, они думают, что нашли гребанный святой Грааль.

Но пять лет кажутся вечностью. Я больше чем уверен, Фэллон даже не вспомнит сегодняшний вечер через пять лет.

— Можешь сделать мне одолжение и найти меня, когда тебе исполнится двадцать три?

Она смеётся.

— Бентон Джеймс Кесслер, через пять лет ты будешь очень знаменитым писателем, чтобы помнить меня.

— Или, может быть, ты будешь очень известной актрисой, чтобы помнить меня.

Фэллон не отвечает. На самом деле, что-то в моём комментарии расстраивает её.

Мы застываем на кровати лицом друг к другу. Даже со шрамами и очевидной грустью в глазах, Фэллон остаётся одной из самых красивых девушек, которых я когда-либо встречал. Её губы кажутся такими мягкими и манящими, и я пытаюсь игнорировать узел в своём животе, но каждый раз, когда я смотрю на её рот, интенсивность попыток сдерживать себя превращается в гримасу. Мы лежим так близко, и я стараюсь не представлять, что я почувствую, если поддамся вперед и поцелую её. Я реально мечтаю, чтобы каким-то чудом, я сейчас смог прочитать все любовные романы, которые были когда-либо написаны. Потому что... что, чёрт возьми, может сделать поцелуй соответствующим книге? Мне нужно узнать, как это сделать.

Фэллон лежит на правом боку, и платье обнажает большую часть её кожи. Я вижу, откуда начинаются её шрамы — прямо от запястья идут вдоль всей руки и шеи, проходя через щёку. Я прикасаюсь к её лицу, точно так же, как она прикасалась к моему. Чувствую, как она вздрагивает под моей ладонью, потому что я касаюсь той её части, которую она

даже показывать мне не хотела несколько часов назад. Я провожу большим пальцем вдоль её щеки, затем опускаю руку вниз к шее. Она полностью напряжена из-за моих прикосновений.

— Тебе не нравится?

Её глаза вспыхивают и встречаются с моими.

— Я не знаю, — шепчет Фэллон.

Интересно, я единственный кто прикасался к её шрамам? Однажды я тоже сильно обжегся, когда учился готовить, поэтому знаю, каково это, когда заживают ожоги. Но её шрамы намного глубже, чем поверхностный ожог. На ощупь её кожа кажется гораздо мягче обычной. Более хрупкой. И от этих приятных ощущений под своими пальцами, я не могу остановиться. Мне хочется гладить её бесконечно.

И Фэллон позволяет мне это. В течение нескольких минут ни один из нас не произносит ни слова, пока я продолжаю скользить пальцами по её руке и шее. Её глаза увлажняются, будто она хочет заплакать. Может ей все-таки не нравится? Я понимаю, почему она может быть так смущена, но по какой-то извращённой причине, прямо сейчас мне с ней гораздо комфортнее, чем за весь день.

— Я должен чувствовать ненависть за это, — шепчу я, проводя пальцами по шрамам на её предплечье. — Я должен злиться за это, потому что пережить подобное, это мучительно больно. Но по какой-то причине, когда я прикасаюсь к тебе... мне нравится как ощущается твоя кожа.

Я не был уверен, как Фэллон воспримет слова, которые только что вырвались из моего рта. Но это правда. Внезапно я почувствовал благодарность этим шрамам... потому что они являются напоминанием того, что всё могло быть ещё хуже. Она могла погибнуть в этом пожаре, и её не было бы сейчас рядом со мной.

Я опускаю руку на её плечо, провожу по руке, и поднимаю обратно. Когда наши взгляды встречаются, я вижу на ее щеке след от слезы.

— Единственное, о чем я всегда стараюсь себе напоминать, это то, что у каждого человека есть шрамы, — тихо признается Фэллон. — И многие из них ужаснее моих. Разница лишь в том, что мои шрамы можно увидеть, а большинства людей нет.

Я не говорю ей, что она права. И я не говорю ей, что мне остается лишь мечтать быть внутри таким же красивым, как она снаружи.

— Чёрт. *Фэллон!* Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт, чёрт, — я слышу Бена, который ругается как моряк, но не понимаю, почему. Чувствую его руки на своих плечах.

— Чёрт возьми, Фэллон, просыпайся!

Я открываю глаза. Он сидит на кровати, запустив руку в волосы, и выглядит злым. Я сажусь на кровати и протираю глаза ото сна.

Сон.

Мы уснули?

Смотрю на свои часы. Время восемь пятнадцать. Приглядываюсь, приближая часы к лицу. Это не может быть правдой.

Но это так. Сейчас восемь пятнадцать.

— Чёрт, — выдыхаю я.

— Мы пропустили ужин, — раздраженно произносит Бен.

— Я знаю.

— Мы проспали два часа.

— Да, я знаю.

— Мы потеряли *два чёртовых часа*, Фэллон.

Бен выглядит очень расстроенным. Милым, но расстроенным.

— Прости.

— Что? Нет. Не извиняйся. Это не твоя вина. — Бен в замешательстве смотрит на меня.

— Прошлой ночью я спала всего три часа, — оправдываюсь я. — Весь день была уставшей.

— Да, я тоже не выспался прошлой ночью, — говорит он, расстроено вздыхая, и падает на кровать. — Во сколько у тебя рейс?

— В половине двенадцатого.

— Сегодня?

— Да.

— То есть через три часа? — я киваю.

Бен стонет и трет лицо руками.

— Чёрт, — снова ругается он. — Это означает, что тебе уже нужно выезжать, — его руки опускаются на бедра, и он смотрит на пол. — И это означает, что я должен уйти.

Я не хочу, чтобы Бен уходил, но нужно, чтобы он ушёл. Мне не нравится это чувство паники, которое зарождается в моей груди. Мне не нравятся слова, которые я хочу ему сказать. Я хочу сказать, что передумала, и он может записать мой номер телефона. Но если я оставлю свой номер, то буду разговаривать с ним. Всё время. И я буду отвлекаться на него, на каждое его сообщение, на каждый звонок, а потом мы будем всё время созваниваться по скайпу. И не успею я опомниться, как уже не буду «Фэллон-Переломщицей». Я буду «*Фэллон-Подружкой*».

Эта мысль должна вызывать больше отвращения, чем происходит на самом деле.

— Мне следует уйти, — произносит Бен. — Ты, наверное, много чего еще должна сделать, до отъезда в аэропорт.

Вообще-то нет, я уже собралась. Но я молчу.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл?

Я вижу, что он надеется услышать нет. Но Бен должен уйти по многим причинам, прежде чем я использую его в качестве предлога, не переезжать в Нью-Йорк.

— Я провожу тебя, — мой голос стихает и становится извиняющимся. Бен не сразу реагирует на мои слова, но, в конце концов, сжимает губы в тонкую линию и кивает.

— Да, — говорит он потеряно. — Да, проводи.

Я надеваю туфли, которые приготовила для похода на ужин. Ни один из нас не говорит ни слова, пока мы идём к двери. Бен открывает её и выходит из комнаты первым, поэтому я следую за ним. Я смотрю ему в спину, пока он идет по коридору, крепко сжимая шею рукой, и я ненавижу, что он расстроен. Ненавижу, что я расстроена. Ненавижу, что мы уснули и потратили впустую наши последние два часа.

Мы почти доходим до гостиной, когда Бен останавливается и оборачивается. Он выглядит так, будто у него что-то болит. Я стою на месте и жду, когда он заговорит.

— Может получиться хуже, чем в книге, но я должен это сделать, — Бен делает два быстрых шага ко мне, и его руки оказываются в моих волосах, а губы на моих губах. Я ахаю от неожиданности и хватаю его за плечи, но тут же делаю шаг навстречу и обхватываю руками его шею.

Бен прижимает меня к стене, а его руки, грудь и губы жадно прижимаются к моим. Он держит моё лицо, будто боится отпустить, а я пытаюсь дышать, потому что прошло очень много времени, с тех пор как я кого-то целовала. Думаю, что могла забыть, как это делается. Он отстраняется, как мне кажется, надолго, чтобы вдохнуть, а затем возвращается и ... его руки, и ... ноги, и ... язык.

Боже мой, его язык.

Прошло два года с тех пор, как чей-то язык был у меня во рту, поэтому мне кажется, что я должна быть чуть менее решительной. Но в ту секунду, когда Бен скользит языком по моим губам, я немедленно раскрываю их и углубляю наш поцелуй. Мягкий. Завораживающий. Его рот в сочетании с руками, которые скользят по моим рукам, это всё слишком. Так много. В хорошем смысле. Так хорошо. Я тихо постанываю.

Как только с моих губ срывается стон, Бен сильнее прижимает меня к стене. Его левая рука ласкает мою щеку, в то время как правая обнимает за талию, и сильнее прижимает к его телу.

Я закончила сборы. Бен не должен уходить прямо сейчас.

Ведь так?

Он действительно не должен уезжать. Секс способствует выбросу эндорфинов, а эндорфины помогают людям дольше бодрствовать, так что секс с Беном на самом деле может быть полезным перед вылетом. За все свои восемнадцать лет у меня никогда не было секса, вообразите, сколько будет эндорфинов. Мы могли бы заняться сексом до моего отлета, и мне не придется спать весь день. Представьте, какой я буду продуктивной, когда окажусь в Нью-Йорке?

О, мой Бог, я тяну его назад в свою комнату. Если он вернётся в мою комнату со мной, то я уже не смогу отказать ему. Действительно ли я хочу заняться сексом с кем-то, кого больше никогда не увижу?

Я сумасшедшая. Я не могу заняться с ним сексом. У меня даже нет презервативов.

Теперь я толкаю Бена обратно в коридор, подальше от своей спальни.

Боже, он, наверное, думает, что я сумасшедшая.

Он снова прижимает меня к стене и ведёт себя так, будто последних десяти секунд

нерешительности никогда не было.

У меня кружится голова. Я так ошеломлена, мне так хорошо, моя мама сумасшедшая. Глупо, безумно, абсурдно, и она не права. Зачем девушке пытаться найти себя и делать себя счастливой самой, если парень справится с этим гораздо лучше? Хорошо, теперь я становлюсь глупой. Но Бен заставляет меня чувствовать себя сейчас очень хорошо.

Он издаёт стон, и я боюсь потерять это чувство. Мои руки в его волосах, а его рот на моей шее.

Прикоснись к моей груди Бен.

Он полностью читает мои мысли и сжимает мою грудь.

Дотронься до другой.

Боже, он телепат.

Его губы с шеи возвращаются обратно к моему рту, но руки остаются на груди. Я почти уверена, что мои руки находятся на его заднице, и сильнее притягивают его ко мне, но сейчас я слишком смущена своим поведением, чтобы признать это.

— Я бы посоветовала вам пойти в комнату, но я думала, что вы уже все сделали за последние два часа.

Эмбер.

Вот стерва. Я ее изобью, как только Бен уйдет.

Не могу поверить, что только что об этом подумала. Она моя лучшая подруга.

Эндорфины — это плохо. Они злые и плохие и заставляют меня думать о неправильных вещах.

От звука её голоса Бен разрывает наш поцелуй. Он прижимается лбом к моему виску, и убирает руки от груди, уперев их в стену. Я выдыхаю действительно долго сдерживаемый вздох.

— По правде говоря, — продолжает Эмбер. — Гленн и я можем наблюдать за всем, что происходит в этом коридоре. Я подумала, что мне стоит вмешаться, прежде чем ты забеременеешь.

Я киваю, но пока не в состоянии говорить. Думаю, мой голос потерялся где-то в горле Бена.

Он отстраняется и смотрит на меня сверху, и, если бы Эмбер всё ещё не стояла здесь, я бы снова поцеловала эти губы.

— Фэллон просто провожает меня, — голос Бена хрипит, и это вызывает у меня улыбку, потому что я оказываю на него такой же эффект, как и он на меня.

— Ах, ну да, — отвечает Эмбер и уходит. Как только она исчезает из поля моего зрения, Бен ухмыляется, и его рот возвращается к моему. Я улыбаюсь ему в губы и хватаюсь за рубашку, притягивая его ближе.

— *Боже, ребята,* — стонет Эмбер. — Серьёзно? Всего пять шагов до твоей комнаты и десять до входной двери. Сделайте уже выбор.

Бен снова отстраняется, но на этот раз до конца. Отходит на три шага назад, пока его спина не наткнется на стену. Он глубоко вздыхает и проводит по лицу рукой. Оглядывается на дверь моей спальни, а затем встречается со мной взглядом. Он хочет, чтобы выбор сделала я, но я не хочу его делать. Мне понравилось, когда Бен взял всё под свой контроль и решил поцеловать меня. Я не хочу, чтобы следующее решение принимала я.

Кажется, мы смотрим друг на друга целую минуту. Бен хочет, чтобы я пригласила его обратно в свою комнату. Я хочу, чтобы он просто затолкнул меня туда. Мы оба знаем, что

лучше и правильное для нас пройти к входной двери.

Он выпрямляется, и засунув руки в карманы, прочищает горло.

— Тебя подвести в аэропорт?

— Эмбер отвезёт меня, — произношу я, несколько разочарованная тем, что уже договорилась с ней.

Бен кивает и раскачивается на ногах.

— Ну, вообще, аэропорт абсолютно мне не по пути, но... я могу притвориться, если ты захочешь, чтобы я тебя отвёз.

Чёрт, он так очарователен. От его слов я чувствую себя тёплой и пушистой, и... *я не чёртов плюшевый мишка. Мне нужно взять себя в руки.*

Я не сразу соглашаюсь на его предложение. Мы с Эмбер больше не увидим друг друга до её поездки в Нью-Йорк в марте. Так что не знаю, будет ли она сердиться, если я скажу ей, что в аэропорт меня отвезёт парень, с которым я знакома всего полдня.

— Я не возражаю, — доносится голос Эмбер из гостиной. Мы с Беном оборачиваемся в её сторону. Гленн и Эмбер сидят на диване и смотрят на нас.

— Отсюда мы не только видим, как вы обжимаетесь, но так же и слышим ваш разговор.

Я знаю её достаточно давно, чтобы понять, что Эмбер делает мне одолжение. Она подмигивает мне и, когда я поворачиваюсь к Бену, то вижу надежду в его глазах. Я небрежно скрещиваю руки на груди и чуть склоняю голову.

— Ты случайно не живёшь рядом с аэропортом?

Его губы растягиваются в усмешке.

— Вообще-то живу. Какое невероятное совпадение.

Несколько следующих минут Бен помогает мне со сборами. Я меняю платье, которое планировала надеть на ужин, на штаны для йоги и футболку, чтобы мне было комфортно в полёте. И пока Бен загружает мои чемоданы в свою машину, я прощаюсь с Эмбер.

— Не забывай, я вся твоя во время весенних каникул, — напоминает она и обнимает меня, но ни одна из нас не плачет, как это бывает при глупых прощаниях. Эмбер, как и я, знает, что этот переезд к лучшему для меня. Она очень сильно поддерживала меня после пожара, надеясь, что я снова обрету ту уверенность, которую потеряла два года назад. Но этого не произойдёт, пока я живу здесь.

— Позвони мне утром, чтобы я знала, что ты в порядке.

Мы заканчиваем наши прощания, и я иду за Беном к его машине. Он обходит её, чтобы открыть дверь для меня. Но прежде чем сесть, я в последний раз оглядываю свою входную дверь. Какое-то горьковато-сладкое чувство. Я была в Нью-Йорке всего несколько раз, и даже не уверена, есть ли там что-то, что мне понравится. Но эта квартира слишком комфортная, а комфорт, как правило, становится препятствием, когда ты пытаешься найти своё место под солнцем. Цели достигаются через преодоление дискомфорта и упорную работу. Они не могут быть достигнуты, когда ты прячешься в месте, где тебе хорошо и уютно.

Чувствую, как Бен обнимает меня со спины. Он кладёт свой подбородок мне на плечо.

— Ты передумала?

Я качаю головой. Я нервничаю, но я определённо не передумала. Пока.

— Это хорошо, — усмехается Бен. — Потому что я не хочу заталкивать тебя в багажник и везти до самого Нью-Йорка.

Я смеюсь от облегчения, потому что Бен ведёт себя не так как мой отец, который

эгоистично пытался отговорить меня от этого шага. Бен продолжает обнимать меня, поэтому я разворачиваюсь, и оказываюсь прижатой к его машине, а он смотрит на меня сверху вниз. У нас совсем немного времени до регистрации, но я не хочу торопиться в аэропорт, лучше ещё несколько минут наслажусь этим моментом. Если опоздаю, то просто побегу к выходу на самолёт.

— У моего любимого поэта, Дилана Томаса, есть одно стихотворение, пара строк из которого напоминают мне тебя.

— Какие?

На его губах расплывается медленная улыбка. Бен наклоняет свою голову и шепчет напротив моих губ:

— Я рвался уйти прочь, но боюсь; что громыхнет взрывом еще недожитая жизнь.

Вот это да. А он молодец. И даже еще лучше, когда прижимает свои тёплые губы к моим, удерживая моё лицо в своих руках. Я запускаю руки в его волосы, позволяя ему полностью контролировать скорость и интенсивность поцелуя. Бен делает это мягко и выразительно, и полагаю, что пишет он так же, как и целуется. Нежные штрихи сюжета, каждое слово продумано и имеет цель.

Бен целует меня так, будто хочет, чтобы этот поцелуй стал запоминающимся для каждого из нас. И я позволяю ему взять от этого поцелуя столько, сколько он сможет, и даю ему столько, сколько могу. И это прекрасно. И приятно. Действительно приятно.

Всё так, будто Бен действительно мой парень, и это то, чем нам следует заниматься всё время. Это возвращает меня к мысли, что комфорт может быть препятствием. С такими поцелуями, как эти, я могу представить, как легко вписываюсь в жизнь Бена и забываю о своей собственной. Вот почему мне действительно необходимо пройти через это прощание.

Когда наш поцелуй, наконец, прерывается, он нежно касается кончиком носа к моему.

— Скажи мне, — говорит Бен. — По десятибалльной шкале, насколько книжным был наш первый поцелуй?

Он выбрал прекрасное время для шуток. Я улыбаюсь и мягко кусаю его за нижнюю губу.

— Как минимум семерка.

Бен в шоке отстраняется назад.

— Серьёзно? Это всё, что я получил? Семерку?

Я пожимаю плечами.

— Я читала о гораздо лучших поцелуях.

Бен опускает голову в притворном сожалении.

— Знаю, что должен был подождать. Я мог сделать это на десятку, если бы у меня был план, — он отступает, выпуская меня. — Мне следовало сначала привезти тебя в аэропорт, и за минуту до твоего прохода на контроль, резко прокричать твоё имя и побежать к тебе в замедленном движении.

Он изображает эту сцену, перемещаясь на месте и протягивая руки ко мне.

— Фэээллллоооон, — произносит Бен протяжным голосом. — Неее остаавляяяй мееееня!

Я смеюсь, когда он прекращает играть свою сценку, и снова обнимает меня за талию.

— Если бы ты сделал это в аэропорту, это было бы как минимум на восьмерку. Может быть, на девятку, зависит от правдоподобности.

— Девятка? Всего лишь? — переспрашивает он. — Если это девятка, то что, чёрт возьми, нужно сделать для десятки?

Задумываюсь над этим. Что делает сцены поцелуев в книгах такими прекрасными? Я много прочтала их, и должна это знать.

— Тоска, — заявляю я. — Однозначно нужно немного тоски, чтобы получилась десятка. Бен выглядит растерянным.

— Почему тоска гарантирует десятку? Приведи примеры.

Я прислоняюсь головой к машине и смотрю на небо, пока думаю.

— Не знаю, всё зависит от ситуации. Возможно, пара не может быть вместе, поэтому запретный фактор создаёт тоску. Или, может, они были лучшими друзьями долгие годы, и невысказанное притяжение создаёт достаточно тоски, чтобы сделать поцелуй на десять баллов. Иногда измена создаёт хорошую тоску, в зависимости от характера и ситуации.

— Как-то все запутано, — не понимает Бен. — То есть, ты хочешь сказать, что если бы я встречался с другой девушкой, и поцеловал тебя в коридоре, то из семерки поцелуй бы взлетел до десятки?

— Начнём с того, что, если бы ты встречался с другой, ты бы никогда не оказался в моей квартире, — я вдруг застываю от этой мысли. — Подожди. У тебя ведь нет девушки, не так ли?

Бен пожимает плечами.

— Если есть, это сделает наш следующий поцелуй десятибалльным?

О, Боже мой. Пожалуйста, только не говори, что я стала просто другой девушкой.

Он замечает в моих глазах страх и смеётся.

— Расслабься. Ты единственная девушка, которая у меня есть, и ты собираешься порвать со мной и переехать на другой конец страны, — Бен наклоняется и целует меня в висок. — Полегче со мной, Фэллон. У меня слабое сердце.

Я прижимаю голову к его груди. Даже зная, что он шутит, мне действительно грустно прощаться с ним. Я прочтала отзывы на многие аудиокниги, которые озвучивала, поэтому видела комментарии о том, на что готовы читатели, чтобы встретить в жизни идеального парня из книги. И я убеждена, что стою в объятиях одного из них и собираюсь уйти от него.

— Когда первое прослушивание?

Бен действительно очень верит в меня.

— Я ещё не занялась этим. Честно говоря, я в ужасе от прослушиваний. Боюсь, что люди, только посмотрев на меня, начнут смеяться.

— Что в этом плохого?

— Быть посмешищем? — спрашиваю я. — Во-первых, это унижительно. И это убивает уверенность.

Бен многозначительно смотрит на меня.

— Надеюсь, они будут смеяться над тобой, Фэллон. Если люди смеются над тобой, значит, ты ведешь себя так именно для того, чтобы вызвать их смех. Не у многих хватает мужества, чтобы сделать этот шаг.

Я рада, что сейчас темно, потому что чувствую, как краснеют мои щеки. Бен всегда говорит вещи, которые кажутся и простыми, и в то же время глубокими.

— Ты чем-то напоминаешь мне мою маму, — говорю я ему.

— Это именно то, чего я на самом деле добивался, — с сарказмом произносит Бен. Он снова притягивает меня к своей груди и целует в макушку. Мне нужно в аэропорт, но я тяну время, потому что надвигающееся прощание тяготит меня.

— Как думаешь, мы когда-нибудь увидимся снова?

Его объятия становятся крепче.

— Надеюсь. Я совру, если скажу, что не планирую выследить тебя, когда тебе исполнится двадцать три. Но пять лет — это долгий срок, Фэллон. Кто знает, что произойдёт за это время. Чёрт, пять лет назад у меня не было волос в паху.

Я снова смеюсь, как и смеялась почти весь день, над всеми его шутками. Не думаю, что когда-либо так много смеялась, находясь в компании с одним человеком.

— Тебе действительно следует написать книгу, Бен. Романтическую комедию. Ты забавный.

— Единственный вариант, при котором я напишу любовный роман, это если ты будешь одним из главных героев. Ну и я, конечно, — Бен отстраняется и улыбается мне. — Я предлагаю тебе сделку. Если ты обещаешь ходить на пробы на Бродвей, я напишу книгу об отношениях, которых у нас не может быть из-за расстояния и незрелости.

Надеюсь, что он говорит серьёзно, потому что мне нравится его идея. Если бы не один вопиющий недостаток.

— Мы никогда не увидим друг друга снова. Как мы узнаем, что другой не справляется со своей задачей?

— Мы будем отчитываться друг перед другом, — легко отвечает он.

— Повторяю... мы никогда не увидим друг друга после сегодняшнего вечера. И я не могу дать тебе свой номер телефона.

Знаю, что лучше дать ему возможность связаться со мной. Но мне так много всего нужно будет сделать, а если я оставлю Бена свой номер, то всё моё внимание будет направлено на ежедневное ожидание звонка от него.

Бен отпускает меня и делает шаг назад, скрестив руки на груди. Он начинает ходить кругами, покусывая нижнюю губу.

— Что если... — он останавливается и смотрит на меня. — Что если мы встретимся в следующем году в этот же день? А потом ещё через год? Мы будем делать это в течение пяти лет. Та же дата, то же время, то же место. Мы продолжим наше общение с того, на чем остановимся сегодня, но только на один день. Я буду уверен, что ты ходишь на свои кастинги, и смогу написать книгу о днях, которые мы провели вместе.

Я позволяю его словам на мгновение повиснуть в воздухе. Очень стараюсь соответствовать серьёзному взгляду на его лице, но перспектива видеть Бена всего один раз в год наполняет меня приятным предвкушением, и я делаю всё возможное, чтобы не вести себя слишком легкомысленно.

— Встречаться раз в год в один и тот же день кажется действительно хорошим сюжетом для любовного романа. Если ты напишешь нашу историю, я добавлю её в топ своего списка КОП.

Теперь Бен улыбается. И я тоже, потому что я даже не надеялась, что после сегодняшней встречи у нас может быть какое-то будущее. Девятое ноября — моя личная годовщина, наводящая на меня ужас с ночи пожара. И впервые мысли об этой дате наполняют меня положительными эмоциями.

— Я говорю это серьёзно, Фэллон. Я начну писать эту чёртову книгу сегодня, если это будет означать, что мы увидимся в следующем ноябре.

— Я тоже серьёзно, — заверяю я. — Мы будем встречаться каждый год девятого ноября, абсолютно не контактируя в остальное время.

— Это справедливо. Девятое ноября или ничего. И закончим через пять лет? —

спрашивает Бен. — Когда нам будет двадцать три?

Я киваю, но не спрашиваю о том, о чём, уверена, мы думаем оба. А что произойдёт через пять лет? Наверно лучше оставить этот вопрос на следующий раз... если нам обоим удастся придерживаться этого глупого плана.

— Меня кое-что беспокоит — произносит он, сжимая пальцами свою нижнюю губу. — Нам следует быть... ну знаешь... моногамными? Если так, то думаю, мы оба заключили незрелый договор.

Я смеюсь над нелепостью его суждения.

— Бен, как я могу просить тебя об этом? Думаю, именно то, что мы будем продолжать жить своей собственной жизнью, и делает нашу идею такой замечательной. Мы оба наберёмся жизненного опыта, который положено получить в этом возрасте, но также будем вместе раз в году. Это лучшее решение для нас обоих.

— Но что, если один из нас влюбится в кого-то другого? — спрашивает он. — Не разрушит ли книгу то, что мы, в конце концов, можем оказаться не вместе?

— Будет ли пара вместе в конце или нет, не должно определять, будет ли у этой книги счастливый конец или нет. Если два человека становятся счастливыми, не важно, как они обрели счастье — вместе или порознь.

— Что, если мы полюбим друг друга? До того, как пройдёт пять лет?

Ненавижу, что самое первое, о чем я подумала, это что такой парень, как Бен, никогда не влюбится в меня. Не знаю, от чего я устала больше. От шрамов на своём лице или от самоосуждающих мыслей о них. Я прогоняю эти мысли и заставляю себя улыбнуться.

— Бен, ну конечно же, ты влюбишься в меня. Отсюда и причина пятилетнего правила. Мы должны разработать нерушимые правила, чтобы наши сердца не одержали вверх над разумом, до тех пор, пока ты не закончишь свою книгу.

Бен обдумывает моё предложение и кивает. Мы оба на мгновение замолкаем, будто взвешиваем пункты договора, который только что заключили. Но потом он прислоняется к машине рядом со мной и говорит:

— Мне нужно подготовиться к написанию любовного романа. Ты должна дать мне пару советов.

— Я, безусловно, могу это сделать. Может, в следующем году ты сможешь поднять балл за этот поцелуй с семи до десяти.

Бен смеётся, опираясь локтями о машину, и поворачивается ко мне.

— Ну и так, на будущее, если сцены поцелуев в книгах твои самые любимые, то что тебе нравится меньше всего? Я должен знать, чтобы не испортить нашу историю.

— Скачки сюжета, — тотчас отвечаю я. — И инста-любовь.

— Инста-любовь? — Бен кривит лицо.

Я киваю.

— Когда два персонажа встречаются и предположительно сразу чувствуют связь друг с другом.

Он приподнимает бровь.

— Фэллон, думаю, у нас уже неприятности, если это нравится тебе меньше всего в книгах.

На мгновение я задумываюсь над его утверждением. Возможно, он прав. День, проведённый вместе, был невероятным. Если Бен напишет о сегодняшнем дне я, скорее всего, закачу глаза и скажу, что это никуда не годится и нереально.

— Просто не делай мне предложение до моего вылета, и думаю, всё будет хорошо.

Он смеётся.

— Я больше чем уверен, что уже попросил тебя выйти за меня, когда мы лежали на твоей кровати. Но я постараюсь, чтобы ты не забеременела до отлёта.

Мы оба улыбаемся, когда Бен открывает дверь для меня и жестом приглашает садиться внутрь. Как только мы выезжаем, я открываю свою сумочку, достаю ручку и листок бумаги.

— Что ты делаешь?

— Даю тебе домашнее задание, — отвечаю я. — Я напишу тебе пять моих любимых романов, чтобы было с чего начать.

Мысль о Бене, который пишет нашу историю, заставляет меня смеяться, но так же я надеюсь, что он действительно напишет её. Не каждая девушка может сказать, что имеет отношение к фантастической истории, основанной на её отношениях с автором.

— Тебе лучше сделать меня смешнее, когда будешь раскрывать мою героиню. И я хочу грудь побольше. И менее вялые мышцы.

— Твоё тело прекрасно. Как и чувство юмора, — с улыбкой произносит Бен.

Я закусываю свою щёку изнутри, как будто смущаюсь улыбаться. С каких это пор лести приводит к смущению? Может, так всегда бывает, но мне не часто льстили, чтобы я об этом знала.

Над списком книг я написала название ресторана и сегодняшнюю дату, на случай, если он забудет.

— Вот, — говорю я, складывая листок и засовываю его в бардачок.

— Возьми ещё один лист бумаги, — просит Бен. — У меня тоже есть домашнее задание для тебя.

На мгновение он задумывается, а потом добавляет:

— Будет несколько пунктов. Номер один...

Я пишу цифру один.

— Убедись, что люди смеются над тобой. Как минимум раз в неделю.

— Ты думаешь, я буду ходить на кастинги каждую неделю? — я усмехаюсь.

Он кивает.

— Да, пока не получишь роль, которую хочешь. Номер два, тебе нужно ходить на свидания. Сегодня ты сказала, что я был первым парнем, которого ты привела к себе. Недостаточно опыта для девушки в твоём возрасте, особенно, если в своём романе я буду основываться на нас. Нам необходимо чуть больше тоски. Сходи, как минимум, на пять свиданий до нашей следующей встречи.

— Пять? — он ненормальный. Это на пять больше, чем я планировала.

— И я хочу, чтобы ты поцеловалась, по крайней мере, на двух из них.

Я с недоумением смотрю на него. Бен кивает головой на лист в моих руках.

— Записывай, Фэллон. Это задание номер три. Поцелуй двух парней.

— А задание номер четыре случайно не найти себе сутенёра?

Он смеётся.

— Нет. Только три задания. Будь осмеянной один раз в неделю, сходи на пять свиданий, поцелуй как минимум двух из этих парней. Всего-то.

— Для тебя, возможно, — я записала его ненормальные задания и, сложив листок, засунула его в свою сумочку.

— Что по поводу социальных сетей? Мы можем следить друг за другом через

Facebook? — спрашивает он.

Чёрт. Даже не подумала об этом, учитывая, что не часто пользовалась социальной сетью в течении последних двух лет. Я тянусь и хватаю телефон Бена.

— Мы заблокируем, друг друга, — говорю я ему. — Так мы не сможем жульничать.

Он стонет, как будто я только что разрушила его планы. Взяв оба наших телефона, нахожу наши профайлы и блокирую нас во всех социальных сетях, о которых только могу вспомнить. Закончив с этим, возвращаю Бену телефон, а со своего набираю маме.

Сегодня рано утром мы с ней позавтракали, перед тем как она уехала на работу. Завтрак был так же и нашим прощанием. Мама пробудет в Санта-Барбаре два дня, вот почему Эмбер должна была отвезти меня в аэропорт.

— Привет, — здороваюсь я, когда она отвечает на звонок.

— Привет, милая, — отвечает мама. — Ты уже в аэропорту?

— Почти. Я напишу, когда прилечу в Нью-Йорк, но ты уже будешь спать в это время.

Мама смеётся.

— Фэллон, матери не спят, когда их ребёнок рассекает небо со скоростью пятьсот миль в час. Телефон будет около меня, поэтому напиши, как только приземлишься.

— Я напишу, обещаю.

Бен краем глаза наблюдает за мной, вероятно интересуясь, с кем я разговариваю.

— Фэллон, я действительно счастлива, что ты делаешь это, — говорит она. — Но я должна предупредить тебя. Я буду очень скучать, и когда ты будешь звонить, я могу показаться тебе грустной, но ты не впадай в ностальгию по дому. Я буду в порядке. Обещаю. Мне грустно, что мы будем видеться реже, но я рада, что ты решилась на этот шаг. И обещаю, это всё, что я хотела сказать по этому поводу. Я люблю тебя и горжусь тобой, поговорим завтра.

— Я тоже тебя люблю, мам.

Закончив разговор, опять ловлю на себе взгляд Бена.

— Не могу поверить, что ты до сих пор не представила меня своей маме, — упрекает он. — На данный момент мы встречаемся уже десять часов. Если вскоре этого не произойдёт, я начну принимать это на свой счёт.

Я смеюсь, пока убираю телефон в сумку. Он тянется, берёт мою руку в свою и держит её всю дорогу до аэропорта.

Остаток пути мы проводим молча, кроме уточнения информации о рейсе, и когда Бен сообщает:

— Мы приехали.

Вместо того чтобы заехать на стоянку, как я рассчитывала, Бен останавливается у входа. Чувствую себя жалкой, потому что разочарована этим. Я думала, Бен проводит меня до конца, но он и так подвёз меня. Я не могу быть такой алчной.

Бен выгружает два моих чемодана из багажника, а я беру свою сумку и ручную кладь из машины. Он закрывает багажник и подходит ко мне.

— Счастливого пути, — желает он мне, целуя в щёку и быстро обнимая.

Я киваю, и Бен возвращается к своей машине.

— Девятое ноября! — кричит он. — Не забудь!

Я улыбаюсь и машу рукой, но на самом деле я смущена и разочарована его безэмоциональным прощанием.

Может, это и к лучшему. Я с ужасом ожидала тот момент, когда придётся смотреть в

след уезжающему Бену. Однако от такого "не книжного" прощания, стало даже как-то легче. Наверное, это потому что я разозлилась.

Делаю глубокий вдох и выкидываю эти мысли из головы, наблюдая за его удаляющейся машиной. Хватаю свои чемоданы и иду внутрь, так как у меня осталось немного времени до вылета. Аэропорт гудит, несмотря на позднюю ночь, так что я маневрирую через толпу и ряд киосков. Распечатываю посадочный талон, сдаю багаж и иду на контроль безопасности.

Я стараюсь не думать о том, что делаю. Я уезжаю из места, в котором провела всю свою жизнь, в город, где никого не знаю. От этих мыслей мне хочется вызвать такси и вернуться в свою квартиру, но я не могу.

Я должна это сделать.

Должна заставить себя жить, до того, как жизнь, которой я не живу, полностью поглотит меня.

Я стою в очереди и заранее вынимаю из кошелька водительское удостоверение, чтобы показать его агенту службы безопасности. Впереди меня пять человек.

Пять человек достаточно для того, чтобы поговорить с собой о переезде, поэтому я закрываю глаза и перечисляю в уме все что приводит меня в восторг в Нью Йорке. Хот-доги. Бродвей. Тайм сквер. Адская кухня. Статуя свободы. Музей современного искусства. Центральный парк.

— Фээээлооон!

Мои глаза резко распахиваются.

Оборачиваюсь и вижу Бена, который стоит у вращающейся двери. Он бежит ко мне.

Как в замедленной съёмке.

Я прикрываю рукой рот и стараюсь не смеяться, когда он медленно протягивает руки, словно пытается дотянуться до меня, и кричит, медленно продвигаясь сквозь толпу людей:

— Неее уезжаааай!

Люди вокруг останавливаются посмотреть, кто и почему кричит. Хочу выкопать себе яму и спрятаться, но смеюсь слишком сильно, чтобы думать о том, насколько это смущает. Что же он делает?

Спустя, кажется, целую вечность, Бен, наконец, подходит ко мне. На его лице сияет огромная улыбка.

— Ты же не думала, что я просто привезу тебя в аэропорт и уеду вот так?

Я пожимаю плечами, потому что именно так я и подумала.

— Тебе следует лучше знать своего парня, — он берёт моё лицо в свои руки. — Я добавил тоски, поэтому могу попытаться сделать этот поцелуй десятибалльным.

Бен наклоняется и целует меня так эмоционально, что я забываю обо всём. Абсолютно обо всём. Я забываю, где я, кто я. Это парень, а я девушка, и мы целуемся; чувства, узлы в моём животе, мурашки по коже, его руки в моих волосах, мои руки, которые чувствуются такими тяжёлыми... А потом он ухмыляется напротив моих губ.

Я открываю глаза и мои веки трепещут, ведь я даже не догадывалась, что поцелуи могут заставить веки трепетать. Но они могут, и мои веки только что это сделали.

— По шкале от одного до десяти? — спрашивает Бен.

Меня охватывает чувство, что комната кружится, поэтому я быстро хватаю ртом воздух и стараюсь устоять на ногах.

— Девять. Определённо твёрдая девятка.

Бен пожимает плечами.

— Я соглашусь с этим. Но в следующем году это будет одиннадцать. Обещаю, — Бен целует меня в лоб и отпускает. Он начинает отходить назад, и я знаю, что все люди вокруг смотрят на нас. Прямо перед тем, как пройти через вращающуюся дверь, он складывает руки вокруг своего рта и кричит:

— Надеюсь, что весь Нью-Йорк будет смеяться над тобой!

Не думаю, что когда-либо так широко улыбалась. Я поднимаю руку и машу на прощание, пока Бен не исчезает.

На самом деле это была десятка.

Второе Девятое Ноября

Ее слезы и мое сердце живут параллельными жизнями.

Бегут, болят, горят.

Повторить.

Ее слезы и мое сердце живут параллельными жизнями.

— *БЕНТОН ДЖЕЙМС КЕССЛЕР.*

*Когда ты погружаешься в воспоминания
Такие темные и глубокие
Ты попадаешь в сети тайны
Они твои путеводные нити.
Но когда твои силы иссякнут
И ты собьёшься с пути
Я всегда буду готов
Помочь, когда ты ослабеешь*

Я написал это говно-стихотворение, когда учился в третьем классе. Это единственное что я показывал кому-либо.

На самом деле, я никому его никогда не показывал. Моя мать нашла его в моей комнате, после чего я проникся уважением к красоте конфиденциальности. Она показала стихотворение всей нашей семье, и после этого случая я больше не хочу ни с кем делиться своими работами.

Теперь я понимаю, что тогда мама не пыталась смутить меня. Она просто гордилась мной. Но я больше никогда никому не показывал то, что писал. Это почти то же самое, что произносить вслух каждую мысль. Некоторые вещи просто не для всеобщего обозрения.

И я не знаю, как объяснить это Фэллон. Исходя из нашего прошлогоднего соглашения, она предполагает, что я напишу роман, который она однажды прочтет. Но она требует художественный роман, а в каждом написанном мною предложении за прошлый год гораздо больше правды, чем я смог бы когда-нибудь сказать вслух. Я надеюсь, что после сегодняшнего дня я смогу начать переписывать книгу, чтобы дать ей что-нибудь прочитать, но в прошлом году описание моей никчемной жизни было своего рода терапией.

И хотя я был занят учебой и тем, что теперь называю “письменной терапией”, я все-таки нашел время, чтобы закончить домашнее задание, которое оставила мне Фэллон. А потом еще несколько. Я прочитал двадцать шесть любовных романов, из которых только пять были по рекомендации Фэллон. Только она не говорила, что две книги, предложенные ею, были первыми в серии, поэтому, конечно, я должен был закончить с оставшимися частями.

Погрузившись в свои “исследования”, я сделал вывод, что Фэллон абсолютно права. Поцелуи в книгах и поцелуи в реальной жизни совершенно не одно и то же. И каждый раз, когда я читал сцены с поцелуями, я съеживался, вспоминая наши поцелуи с Фэллон в прошлом году. Они были абсолютно не достойными книги и, хотя за год я прочитал довольно много, до сих пор не знаю, что делает поцелуй достойным книги. Но я знаю, что Фэллон заслуживает поцелуя получше нашего.

Я солгу, если скажу, что ни с кем не целовался, после поцелуя с Фэллон в ноябре прошлого года. С тех пор я встречался с несколькими девушками и когда Фэллон в шутку сказала, что хочет, чтобы я сравнивал каждую девушку с ней, ее желание сбылось. Потому что это именно то, что произошло с обеими девушками, которых я поцеловал. Одна из них была почти такая же смешная, как Фэллон. Другая была слишком погружена в себя. И ни у

одной из них не было хорошего вкуса в музыке, но это не в счет, так как я понятия не имею, какую музыку предпочитает Фэллон.

Это определено то, что я планировал выяснить сегодня. У меня есть список вещей, которые мне нужно узнать для того, чтобы работать над реальным романом, который я ей обещал. Однако, похоже, этот список останется нетронутым и весь последний год прочтения любовных романов и написания книги о нашем совместном первом девятом ноябре, был напрасен.

Потому что Фэллон не пришла.

Я снова смотрю на часы, чтобы убедиться, что они соответствуют времени на моем телефоне. *И они соответствуют.*

Вытаскиваю листок с ее заданием, чтобы перепроверить время встречи. Все правильно.

Еще раз оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что это тот же ресторан, где мы встретились в прошлом году. Это он.

Я знаю это, потому что недавно поменялся хозяин ресторана и теперь у него другое название. Но это все то же здание по тому же адресу с тем же меню.

Так... где же тебя черти носят, Фэллон?

Она опаздывает почти на два часа. Официантка в четвертый раз наполняет мой стакан. И пять стаканов воды за два часа — это много для моего мочевого пузыря, но я даю себе полчаса, прежде чем отлучиться в уборную, потому что боюсь, если я не буду сидеть здесь, когда она войдет, Фэллон подумает, что я не пришел и уйдет.

— Простите.

Мой пульс мгновенно учащается на это обращение, а голова дергается вверх. Но... *это не Фэллон.*

Я разочаровано выдыхаю.

— Вас зовут Бен? — спрашивает меня незнакомая девушка. На ее груди висит бейджик с именем *Талли*. Одета в униформу *Pinkberry*. Откуда Талли знаете мое имя?

— Да. Я Бен.

Девушка выдыхает и указывает на свой бейджик.

— Я работаю на другой стороне улицы. Какая-то девушка звонит и говорит, что это срочно.

Фэллон!

Я удивляю себя тем, как быстро выхожу из-за стола и выскакиваю за дверь. Бегу вниз по улице до *Pinkberry* и открываю дверь. Парень за прилавком испуганно на меня смотрит и делает шаг назад. Запыхавшись и тяжело дыша, я указываю на телефон за ним.

— Кто-то звонит мне? — он хватается телефон, нажимает кнопку, и протягивает мне трубку.

— Алло? Фэллон? Ты в порядке?

Я не сразу слышу ее голос, но могу сказать, что это она по одному лишь ее вздоху.

— Бен! Ох, слава Богу, ты все еще был там. *Мне так жаль*. Мой рейс задержали, и я пыталась дозвониться в ресторан, но у них был отключен номер, а потом мой самолет приземлился. К этому времени я, наконец, разобралась с номерами и пыталась дозвониться несколько раз, но продолжала получать только сигнал "занято", так что я не знала, что еще делать. Я сейчас в такси и мне очень, очень жаль, что я так опоздала, но у меня не было возможности связаться с тобой.

Не знал, что мои легкие могли вместить столько воздуха. Я выдыхаю, расслабившись и

расстроившись за нее, но в полном восторге, что она на самом деле сделала это. Фэллон вспомнила и приехала, и мы действительно это делаем. Не считая того, что она теперь в курсе, что я прождал ее в ресторане целых два часа спустя.

— Бен?

— Я здесь, — отвечаю я. — Это прекрасно, я просто рад, что ты это сделала. Но, наверное, будет быстрее, если мы просто встретимся у моего дома: пробки здесь просто кошмарные.

Фэллон спрашивает адрес, и я диктую.

— Ладно, — говорит она. Мне кажется она нервничает. — Увидимся через некоторое время.

— Да, я буду там.

— О, погоди! Бен? Э-э-э... Я вроде как пообещала девушке, которая подошла к телефону, что ты дашь ей двадцать баксов, если она передаст тебе сообщение. Мне жаль. Она просто вела себя так, будто не собирается тебя звать, так что мне пришлось подкупить ее.

Я смеюсь.

— Не проблема. Скоро увидимся.

Фэллон прощается со мной, и я передаю трубку Талли, которая теперь уже стоит за стойкой. Она протягивает руку за двадцатью долларами. Достāju бумажник и вручаю ей двадцатку.

— Я бы заплатил в десять раз больше за ее звонок.

* * *

Я хожу туда-сюда по подъездной дорожке у дома.

Что я делаю?

В этом так много неправильного. Я едва знаю эту девушку. Я провел с ней несколько часов и вдруг решаю написать книгу о ней? О нас? Что, если в этот раз между нами ничего не щелкнет? В прошлом году у меня мог случиться маниакальный приступ или я просто был в исключительно восприимчивом и хорошем настроении. Она, может быть, даже не смешная. Она может быть стервой. Может быть, она зла из-за задержки рейса и, возможно, даже не хочет быть здесь.

Я имею в виду, кто так *делает*? Какой нормальный человек полетит через всю страну, чтобы встретиться с кем-то на один день, если они едва знают друг друга?

Вероятно, не многие. Но я бы без колебаний сел на самолет сегодня, если бы мы должны были встретиться в Нью-Йорке.

Я тру руками лицо, когда такси поворачивает за угол. Пытаюсь мысленно себя успокоить, думая, что это совершенно нормально. Это не безумие. Это не обязательство. Мы друзья. Друзья перелетают через всю страну, чтобы провести время вместе.

Жду. *Мы ведь друзья?* Мы даже не общаемся, так что вероятно, не классифицируемся даже как знакомые.

А сейчас такси уже подъезжает к дому.

Твою мать! Держи себя в руках, Кесслер.

Автомобиль останавливается.

Открывается задняя дверь.

Я должен встретить ее у двери. Как-то неловко, что я так далеко.

Я иду в сторону такси, когда Фэллон начинает выходить.

Пожалуйста, будь той же Фэллон, с которой я познакомился в прошлом году.

Хватаюсь за ручку двери и открываю ее до конца. Стараюсь вести себя прохладно, чтобы не выглядеть нервным. Или, что еще хуже, взволнованным. Я изучил достаточное количество любовных романов, чтобы знать — девушкам нравится, когда парни ведут себя немного отчужденно. Я где-то читал, такие ребята называются Альфа-самцами.

Будь ослом, Кесслер. Совсем чуть-чуть. Ты можешь это сделать.

Она выходит из машины, и этот момент как в кино, где все как в замедленной съемке. Но совсем не похоже на мою версию замедленной съемки. Это гораздо изящнее. Ветер подхватывает пряди ее волос и швыряет ей в лицо. Фэллон поднимает руку, чтобы убрать их, и вот тогда я замечаю, что может сделать разница в один год.

Фэллон другая. Ее волосы короче. У нее челка. Она в рубашке с короткими рукавами, которую она ни за что бы ни надела в прошлом году.

Она всем своим телом излучает уверенность в себе.

Это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

— Привет, — здоровается Фэллон, когда я тянусь, чтобы закрыть дверь. Кажется, она рада меня видеть и уже это заставляет меня улыбнуться ей в ответ.

Слишком много для игры в равнодушие.

Продержался я буквально ноль секунд, когда дело дошло до альтер-эго альфа-самца, которое я тренировал.

Я выдыхаю воздух, сдерживаемый на протяжении года, делаю шаг вперед и притягиваю Фэллон в самые искренние объятия из всех, что я когда-либо кому-либо дарил. Оборачиваю руку вокруг ее головы и тяну к себе, вдыхая ее свежий зимний аромат. Она тут же обнимает меня в ответ и прижимается лицом к моему плечу. Чувствую, как Фэллон с облегчением вздыхает, и мы стоим в таком положении до тех пор, пока такси не съезжает с подъездной дорожки и не исчезает за углом.

И даже тогда, мы не отпускаем друг друга.

Фэллон сжимает мою рубашку в кулак, а я пытаюсь не показать, как немного одержим ее новой прической. Ее волосы мягче. Прямее. Ярче. Освежающе, и *черт, это больно.*

Снова.

Почему она единственная, кто заставляет меня морщиться от боли? Фэллон выдыхает мне в шею, и я чуть не отталкиваю ее, потому что, *черт возьми, это слишком.* Не уверен, что больше беспокоит меня. То, что мы оказались именно там, где остановились в прошлом году или то, что прошлый год не был случайностью. Если быть честным, думаю, что второе. Потому что в прошлом году было адом проживать каждую минуту одного дня с ней и не знать, увижу ли я ее снова. И теперь, когда я знаю, что она придерживается моего идиотского плана встречаться раз в году, впереди я вижу еще один долгий год мучений.

Я уже боюсь той секунды, когда Фэллон уйдет, а ведь она только что приехала.

Она поднимает голову с моего плеча и смотрит мне в глаза. Убираю ее челку в сторону, чтобы увидеть лицо. Несмотря на то, как нервно звучал ее голос, когда мы говорили по телефону, сейчас она кажется совершенно спокойной.

— Привет, Фэллон-Переломщица.

Ее улыбка становится еще шире.

— Привет, Писатель Бен. Почему ты выглядишь так, будто тебе больно?

Я пытаюсь улыбнуться, но уверен, сейчас выражение моего лица не очень привлекательно.

— Потому, что удерживать свои губы вдали от твоих действительно больно.

Фэллон смеется.

— Как бы сильно я не хотела почувствовать вкус твоих губ, должна тебя предупредить — поцелуй-приветствие, потянет только на шестерку.

Я обещал ей одиннадцать баллов. С этим придется подождать.

— Пошли. Давай зайдём внутрь, чтобы я смог выяснить, какого цвета на тебе трусики. — Она смеется таким знакомым смехом, когда я хватаю ее за руку и веду в сторону дома. Я уже могу сказать, что мне не о чем беспокоиться. Она все та же Фэллон, какой я запомнил ее в прошлом году. Может быть, даже немного лучше.

А...может быть, это означает, что мне следует волноваться обо *всем*.

Когда Бен попросил меня встретиться с ним у его дома, я ожидала совсем другого: я думала, что он живет в обычной квартире, но это, большой, современный двухэтажный дом. Всем домам дом. Бен закрывает за мной входную дверь и ведет к лестнице. Я следую за ним.

— Ты приехала без багажа? — спрашивает он.

Не хочу думать о том, как недолго пробуду здесь.

— Я возвращаюсь сегодня вечером.

Бен останавливается в полушаге от меня и оборачивается.

— Сегодня вечером? Ты не останешься в Калифорнии даже на ночь?

Я качаю головой.

— Не могу. Я должна быть в Нью-Йорке в восемь утра. У меня вылет в двадцать два тридцать.

— Полет займет больше пяти часов, — отвечает он озабочено. — Учитывая разницу во времени, ты прилетишь где-то к шести утра и даже домой заехать не успеешь.

— Я посплю в самолете.

Бен хмурится и поджимает губы.

— Мне не нравится твой план, — возмущается он. — Тебе следовало позвонить, и мы могли бы поменять дату или придумать что-то ещё.

— У меня нет твоего номера. Кроме того, мы бы испортили всю идею твоей книги. Помнишь? Девятое ноября, или ничего.

Не исключено, что он может обидеться, но напоминаю, что именно он придумал это правило.

— Мне очень жаль, что я опоздала. До возвращения в аэропорт у нас еще шесть часов.

— Пять с половиной, — уточняет Бен, и начинает подниматься по лестнице. Я иду за ним до его комнаты, но теперь чувствую, как он расстроился из-за меня. Знаю, что, наверное, были и другие рейсы туда и обратно, но честно говоря, я сомневалась, что Бен приедет. Я думала, что у него наверняка сумасшедший график с его фиктивными девушками и он вряд ли вообще помнит меня. Вот и подумала, что если прилечу всего на несколько часов, то будет не так обидно, если вдруг Бен не приедет, тогда я могла бы улететь обратно и сделать вид что ничего не произошло.

Но Бен не только приехал, он ждал меня два часа.

Два часа.

Я очень польщена. На его месте я бы уже через час сдалась, подумав, что меня продинамили.

Бен открывает дверь и пропускает меня первой. Он улыбается мне, когда я вхожу в его комнату, но улыбка кажется притворной.

У него нет права обижаться на меня. Мы договорились встретиться сегодня и да, я — опоздала, но приехала же. Я оборачиваюсь и упираю руки в бедра, готовая защищаться, если он скажет еще хоть слово о том, как мало у нас времени. Бен закрывает дверь, и прислоняется к ней спиной. Однако вместо того чтобы продолжить упрекать меня, Бен начинает снимать свои ботинки. С его лица исчезло разочарование и теперь он выглядит... даже не знаю, как описать... *счастливее* что ли.

Скинув ботинки, Бен быстро подходит ближе и неожиданно толкает меня. Вскрикнув я

падаю назад, но прежде чем меня охватывает паника, приземляюсь на что-то воздушное. Или это кровать? Да и не важно, это самое мягкое место, на которое я когда-либо падала.

С блеском в глазах Бен делает шаг вперед и улыбается.

— Давай устроимся удобнее, — предлагает он. — Нам нужно о многом поговорить.

Бен располагается между моими коленями, и поднимает мою ногу, чтобы снять обувь. Но на мне простые балетки, поэтому он с легкостью избавляется от них. Вместо того чтобы отпустить мою ногу, Бен сначала медленно гладит её рукой и только потом опускает.

Я и забыла, как жарко в Калифорнии. Ему нужно срочно включить вентилятор.

Далее Бен поднимает вторую ногу и проделывает с ней то же самое: разувает и мучительно медленно гладит, не забывая все время мне улыбаться.

Разве Калифорния выше над уровнем океана чем Нью-Йорк? Боже, в этой комнате так тяжело дышать.

Закончив с обувью, Бен обходит меня и располагается в изголовье кровати.

— Иди сюда, — зовёт он.

Я переворачиваюсь на живот. Бен лежит, облокотившись на свою руку и гладит вторую подушку рядом с собой.

— Я не кусаюсь.

— Это позор, — отвечаю я и ложусь на подушку, лицом к нему. — Девяносто процентов нашего времяпровождения, с момента знакомства, проходит в постели.

— В этом нет ничего плохого. Я обожаю твои волосы.

От его слов по телу бежит приятная дрожь, но я улыбаюсь так, словно слышу это каждый день.

— Что ж, спасибо.

Некоторое время мы просто молча смотрим друг на друга. Я уже начала забывать, как Бен выглядит, но сейчас, когда его лицо передо мной, ощущение такое — будто я никогда и не уезжала. Бен выглядит уже не как подросток, которым был в прошлом году. И мне становится интересно, неужели, когда я увижу его снова в следующем году, он будет выглядеть как зрелый мужчина. Хотя между девятнадцатилетним парнем и зрелым мужчиной нет никакой разницы.

— У нас не очень много времени, — напоминает он. — У меня миллион вопросов. Мне нужно писать книгу, но я абсолютно ничего не знаю о тебе.

Открыв рот, я хочу возразить: потому что, на мой взгляд, Бен знает обо мне все. Но я проглатываю свои слова, ведь по идее он знает не так уж и много. Мы провели всего лишь один день вместе.

— Ты что-нибудь написал в этом году?

Он кивает.

— Написал. Ты кого-нибудь поцеловала в этом году?

— Целовала. А ты? — тоже киваю я.

Бен пожимает плечами.

— А ты целовал, Бен?

Он все же кивает.

— Нескольких.

Я пытаюсь не реагировать на это, но сколько конкретно входит в эти несколько?

— И ты постоянно сравнивал их со мной?

Бен качает головой.

— Я уже говорил в прошлом году, что это совершенно несправедливо по отношению к остальным женщинам. Ты несравнима.

Я так рада, что приехала сегодня. Мне плевать что я не буду выспаться целую неделю, это стоило того чтобы услышать этот комплимент.

— Как насчёт твоих парней? Ты сходила на все пять свиданий?

— Парень, — исправляю его. — Только один. Я пыталась.

Бен выгибает бровь, и я сразу же переключаюсь в режим обороны.

— Бен, ты не можешь ожидать от меня мгновенного превращения в нового человека. Это происходит со мной впервые. Нужно время. Я так гордилась собой, когда меня поцеловал парень. Он подумал, что я была в восторге от его поцелуя, но я была счастлива просто потому что выполнила часть задания.

Бен смеется.

— Ну что ж, думаю, один пока сойдет. Но это значит, что в следующем году твое задание станет гораздо сложнее.

— Ну ладно. Тогда и твое так же. И кстати, я хочу получить доказательство того что ты пишешь книгу. Хочу прочитать какой-нибудь отрывок о нас.

— Нет, — сразу отказывается он.

Я сажусь на кровати.

— Что, нет? Ты не можешь убеждать меня, что написал в этом году, не предоставив доказательства. Покажи мне хоть что-нибудь.

— Мне не нравится, когда люди читают, то что я пишу.

Я смеюсь.

— Ты серьезно? Это все равно, что оперный певец отказывается петь во время концерта.

— Ничего подобного. Я дам тебе почитать, когда закончу.

— Ты хочешь, чтобы я ждала *четыре года*?

Его губы кривятся в улыбке, после чего он кивает.

Я расстроено откидываюсь обратно на подушку.

— Вздох.

— Ты только что сказала «вздох»? В слух? Вместо того чтобы *вздохнуть*?

— Закатывание глаз.

Бен смеется и нависает надо мной. Теперь я смотрю вверх на него, а он вниз на меня. И все было бы замечательно, если бы он не смотрел на меня так, словно проигрывает в голове сцену, где его губы накрывают мои.

Я втягиваю воздух, когда его рука скользит по моему подбородку.

— Я скучал по тебе, Фэллон, — шепчет он. — Очень сильно. И пофиг что мне не следует признаваться в этом, но в течение целых двух минут я старался быть альфа-самцом, но у меня не получается. Так что сегодня ты не получишь альфа-Бена. Прости.

Вау. Он что...

Да.

— Бен, — начинаю я, нахмурившись. — Ты что... только что воспользовался *книгингом*?

Он вопросительно выгибает бровь.

— Книгингом?

— Да. Это когда сексуальный парень разговаривает с девушкой фразами из книг. Это

типа сексинга, но в слух, и с фразами из книг вместо эротических фотографий. Или вместо сообщений. Ну ладно, не совсем как секстинг, но я все поняла.

Бен откидывается на спину и начинает хохотать. Теперь я нависаю над ним, и положив руки ему на грудь, наклоняюсь ближе.

— Не останавливайся, — призываю я, дразня, соблазнительным голосом. — Давай еще, Бен. Ты читал электронные книги или... — я медленно провожу пальцем от подбородка вниз к груди, — бумажные, в *твердой* обложке?

Он складывает руки за головой и самодовольно улыбается.

— Ах да, точно, они были в твердом переплете. И я не уверен, готова ли ты к этой новости, но... Но у меня есть очень личный список КОП. Ты должна увидеть его, Фэллон. Он *огромный*.

Я издаю стон, но очень сомневаюсь, что он был притворным.

— Плюс, теперь я знаю, как целоваться, "как в любовных романах", — предупреждает он. — Так что будь готова.

Бен приподнимается на локтях и уже не улыбается.

— Но, если серьезно. Это женское влечение к альфа-самцам немного сбивает с толку, потому что я вообще не похож на тех парней, о которых ты читала.

Да. Ты лучше.

— Я никогда не ездил на мотоцикле, и не дрался с другим парнем ради забавы. И как бы я не фантазировал секс с тобой в этом году, не думаю, что смог бы сказать с каменным лицом "*Ты принадлежишь мне*". Я всегда хотел набить татуировку, правда маленькую, потому что ни за что на свете я не смогу стерпеть боль. Ну а в целом, книги интересные, но иногда они внушают мне чувство несовершенства.

Он это не всерьез.

— Бен, в книгах, которые я читала, не все парни такие.

Он чуть наклоняет голову.

— Но тебе наверняка нравятся плохие мальчики, раз ты любишь читать о них.

— На самом деле это не так, — не соглашаюсь я. — Мне нравятся такие книги, потому что в них описывается жизнь, которую я не могу прожить. Это абсолютно другие жизненные ситуации, в которые я, слава Богу, никогда не попаду. Это просто мое развлечение. И как бы мне не нравилось читать про то, как парень говорит девушке что она такая мокрая из-за него... Если кто-нибудь скажет мне подобное во время секса, меня это не возбудит. Я в ужасе подумаю, что случайно описалась.

Бен хохочет надо мной.

— И если у нас будет секс, и ты скажешь мне что я *принадлежу* тебе, то я в буквальном смысле выползу из-под тебя, оденусь, выйду из твоего дома и наблюдаю у тебя во дворе. Так что, если мне просто нравится читать о таких парнях, не означает, что мне нужен такой же парень в *реальной* жизни.

Бен усмехается.

— Можно я тебя перебью?

Жаль, что он только шутит.

— Я вся твоя на ближайшие пять часов.

Бен толкает меня, чтобы я легла на спину.

— Расскажи мне о *мальчике*, который тебя поцеловал, — он произносит слово мальчик, как если бы хотел оскорбить парня. Мне нравится это. Ревнивый Бен милый. — Я хочу знать

все детали вашего поцелуя, так я смогу добавить в книгу второстепенную линию сюжета.

— Второстепенную линию сюжета? — переспрашиваю я. — Означает ли это, что основной сюжет уже есть?

Выражение его лица не меняется.

— Итак, как вы познакомились?

— На репетиции.

— Ты ходила с ним на свидание?

— Два раза.

— Почему только два? Что произошло?

Мне снова хочется сказать вслух "вздых". Я честно не хочу рассказывать о нем.

— Ничего не получилось. Нам обязательно говорить об этом?

— Да. Это часть нашего соглашения.

Я издаю стон.

— Ладно. Его зовут Коди. Ему двадцать один. Мы проходили прослушивание для одного и того же мюзикла и между нами состоялась милая беседа. Он спросил мой номер, и я дала.

— Ты оставила ему свой номер? — удрученно переспрашивает Бен. — А почему мне не дала?

— Потому что ты мне действительно нравишься. В любом случае, мы встретились на выходных и несколько раз поцеловались. Он был милым. Забавным.

Бен в ответ гримасничает.

— Забавнее меня?

— С твоим чувством юмора никто не сравнится, Бен. Прекрати перебивать меня. Так вот, я согласилась погулять с ним во второй раз. Мы поехали к нему, типа посмотреть кино. Мы начали целоваться и... Я просто... Я не смогла.

— Не смогла что? Не смогла насладиться? Или целоваться именно с ним?

Я не знаю, что более странно. Рассказывать Бену о поцелуях с другим парнем или то, что мне очень легко рассказывать Бену о своих поцелуях с другим парнем.

Ну, во всяком случае так было до этого момента. Теперь я хочу просто заткнуться.

— Я не смогла все. Это было... — я закрываю глаза, не желая озвучивать истинную причину. Но это Бен. Ему легко признаваться.

— Все было по-другому. Я почувствовала себя... Не знаю. *Неполноценной*.

Я вижу, как Бен с трудом сглатывает.

— Объясни, — просит он хриплым голосом.

Мне нравится, что он как будто немного расстроен, и не хочет слышать, что я с кем-то обжималась. Особенно мне нравится, что он как будто, даже защищает меня.

Думаю, в Бене гораздо больше доминирования, чем он это признает.

Я тяжело вздыхаю, и готовлюсь ответить честно, что по идее не должна хотеть, но по каким-то причинам хочу.

— В прошлом году, когда ты прикасался ко мне, я чувствовала себя... красивой. Словно у меня нет никаких шрамов. Или... нет, я не так выразилась. Ты сделал так, что я почувствовала, что шрамы эта часть моей привлекательности. И я никогда так себя не чувствовала, и даже не думала, что когда-либо почувствую себя так. Поэтому, когда я была с Коди, я замечала все. Как он прикасался только к правой части моего лица. Как он целовал только правую часть моей шеи. Как он настоял, чтобы мы выключили свет.

Бен морщится, словно ему больно, но на этот раз выражение очень убедительное.

— Продолжай, — выдавливает он.

— В какой-то момент, он попытался снять с меня лифчик, но я просто не смогла это сделать. Я не хотела, чтобы он все увидел. Он действительно был хорошим парнем, поэтому не попросил меня о продолжении. Но если честно, это немного обеспокоило меня. Я вроде как хотела, чтобы он успокоил меня и вел себя, так будто несмотря ни на что хочет меня, но мне показалось что он даже обрадовался, когда я остановила его.

Бен перекачивается на спину и трет руками лицо. Через пару секунд он переворачивается обратно и смотрит на меня.

— Я прошу тебя, больше никогда не рассказывай об этом гребанном мудаке.

Услышав эти слова меня накрывает невероятной волной тепла. Бен прикасается к моему подбородку большим пальцем и искренне спрашивает:

— Что ты не хотела, чтобы он увидел?

Замешательство на моем лице, побуждает его уточнить.

— Ты сказала: *Я не хотела, чтобы он все увидел*. Но если на тот момент ты была почти без рубашки, значит, он видел твои шрамы. Что ты имела в виду?

Я сглатываю. Я хочу накрыть лицо подушкой и спрятаться. Не могу поверить, что Бен поймал меня.

— Не делай этого, — говорит он, когда я пытаюсь схватить подушку. Он возвращает ее мне под голову и склоняется ближе.

— Это я, Фэллон. Не надо стесняться. Скажи мне, что ты имела в виду.

Я делаю глубокий вдох, в надежде что большое количество кислорода каким-то образом прибавит смелости чтобы ответить. А потом я очень медленно выдыхаю, чтобы оттянуть свой ответ.

Прикрываю ладонью свои глаза и со всей возможной скоростью отвечаю: — Моя левая грудь.

Жду что Бен задаст еще больше вопросов, или заставит меня убрать руку, но он не делает этого. Не могу поверить, что только что сказала ему. Я никогда никому не говорила об этом, даже Эмбер. Во время пожара обгорела не только большая часть левой половины моего тела. И как будто этого наказания было мало, я получила рану, когда меня пытались вытащить из окна чердака. К счастью я не помню ничего с того момента как уснула той ночью и как проснулась в больнице. Но мои шрамы — это ежедневное напоминание. Сильнее всего обгорела моя левая грудь. И я не дура. Я знаю парней. Для них самое главное, чтобы грудь была красивой и симметричной, но у меня не такая.

Чувствую, как Бен тянет мою руку. Он нежно гладит меня по щеке.

— Почему ты так переживаешь, что ее кто-то увидит? Потому что она в шрамах?

Я киваю, а потом качаю головой.

— Это так неловко, Бен.

— Но не для меня, — уверяет он. — И уверен, что и для тебя не должно быть. Я уже видел тебя без рубашки, помнишь? Насколько я помню, все было прекрасно.

— Ты видел меня без рубашки, но тебе следует посмотреть на меня без лифчика. Тогда ты поймешь.

Бен тут же приподнимается на локте.

— Хорошо.

Я в недоумении смотрю на него.

— Это не предложение.

— Но я хочу увидеть.

Я качаю головой. Даже начинаю смеяться, потому что ни за что на свете не покажу ему грудь, чтобы он смог поглазеть на это безобразие.

— Я хочу написать книгу о справедливости и твои травмы — это особая тема, которую я хочу поднять в ней. Поэтому ты должна позволить мне увидеть все. Будем считать это исследовательской работой.

Его слова словно нож, вонзаются в моё сердце.

— Что?

Мой голос дрожит так, словно я вот-вот расплачусь. Но я не собираюсь плакать. Пока.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что тебе придется затронуть эту тему в книге? Ты ведь не пишешь про мои шрамы, правда?

На его лице отражается полное смятение.

— Это часть истории. Естественно я буду писать об этом.

Я приподнимаюсь на локти и смотрю на него, сузив глаза.

— Я хотела, чтобы ты написал беллетристику, написал о моей красоте, Бен. Ты не можешь превратить главного героя в участника шоу уродов. Никто не захочет отождествлять себя с уродом. Главный герой должен быть хорошеньким и...

Бен тут же нависает надо мной и прикрывает мне рот рукой. Делает глубокий вдох, словно я его очень разозлила. Быстро выдыхает и его челюсть от злости чуть ли не трясется.

— Послушай меня, — говорит он, прижимая ладонь к моему рту, поэтому я не могу его прервать. — Меня бесит, что ты позволяешь всем так тривиально определять огромную часть себя. Я не могу сделать тебя хорошенькой в этой книге, потому что это будет оскорблением. Ты чертовски красива. И ты веселая. И единственные моменты, когда я не полностью влюблен в тебя, это — когда ты начинаешь себя жалеть. Я не могу понять почему ты до сих пор этого не поняла. Ты осталась жива, Фэллон. И каждый раз, когда ты смотришь на себя в зеркало, ты не имеешь права ненавидеть свое отражение. Ты выжила, когда многие люди не оказались такими счастливыми. И в следующий раз, когда ты подумаешь о своих шрамах, тебе не позволено негодовать из-за них. Тебе пора принять их, потому что тебе повезло жить на этой земле и смотреть на них. И любой парень, которому ты позволишь прикасаться к своим шрамам, должен сказать тебе спасибо за такую привилегию.

У меня болит в груди.

Я не могу дышать.

Бен убирает свою руку, а я с жадностью начинаю вдыхать кислород. Мои глаза наполняются слезами, и я не могу сдержать дрожь, из-за того, что пытаюсь не расплакаться. Бен опускается ниже и берет мое лицо в свои руки. Он прижимается губами к моему виску и шепчет:

— Ты заслужила это, Фэллон.

И я киваю, потому что он прав.

Он прав.

Конечно же, он прав. Я выжила, и я здорова, и да, огонь оставил свой опечаток на моей коже, но он не уничтожил самую важную часть меня. Он не смог добраться до внутренностей. Так почему же я так отношусь к себе?

Я должна прекратить так обращаться с собой.

— Ш-ш-ш, — шепчет Бен, стирая слезы с моих щек. Все мои эмоции вышли наружу. Я так зла из-за того, что он решил, будто имеет право так со мной разговаривать. Но то, что он

высказал мне все именно таким тоном, заставило мое сердце жалеть об отсутствии губ, потому что мое сердце хочет расцеловать Бена за все его слова. И я зла на себя за то, что была такой эгоцентричной последние несколько лет. Да, огонь — это полный отстой. Да, я бы хотела, чтобы этого никогда не происходило со мной, но это произошло, и мне уже ничего не изменить, так что мне нужно перестать страдать.

Я хочу смеяться, ведь услышав все, о чем только что сказал Бен, я словно избавилась от тисков, которые сжимали мою грудь, и впервые за три года по-настоящему задышала.

Теперь все ощущается по-другому: по-новому. Как будто воздух звенит, напоминая, как мне повезло, что я здесь и могу дышать.

Что я и делаю. Глубоко вдыхаю и обнимаю Бена, зарываясь лицом между его головой и плечом.

— Спасибо тебе, — шепчу я. — Ты сволочь.

Я чувствую, что он смеётся, поэтому ложусь обратно на свою подушку и позволяю Бену стирать мои слёзы. Он смотрит на меня так, словно я прекрасное недоразумение, и я не позволяю себе спрашивать так ли это. Потому что я такая. Я черт возьми, прекрасное недоразумение и он счастлив сейчас нависать надо мной.

Я скольжу ладонями по его груди и чувствую биение его сердца через футболку. Оно бьется так же быстро, как и моё.

Наши взгляды пересекаются и Бен не спрашивая разрешения, опускает голову и едва касается моих губ.

— Фэллон, я чертовски сильно возбужден. Я сейчас собираюсь поцеловать тебя и не буду извиняться за это.

А потом его губы захватывают мои. У меня кружится голова и ощущение такое, что я плыву и не могу пошевелить руками. Но мне и не нужно, потому что Бен берет мои руки, переплетает наши пальцы и поднимая их к голове, прижимает наши ладони к матрасу. Его язык с таким чувством скользит по-моему, с каким, он всегда смотрит на меня. Прожигая насквозь.

Он медленно целует меня в шею, удерживая наши руки над головой и не позволяя прикасаться к нему, пока он изучает мою кожу. Боже, я так скучала по нему. Скучала по своим чувствам, которые он вызывает. Я бы хотела чувствовать это каждый день. Один раз в год недостаточно.

Давление на правой руке исчезает, потому что Бен проводит пальцем по всей длине руки до самой талии. Его губы возвращаются к моим, и он снова целует меня и одновременно медленно скользит рукой под блузку. Всего одно ощущение его пальцев на моей коже напоминает о том, почему каждую ночь едва моя голова касается подушки, я думаю о нем.

— Я снимаю твою блузку, — предупреждает он.

Я даже не стесняюсь.

Я же не стесняюсь?

Бен снимает через голову блузку и откидывает за спину. Его взгляд падает мне на грудь, скрытую за черным кружевным лифчиком, который я не рассчитывала сегодня ему показывать. Бен улыбается дьявольской улыбкой, обводя пальцами контуры кружева. Накрывает ладонью правую грудь и большим пальцем поглаживает ткань над соском. Но проходит всего секунда и я вздрагиваю, потому что прочла достаточно книг, чтобы знать, что следующее его прикосновение я почувствую без ткани. Все тело тут же напрягается: не

уверена, хочу ли я, чтобы Бен снял мой лиф. Я не хочу, чтобы он все увидел. Никто еще не видел все.

— Малышка, — говорит он, скользя губами по моей груди. — Расслабься, ладно?

Я могла бы попробовать, но теперь я напряжена, потому что он назвал меня малышкой, и он назвал меня так не потому что хочет увидеть то, что никто и никогда не видел.

Меня всегда раздражали ласковые обращения, но, когда их говорит Бен, все иначе.

Запустив пальцы в его волосы, я направляю его к своей левой груди, удивляясь, как за секунду он продвинулся от единицы до десятки. *О, Боже, он тянет вниз лямки моего лифа.* Его губы прямо там, двигаются по изгибам груди и его пальцы оттягивают кружево ниже... ниже...еще ниже... все.

Своей кожей, чувствую прохладный воздух, но мои глаза плотно закрыты, поэтому я не вижу выражение его лица. Но я могу чувствовать его губы, как он без остановки целует мою грудь, скользя по коже языком, посасывая, покусывая и... наслаждается этим.

— Фэллон.

Бен хочет, чтобы я посмотрела на него, но мне гораздо комфортнее с закрытыми глазами.

— Открой глаза, Фэллон.

Я могу это сделать.

Я открываю глаза и смотрю в потолок.

Я могу это сделать.

Медленно опускаю взгляд и смотрю ему в глаза.

— Ты прекрасна. Каждый миллиметр твоего тела невероятно красив. Бен прижимается губами к моей груди и медленно скользит ими по коже, поглаживая языком шрамы. Я жду, когда он придумает предлог... чтобы отстраниться.

Но он этого не делает. Вместо этого он смотрит на меня и ухмыляется.

— Ты в порядке? Я могу продолжать?

Я порываюсь отрицательно покачать головой, потому что я не должна хотеть продолжения. Каждый раз, когда я представляла себе, как это все будет происходить с парнем, в моем воображении я была с идеальной фигурой и без шрамов. Но вот она я, наблюдаю, как Бен изучает мое тело, которое в моих мечтах было совсем другим. И кстати, он наслаждается этим.

И... я тоже.

Я киваю, и еще, наверно издаю стон, потому что... вот черт! *Он так сексуален.* И из-за того, что именно я стала причиной этого горящего взгляда Бена, я чувствую себя еще более желанной, чем, когда представляла себя совершенством. Бен прокладывает дорожку из поцелуев до шеи и нависает надо мной. Погружает руку в мои волосы, под затылок и склоняет голову.

— Прости. Не знаю, как заставить себя замедлиться, когда ты рядом.

И он не замедляется. Бен полностью останавливается, потому что дверь его спальни распахивается настежь.

Бен молниеносно ложиться на меня, прикрывая своим телом, но делает это недостаточно быстро, и я успеваю заметить у двери девушку с широко раскрытыми глазами.

О, Боже. Дверь. Девушка.

— Бен? — произносит она.

Наверно я должна уже паниковать?

— Можешь дать нам минутку, Джордин? — отвечает Бен, не глядя на нее.

Дверь быстро захлопывается и до нас доносятся глухие извинения:

— Извините! Ох, ничего себе, мне так жаль!

Ее реакция не похожа на реакцию взбешенной подружки, поэтому я чувствую облегчение. И кстати, ее реакция так же немного облегчает мое смущение.

— Мне так жаль, — извинятся Бен. — Я не знал, что она дома. — Он быстро целует меня в губы и поднимается. — Не переживай. Для нее это гораздо унижительнее, чем для нас.

Я натягиваю обратно свой бюстгальтер и сажусь на кровати.

— Говори за себя.

Бен поднимает с пола мою рубашку, передает мне, и помогает просунуть голову. Он улыбается.

— Это не смешно, — шепчу я.

Теперь он тихо смеется.

— Если бы ты была знакома с Джордин, ты бы поняла, как это смешно.

До этого момента я никогда не думала о том, как мало я знаю о Бене.

— Она твоя сестра?

— Станет через несколько дней, — отвечает он, натягивая ботинки. — В эти выходные она выходит замуж за моего брата Кайла. Церемония пройдет на заднем дворе.

У него есть брат?

Я снова напоминаю себе, как мало я знаю о его семье.

— Свадьба здесь? Они живут тут?

Бен кивает.

— Мы с братьями унаследовали этот дом после смерти мамы. Мы все живем здесь, так как дом большой. Мой старший брат много путешествует, поэтому он больше находится в разъездах, чем бывает дома. Кайл и Джордин живут на первом этаже.

Не знаю, почему я решила, что Бен единственный ребёнок в семье. И я понятия не имела, что его мама умерла. Этот парень, чей рот только что ласкал мою грудь, совершенный незнакомец для меня. Должно быть, Бен замечает на моем лице растерянность и смущение, поэтому наклоняется и ободряюще улыбается.

— Мы сыграем в игру "двадцать вопросов" чуть позже, и ты узнаешь обо мне почти все. Насколько скучная моя жизнь. Но сейчас я хочу познакомить тебя со своей будущей сестрой, — он тянет меня за руки пока я не встаю. Я надеваю свои балетки и выхожу вместе с ним из спальни. Мы почти доходим до лестницы, как Бен останавливается и дарит мне сладчайший и мягчайший поцелуй, прежде чем мы спускаемся на поиски Джордин.

Может всему виной моя одержимость любовными романами, но я всегда была убеждена, что силу чувств определяют поступки человека. Некоторые из моих любимых книжных сцен, это вот такие поворотные моменты в линии сюжета, когда парень признаётся в любви к девушке невероятными способами. Но чувство, которое вызвал у меня быстрый поцелуй Бена, я почему-то проигнорировала, составляя лучшие моменты в романах. Может эти невероятные поступки не имеют значения, так же, как и несуществующие чувства между двумя главными героями. Мне хочется вернуться к своей книжной коллекции и перечитать все заново, теперь, когда я проживаю все прочитанное в реальной жизни.

— Мне так жаль, — я слышу чей-то голос, когда Бен ведет меня в сторону кухни. — Я понятия не имела что ты дома, и я искала ножницы, но ты дома, и она точно не ножницы.

Она милая. Ниже меня ростом, калифорнийская блондинка с лицом, на котором отражается каждая переживаемая эмоция: прямо сейчас, просто глядя на неё, я могу сказать, что ещё чуть-чуть и она разревётся.

— Джордин, это — Фэллон, — представляет меня Бен, указывая рукой в мою сторону.

Я машу ей, после чего Джордин сразу подходит и обнимает меня.

— Приятно познакомиться с тобой, Фэллон. Не смущайся, это совершенно нормально, что у Бена в комнате бывают девушки.

Я стреляю взглядом в сторону Бена, но он в защитном жесте поднимает руку, показывая, что понятия не имеет почему она это сказала. Я поднимаю ладони, призывая его на помощь, потому что Джордин слишком крепко меня обнимает, и я не знаю, что делать. Бен прочищает горло и Джордин наконец отпускает меня.

— О Боже, все получилось совсем не так, — говорит она, сжимая руки. — Это не нормально, что у Бена в комнате находится девушка. Не совсем то, что я имела в виду. Просто я хотела сказать, что в этом нет ничего постыдного, мы все взрослые люди. Я не подразумевала что ты одна из многих. На самом деле он редко приводит домой девушек, вот почему я так уверенно зашла в его комнату, потому что это такая редкость, и я даже не подумала, что он здесь. С тобой — с девушкой.

— Джордин начинает расхаживать по кухне и каждый раз, когда я мельком смотрю на её лицо, она выглядит так, будто сейчас расплачется. Никогда не встречала кого-то, кто нуждался в объятиях больше чем она сейчас.

Я подхожу к Джордин, поэтому она останавливается. Кладу обе руки ей на плечи. Глубоко вдыхаю, выпрямляя спину. Она повторяет за мной, набирая побольше воздуха в легкие. Я медленно выдыхаю, и она следует моему примеру. Я улыбаюсь.

— Все в порядке, Джордин. Мы с Беном абсолютно не смущены. Но похоже, тебе не помешает выпить.

Она лихорадочно кивает, а потом прижимает руку ко рту, и по ее щекам начинают стекать слезы.

О, Боже. Что теперь? Я умоляюще смотрю на Бена, но он смотрит на меня так, будто это совершенно нормальное для нее поведение. Но все-таки он подходит к ней, и поворачивает лицом к себе.

— Эй, — успокаивающе говорит Бен, обнимая ее. — Что случилось?

Джордин качает головой, указывая на соседнюю комнату.

— Доставили настольные таблички для рассадки гостей и половина из них написаны не правильно, и еще столы со стульями должны были доставить сегодня утром, но они перенесли доставку на завтра, а завтра мне не подходит, потому что я должна ехать на контрольную примерку, а теперь я должна быть здесь и ждать доставку, и мама поменяла билеты, поэтому не сможет помочь мне закончить цветочное оформление сегодня и...

Бен перебивает ее.

— Успокойся, — говорит он, и указывает рукой в сторону холодильника. Я захожу на кухню и нахожу полупустую бутылку вина. Наливаю Джордин бокал вина, пока Бен успокаивает ее. Передаю ей бокал, она садится на барный стул и стирает слезы.

— Спасибо, — благодарит она и делает глоток вина. — Обычно я не такая сумасшедшая или сверхчувствительная, просто эта неделя, худшая в моей жизни. И я понимаю, что в итоге все мучения будут стоить того, но... — Джордин смотрит на меня в упор. — Никогда не выходи замуж. Никогда. Только если вы поженитесь в Лас-Вегасе.

Я делаю вид, что прислушаюсь к ее совету, но уровень ее стресса отобьет желание жениться у любого, даже без этой фразы.

— Подожди, — произносит она, указывая на меня. — Тебя зовут Фэллон? Как Фэллон О'Нил?

О, нет. Меня не часто узнают, после сериала, но, когда это происходит, как правило, узнают девушки в возрасте Джордин. Девушки, которые, скорее всего не пропускали ни одной серии.

— Ты случайно не та актриса, которая была звездой детективного сериала?

Мне на плечо ложится рука Бена, словно он гордится этим фактом из моей жизни.

— Да, это она.

— Да ладно! — восклицает Джордин. — Я постоянно его смотрела! Ну, пока они не заменили тебя какой-то телкой, которая не умела играть.

Мне приятно слышать это замечание. После моей замены я не смогла смотреть этот сериал, но не буду врать и говорить, что мне не стало немного легче, когда сериал свернули после двух сезонов из-за падения рейтингов.

— Почему ты ушла? — спрашивает Джордин. — Ой. погоди, я помню. Ты получила какую-то травму, да? Это из-за этого у тебя шрамы?

Чувствую, как рука Бена мгновенно напрягается.

— Джордин, — предостерегает он.

Я признательна ему, что он пытается остановить этот разговор, но сложно обижаться на Джордин, когда очевидно, что она просто любопытствует.

— Все нормально, — говорю, как только вижу, что Джордин собирается извиниться. — Это был несчастный случай, и было отстойно когда пришлось покинуть сериал. Но я благодарна, что выжила. Все могло быть намного хуже.

Я чувствую, как Бен целует меня в висок, скорее всего, таким образом он сказал мне как ценит, что его ободряющие слова наконец-то дошли до меня.

Но тут захлопывается входная дверь и все наше внимание переходит на звук мужского голоса.

— Ну и где моя маленькая сучка? — зовет голос.

О, Господи. Надеюсь это не жених.

— Ян дома, — объясняет Бен и, взяв меня за руку, тянет в гостиную. — Пойдем, познакомишься с моим старшим братом.

Я иду за Беном в гостиную и вижу сидящего на коленях мужчину, который ласкает маленькую белую собачку.

— Вот она, моя маленькая сучка, — с нежностью обращается он к собаке. Так нежно, насколько вообще может звучать такое обращение.

— Посмотрите, какая птичка к нам залетела, — говорит Бен, привлекая внимание парня.

И только когда Ян встает, я замечаю, что он в форме пилота. Бен тут же показывает на меня. Не буду врать, но знакомиться с новыми людьми для меня довольно неловко. А знакомиться с семьей Бена это совершенно новый уровень неловкости.

— Ян, это — Фэллон. Фэллон это — Ян.

Ян делает шаг вперед, и пожимает мою руку. Они так похожи с Беном, что я не могу перестать глазеть на его брата. У него такой же волевой подбородок и одинаковая линия губ как у Бена, но Ян немного выше, и он блондин.

— И Фэллон твоя... — он недоговаривает, и ждет, когда Бен продолжит. Но Бен смотрит на меня и ждет, чтобы я сама закончила это предложение.

Что за черт? Вот вам и неловкое положение.

— Я Бена... сюжетная линия?

Бен громко смеется, а Ян вопросительно выгибает бровь. И так они еще больше похожи.

— Ты наконец написал настоящую книгу? — спрашивает Ян.

Бен закатывает глаза и, схватив меня за руку, тянет в сторону лестницы.

— Она не моя сюжетная линия, она — моя девушка и сегодня у нас первая годовщина.

В гостиной появляется Джордин и встает рядом с Яном. Они оба смотрят на Бена так словно он утаил от них самый большой в мире секрет.

— Вы встречаетесь уже год? — спрашивает Джордин, обращаясь ко мне. Но прежде чем я хочу сказать, что он шутит, Джордин расстроено взмахивает руками. — Бен, ты говорил, что придешь на свадьбу один! Мне не хватит стульев и, о Боже мой, уже наверно слишком поздно делать дозаказ! — она выбегает из комнаты чтобы сделать ненужный звонок.

Я шлепаю Бена по руке.

— Это было очень подло! Она и так нервничает.

Бен смеется и со стоном драматично закатывает глаза.

— Ладно.

Он идет за Джордин и, как только мы оказываемся с Яном в комнате одни, открывается входная дверь. Снова.

Боже, сколько людей может поместиться в этом доме?

Когда парень заходит, первым он замечает Яна. Они обнимаются, и парень хлопает Яна по спине.

— Ты же говорил, что приедешь завтра утром?

Ян пожимает плечами.

— Сегодня за меня вышел Майлз, поэтому я смог приехать раньше. На завтра обещают плохую погоду, а я не хотел опаздывать.

Брат, которого я еще не знаю, отвечает:

— Чувак, если бы ты пропустил репетицию ужина, Джордин бы меня... — он замолкает, когда замечает меня, стоящую в центре комнаты. Я ждала, что он что-нибудь скажет, но парень внимательно разглядывал меня с ног до головы, с неким подозрением, будто к ним не часто приходят гости. Ян подходит ближе и указывает на меня.

— Ты уже знаком с девушкой Бена?

Выражение его лица не меняется, за исключением почти незаметной морщинки на лбу. Парень быстро подходит ко мне.

— Кайл Кесслер, — представляется он, протягивая руку. — А вы?

— Фэллон, — отвечаю я, слегка испуганным тоном. — Фэллон О'Нил.

В отличие от Яна и Бена, у Кайла недоброжелательная энергетика. Но и не враждебная... просто он не такой как его братья. Он гораздо серьезнее. Более пугающий. Я замечаю, как он бросает секундный взгляд на шрамы на левой части лица, и мне становится интересно, что он думает о Бене, за то, что тот привел домой кого-то вроде меня. Но потом я вспоминаю недавние слова Бена и то какой Бен счастливчик, что привел домой кого-то вроде меня. Поэтому вместо того чтобы исполнить мой первоначальный позыв прикрыть лицо волосами, я вытягиваюсь и чувствую прилив уверенности в себе. Кайл отпускает мою руку, когда в гостиную заходит Бен.

— Джордин в порядке, — говорит он и замирает, заметив Кайла. Бен чуть шире раскрывает глаза, словно не ожидал увидеть Кайла, и я замечаю, как его поведение тут же меняется. Но Бен пытается скрыть это улыбкой.

— Ты говорил, что тебя не будет до вечера.

Кайл кидает ключи на ближайший столик и тычет пальцем в Бена.

— Нам нужно поговорить.

Я не могу понять тон Кайла. Не похоже, что он очень зол, но и не похоже, что он доволен.

Бен посылает мне ободряющую улыбку, прежде чем выходит из комнаты за Кайлом.

— Сейчас вернусь, — говорит он мне.

Я снова остаюсь с Яном. Засовываю руки в карманы джинс, не совсем уверенная чем занять себя, пока буду ждать Бена.

Ян наклоняется и поднимает с пола маленькую белую собачку. Он кивает в сторону лестницы.

— Три дня не принимал душ. Вот где я буду, если кто-нибудь из них спросит.

— Хорошо, — отвечаю я. — Приятно познакомится с тобой, Ян.

Он улыбается: — Мне тоже, Фэллон.

И вот теперь я остаюсь одна. Последние несколько минут были какие-то странные. Семья Бена... интересная.

Оглядывая гостиную, я пытаюсь получить хоть какую-то подсказку о настоящей личности Бена. На каминной полке стоят рамки с фотографиями его и братьев. Я беру одну из них и присматриваюсь. На старых фотографиях ясно видно, что Бен младше Яна, чего не скажешь сейчас. Правда, я не знаю какая у братьев разница в возрасте. Может два года или три.

Я нигде не вижу фотографий их мамы. И мне интересно как давно она умерла, и где их отец. Бен еще ни разу не упоминал о нем.

А потом я слышу громкий стук из коридора. Обеспокоенная, тем что могло что-то случиться с Джордин, я иду на стук. Но замираю, когда вижу, как Кайл сжимает рукой горло Бена и прижимает его к стене.

— Ты что идиот? — сквозь зубы спрашивает Кайл. Бен смотрит на Кайла бешеным взглядом, но не прилагает усилия, чтобы дать отпор брату. Как только я собираюсь броситься по коридору и оттащить Кайла от него, боковым зрением Бен замечает меня. Его брат оборачивается и как только видит меня, делает шаг назад и отпускает Бена.

Я так потрясена увиденным. Кайл стоит между мной и Беном, оглядывая то меня, то его. Он разворачивается чтобы уйти, но замирает, и обернувшись — глядя Бену в глаза, — отшвыривает его к стене.

— Какого черта! — кричу я на Кайла и бросаюсь к Бену, но он вытягивает руку, заставляя меня остановиться.

— Все нормально, — успокаивает он меня. — Иди наверх. Я буду через минуту.

Бен накрывает глаза руками, но Кайл по-прежнему стоит здесь и у него такой вид, словно он хочет еще раз ударить Бена, но затем резко отступает, когда из-за угла выбегает Джордин и застаёт эту сцену. Она в шоке смотрит на Кайла и на Бена, словно это абсолютно не характерно для них обоих.

Отчего вся эта сцена становится еще больше запутанной. У меня не было братьев, но насколько я знаю, братья обычно, часто пихают друг друга. Но судя по реакции Джордин, в

этой семье это не принято. Она готова разреветься в любую секунду.

— Ты только что *ударил* его? — спрашивает Джордин Кайла.

На долю секунды, Кайл выглядит виноватым и как будто хочет извиниться. Но потом он быстро выдыхает и поворачивается к Бену.

— Ты заслужил это, — со злостью выплевывает Кайл, отступая в коридор. — Ты, блядь, это *заслужил!*

Мы в моей ванной комнате, и я стою, прислонившись к стойке, пока Фэллон мокрым полотенцем стирает с моего глаза кровь.

Не могу поверить, что Кайл ударил меня прямо перед ней. Я так зол, но попытка расслабиться, дается с трудом. Особенно, когда Фэллон прижимается ко мне, касаясь кончиками своих пальцев кожи моего лица.

— Хочешь поговорить об этом? — она берет в руки лейкопластырь и отрывает край упаковки.

— Нет. — Фэллон приклеивает пластырь к моему лицу и осторожно его разглаживает.

— Мне стоит беспокоиться? — выбросив обертку в мусорное ведро, она кладёт полотенце в раковину.

Глядя в зеркало, я провожу пальцем вокруг глаза.

— Нет, Фэллон. Тебе никогда не нужно беспокоиться из-за меня. Или из-за Кайла, раз уж на то пошло.

Я всё ещё не могу поверить, что он ударил меня. За всю мою жизнь Кайл никогда меня не бил, хотя раз или два, он был близок к этому. Либо он устал из-за своей свадьбы, либо на этот раз я действительно его очень разозлил.

— Мы можем уйти отсюда? — спрашиваю я.

Фэллон пожимает плечами, — Думаю да. Куда ты хочешь пойти?

— Куда угодно, где есть ты.

От одной её улыбки все моё напряжение спадает.

— У меня есть идея! — восклицает она.

* * *

— Тебе холодно? — третий раз я задаю Фэллон один и тот же вопрос, и третий раз она отвечает: «Нет».

Притянув её ближе к себе, я аккуратно укрываю нас одеялом.

Ей захотелось пойти на пляж, несмотря на то, что сейчас ноябрь и почти ничего не видно. Мы взяли с собой еду на вынос, и Фэллон устроила импровизированный пикник с одеялами, которые прихватили из моего дома. Перекусив, мы в течение получаса болтали, больше узнавая друг друга. И с учетом того, что произошло дома, все вопросы были нейтральными. Но за последние две минуты, никто из нас не задал ни одного вопроса, похоже, с беседой мы закончили. А может тишина сама по себе является нашим общением?

Я держу руку Фэллон под одеялом, и мы молча наблюдаем, как волны разбиваются о скалы. Через некоторое время её голова опускается на мое плечо.

— Я не была на пляже с шестнадцати лет, — тихо произносит она.

— Ты боишься океана?

Она поднимает голову с моего плеча и притягивает колени к себе, обнимая их.

— Я проводила здесь много время. Всякий раз, когда у меня был выходной, я находилась здесь. Но потом произошёл пожар, и восстановление заняло много времени: сначала лежала в больнице, затем курс физиотерапии. Для заживающей кожи, солнце

противопоказано, поэтому я просто... никогда не возвращалась сюда. Даже тогда, когда можно было опять находиться на солнце, я не была уверена, что появиться на пляже — хорошая идея.

Я в растерянности и не знаю, что ей сказать. Мне больно от того, что пожар забрал уверенность Фэллон, но наверно до сих пор я и понятия не имею о том, сколько всего огонь забрал из её жизни.

— Так хорошо вернуться обратно, — шепчет она.

Я сжимаю её руку, потому что уверен, что сейчас это всё чего хочет Фэллон.

Мы снова сидим в тишине, и мои мысли возвращаются к инциденту с Кайлом. Я не знаю, как много слышала Фэллон, но она всё ещё здесь, значит не много. Впрочем, сказать, что она увидела не ту сторону Кайла, которую я хотел ей показать, это ещё мягко сказано. Она, наверно, думает, что мой брат придурок и, основываясь на нескольких минутах, свидетелем которых она была, я бы не стал винить её.

— Когда я учился в четвёртом классе, был один парень — старше меня, который постоянно меня доставал, — начинаю я свой рассказ. — Каждый день, когда мы ехали в автобусе, он либо распускал свои руки, либо говорил мне гадости. Это продолжалось в течение нескольких месяцев, и несколько раз я выходил из автобуса с окровавленным носом.

— Боже, — шепчет Фэллон.

— Кайл старше меня на пару лет. Тогда он учился в средней школе, но мы ездили на одном автобусе, потому что школа, в которую мы ходили была очень маленькая. Однажды, когда этот парень ударил меня прямо перед Кайлом, я думал, что брат вступится за меня, надерёт обидчику задницу, потому что я его младший брат. По-моему, это именно то, что должны делать старшие: защищать своих младших братьев от хулиганов, — я вытягиваю ноги пред собой и вздыхаю.

— Но Кайл просто сидел и смотрел на меня. Он никогда не вмешивался. И когда мы вернулись домой, я был очень зол на него. Я сказал ему что он просто обязан преподать урок моему обидчику. Кайл рассмеялся и спросил: «И как это научит тебя чему-нибудь?»

— Я не знал, что сказать. Чему я, чёрт возьми, должен был научиться, если меня избивали каждый день? Но Кайл продолжил: «Если я остановлю одного хулигана, чему это тебя научит? Ничему! Если я вмешаюсь, что ты получишь от этого? Что всегда можно надеяться на кого-то, а не на себя?! Бен, хулиганы будут всегда! Ты сам должен научиться справляться с ними, не подпускать их к себе. И если я побью кого-то, это ничерта тебя не научит».

— Ты прислушался к нему? — повернувшись, спрашивает Фэллон.

— Нет, — я отрицательно качаю головой. — Я ушёл в свою комнату и расплакался, решив, что Кайл жесток. После этого разговора, тот парень продолжал меня избивать. Но однажды всё изменилось. Не знаю, что произошло, но я стал защищаться, и не позволил ему бить себя как раньше. Я больше не боялся его. И через какое-то время, когда он понял, что его нападки мне не страшны, он отстал.

Фэллон молчит, но я вижу, что она хочет узнать, почему я рассказал эту историю.

— Кайл хороший брат и хороший человек. Я сожалею, что ты увидела не лучшую его сторону, потому что это не он. Кайл имел полное право быть расстроенным из-за меня. И я не хочу это обсуждать. Мой брат действительно хороший человек, просто, знай об этом.

Фэллон понимающе смотрит на меня, и я обнимаю её, притягиваю к своей груди, и ложусь на одеяло. Смотрю на звёзды и удивляюсь, как же давно я не любовался ими.

— Я всегда хотела, чтобы у меня был брат или сестра, — нарушает тишину Фэллон. — Знаю, я повела себя так будто не обрадовалась, когда в прошлом году папа сказал, что у него будет ребенок. Но я всегда мечтала о братике или сестрёнке. К сожалению, девушка, с которой был обручён мой отец, вообще не была беременной. Она думала у него есть деньги — спасибо его статусу звезды. Но когда она узнала, что на самом деле отец разорён, бросила его.

Вот это да. Я уже не чувствую себя так плохо из-за своей семейной драмы, свидетелем которой сегодня стала Фэллон.

— Это ужасно, — говорю я ей. — Он был расстроен? — не то, чтобы я очень переживал, по этому поводу: её отец заслужил все это, лишь за то как обращался со своей дочерью в тот день.

— Не знаю, — пожимает Фэллон плечами. — Это мне мама рассказала. Я не разговаривала с папой с прошлого года.

Услышав это, мне становится грустно. Каким бы он не был придурком, он — её отец, и я знаю, как это больно.

— Кто выдумывает беременность, чтобы поймать в ловушку мужчину? Это глупо. Хотя, для книги это может стать отличной сюжетной линией.

— Этой дрянной идеей для сюжета слишком часто злоупотребляют, — Фэллон упирается подбородком на руки и улыбается мне. Лунный свет освещает её лицо, и создается такое впечатление, будто она на сцене. Что напоминает мне...

— Ты когда-нибудь собираешься рассказать мне о репетициях, про которые говорила? Что за репетиции?

— Общественный театр, — перестаёт улыбаться она. — Завтра открытие, и утром мы должны провести генеральную репетицию, поэтому мне нужно вернуться так рано. У меня не главная роль и мне ничего не заплатят, но я наслаждаюсь этим, потому что многие актёры обращаются ко мне за советом. Не знаю почему, возможно из-за моего прошлого опыта, и мне это нравится. Приятно, что я не сижу взаперти в своей квартире всё время.

Мне приятно это слышать.

— Что по поводу работы?

— У меня гибкий график. Я всё ещё записываю аудиокниги и моего заработка вполне хватает, чтобы платить по счетам, так, что это хорошо. Хотя мне пришлось переехать, потому что моя арендная плата была немного завышена, но... в общем дела идут хорошо. Я счастлива там.

— Хорошо, — отвечаю я, проводя рукой по её волосам. — Я счастлив, что ты счастлива.

И это действительно так. Но я не собираюсь врать что, увидев сегодня Фэллон, я эгоистично надеялся услышать, что с Нью-Йорком ничего не вышло. Что она снова живёт в Лос-Анджелесе, и считает своё пятилетнее правило глупостью. И, что она хочет увидеть меня завтра.

— Ну а у тебя есть работа? — прерывает мои размышления Фэллон. — Не могу поверить, что не знаю об этом. Я позволила тебе ласкать свою грудь и даже не знаю, чем ты занимаешься.

— Учусь в университете, — смеюсь, отвечаю я. — Студент с двойной специальностью, которой занят целый день. Поэтому времени для работы почти не остается. Но счетов у меня не много. И к тому же у меня достаточно денег, доставшихся от мамы в наследство, поэтому, пока я учусь.

— Какие у тебя специальности?

— Писательское мастерство и коммуникация. Большинство писателей не очень удачливы в своей карьере, поэтому мне нужен был запасной план.

— Тебе не нужен запасной план, — улыбается Фэллон. — Потому что через несколько лет у тебя будет бестселлер, который поможет оплатить все твои счета.

Надеюсь, что на самом деле она так не думает.

— Как она называется? — спрашивает Фэллон.

— *Что* называется?

— Наша книга. Какое у неё будет название?

— *Девятое Ноября*.

Я наблюдаю за реакцией Фэллон, но по её выражению невозможно понять понравилась ли ей название. Через несколько минут она прижимается головой к моей груди, и я больше не могу видеть её лица.

— Я не рассказывала тебе об этом в прошлом году, — почти шепотом произносит она. — Но девятое ноября — это годовщина пожара. И теперь, когда, у меня есть возможность ждать встречи с тобой в этот день, я уже не так боюсь эту годовщину, как раньше. Так что спасибо тебе за это.

Я неслышно вздыхаю, но не успеваю ответить ей, потому что Фэллон прижимается ближе и целует меня.

— Ты уверен?

Бен кивает, но остальное его поведение говорит об обратном.

Полчаса назад мы лежали и обнимались на пляже и спустя пять минут наших поцелуев,

Бен резко выпрямился и объявил, что хочет татуировку.

— *Сегодня*, — твердо заявил он. — *Прямо сейчас*.

Поэтому мы здесь. Бен сидит в кресле, ожидая, когда вернется мастер, а я стою, прислонившись к стене и жду, когда он передумает.

Бен не хочет говорить мне, что означает эта татуировка. Он решил написать на левом запястье слово “поэтичный” внутри нотного стана. Не знаю, почему он не раскрывает значение рисунка, но, по крайней мере, это не мое имя. Не подумайте, мне нравится этот парень. Сильно. Но писать женское имя постоянными чернилами на ранних стадиях отношений, похоже на шаг альфа-самца. Особенно на запястье. И почему я вдруг назвала это отношениями?

О, Боже. А что, если именно поэтому Бен делает татуировку? Что, если он пытается вести себя, как крутой самец? Может, мне следует предупредить, что он делает это неправильно?

Я прочищаю горло, чтобы привлечь его внимание.

— Хм. Не хотелось бы об этом говорить, Бен, но татуировка на запястье со словом “поэтичный” не очень подходит для альфа-самца. На самом деле, даже наоборот. Ты точно не хочешь выбрать череп? Что-нибудь с колючей проволокой? Может быть, что-то кровавое?

Его губы изгибаются в кривой ухмылке.

— Не волнуйся, Фэллон. Я делаю это не для того, чтобы произвести впечатление на девушек.

Не знаю, почему мне так сильно нравится этот ответ. Мастер заходит обратно в комнату и показывает на запястье Бена, где несколько минут назад он нарисовал контур татуировки.

— Если тебе нравится расположение, мы начинаем.

Татуировка, нарисованная чернилами, проходит с одной стороны его запястья к другой. Бен кивает и говорит парню, что готов, а потом указывает на меня.

— Она может посидеть у меня на коленях и отвлекать меня?

Пожав плечами, парень берет руку Бена и кладёт перед собой, но ничего не отвечает. И как только в моей голове зарождается мысль, что этому парню, вероятно, интересно, почему Бен пришел с кем-то вроде меня, Бен прерывает мой приступ неуверенности.

— Иди сюда, — зовёт он, похлопывая себя по ноге. — Отвлекай меня.

Я делаю то, что он говорит, но есть только один способ, как я могу сесть ему на колени — это оседлать его. Хоть я и в джинсах, мне все равно неловко из-за того, что я сижу в такой позе посреди тату-салона. Рука Бена останавливается на моей талии, и он ее несильно сжимает. Я слышу жужжание иглы и небольшую разницу в звуке после того, как острие касается кожи. Бен даже не морщится от боли, только слабо улыбается. Я пытаюсь сделать все, чтобы отвлечь его, поэтому продолжаю разговор, который мы начали на пляже.

— Какой твой любимый цвет?

— Малахитово-зеленый.

Я морщусь.

— Это очень специфический зеленый цвет, но ладно.

— Такого цвета твои глаза. И так случилось, это мой любимый минерал.

— У тебя есть любимый *минерал*?

— Теперь да.

Я смотрю вниз, чтобы Бен не увидел мою смущенную улыбку. Чувствую, как его рука снова сжимает мою талию. Похоже, игла отвлекает его сильнее, чем я, поэтому задаю следующий вопрос.

— Какая твоя любимая еда?

— Тайская лапша Пад Тай, — отвечает Бен. — А твоя?

— Суши. Почти то же самое.

— Даже и близко нет, — не соглашается он.

— Они оба из азиатской кухни. Какой твой любимый фильм?

— Это скучные вопросы. Давай посложнее.

Я запрокидываю голову назад и смотрю в потолок, обдумывая следующий вопрос.

— Ладно, кто был твоей первой девушкой? — спрашиваю я, когда мой взгляд возвращается к Бену.

— Бринн Фэллоус. Мне было тринадцать.

— Мне казалось, ты говорил, ее звали Абита.

Он усмехается.

— У тебя хорошая память.

Я делаю серьезное лицо.

— Дело не в хорошей памяти, Бен. Я просто становлюсь безумно ревнивой и неуравновешенной, когда речь заходит о твоих прошлых отношениях.

Он смеется.

— Абита была первой девушкой, которую я поцеловал, но не первой моей девушкой. Мне было пятнадцать лет, я встречался с Бринн целый год.

— Почему вы расстались?

— Нам исполнилось шестнадцать. — Бен говорит так, будто это уважительная причина.

Он видит немой вопрос на моем лице, поэтому поясняет:

— Это то, что делают все, когда встречаются в шестнадцать. Расстаются. Что насчет тебя? Кто был твоим первым парнем?

— Реальным или фальшивым?

— Любым, — отвечает он.

— Ты. — я внимательно смотрю в его глаза, чтобы увидеть в них жалость, но это больше похоже на гордость.

— Со сколькими девушками ты спал?

Бен недовольно поджимает губы.

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

— Больше десяти?

— Неа.

— Менее одной?

— Неа.

— Больше пяти?

— Я не рассказываю о своих любовных связях.

Мне смешно.

— Рассказываешь. Через пять лет ты расскажешь всему миру о нас в своей книге.

— Через четыре года, — уточняет Бен.

— Когда у тебя день рождения? — спрашиваю у него.

— А у тебя?

— Я первая спросила.

— А что, если ты старше меня? Разве это нормально для девушек? Встречаться с парнями, младше их?

— Разве это нормально для парней, встречаться с девушками, у которых большая часть лица в шрамах?

Рука Бена снова сжимает мою талию, и он сердито смотрит мне в глаза.

— Фэллон. — Бен произносит мое имя так, будто одним этим словом прочел мне длинную нотацию.

— Я пыталась быть смешной, — оправдываюсь я.

Он не улыбается.

— Не думаю, что самоуничижение — это смешно.

— Это только потому, что ты не тот, кто занимается этим самым самоуничижением.

Уголок его губ дергается, когда он пытается сдержать улыбку.

— Четвертого июля, — отвечает на мой вопрос Бен. — Вся страна празднует мой день рождения каждый год. Это довольно эпично.

— 25 июля, что означает, ты официально старше меня. Теперь я могу смело тебя преследовать и не считаться охотницей за молоденькими мальчиками.

Бен поднимает ладонь вверх на пару сантиметров по моей талии, а затем начинает медленного гладить кожу большим пальцем.

— Ты не можешь преследовать того, кто сам этого хочет, Фэллон.

Ох, черт. За этот ответ Бен заслуживает поцелуй, но рядом с нами сидит парень с тату-пистолетом, а я не тот тип девушек, которые целуются в общественном месте. Видимо, я сдвинула черту, сев на Бена верхом.

— Мне нужно кое-что узнать о тебе, — серьезно говорит Бен с проникновенным взглядом. — И когда я задам тебе вопрос, я хочу, чтобы ты хорошенько подумала над ответом, потому что твой ответ либо укрепит, либо разорвет ту связь, что у нас есть.

Я с трудом сглатываю.

— Ладно. Что тебе нужно узнать?

Бен морщится, совсем чуточку, но я не знаю, это из-за татуировки или потому, что он нервничает, задавая вопрос.

— Хорошо, — произносит он. — Если бы тебе пришлось слушать только одну группу всю оставшуюся часть жизни, какую бы ты выбрала и почему?

Я мгновенно расслабляюсь. Это легко. Я думала, он собирается копнуть гораздо глубже, чем узнать о моей любимой группе.

— X Ambassadors.

— Никогда не слышал о них, — отвечает Бен.

— Я видел их дважды, — вставляет парень с тату-пистолетом. Бен и я смотрим на него, но тот полностью сосредоточен на своей работе.

Я перевожу взгляд обратно на Бена и выгибаю бровь.

— Почему моя любимая группа должна сблизить нас или разрушить наши отношения?

— О человеке многое может рассказать его музыкальный вкус. Уверен, я читал об этом

в одной из книг, что ты мне предложила. Если бы ты выбрала группу, которую я ненавижу, это было бы серьезным поводом для расставания.

— Ну, ты, возможно, возненавидишь их, как только послушаешь, так что мы не определились.

— В таком случае, я никогда не буду их слушать, — уверенно отвечает Бен.

— Нет, я заставлю тебя послушать этих ребят.

— Какая твоя любимая строчка из их песен? — спрашивает Бен.

— Она меняется в зависимости от моего настроения.

— Ну, тогда, какая твоя любимая строчка прямо сейчас?

Я ненадолго закрываю глаза и мысленно напеваю одну из песен, пока не дохожу до строчки, которая подходит к данному моменту. Открываю глаза и улыбаюсь.

— Ты такая великолепная, потому что заставляешь меня чувствовать себя великолепно.

На лице Бена появляется слабая улыбка.

— Мне нравится, — произносит он, поглаживая большим пальцем кожу на моей талии. Какое-то время мы просто смотрим друг на друга. Я замечаю, что дыхание Бена участилось, и понимаю, что он завелся несмотря на боль от иглы, пронзающей его кожу, отчего чувствую себя победителем.

Подумываю наклониться вперед и подарить ему маленький поцелуй в губы, но прежде чем успеваю это сделать, мастер говорит:

— Готово!

Я соскальзываю с колен Бена, и мы разглядываем результат, прежде чем руку забинтовывают. Получилось здорово, но я до сих пор не знаю, чем было вызвано его желание набить татуировку и почему именно сегодня, но я рада, что мне довелось быть рядом с ним, пока он её делал.

Бен встает и вынимает из кармана бумажник, чтобы расплатиться с мастером. Когда Бен берет меня за руку, чтобы проводить к машине, каждый мой шаг становится все тяжелее и тяжелее, потому что я знаю, что с каждым шагом мы приближаемся к еще одному прощанию.

Всю дорогу до аэропорта, мои нервы на пределе. Я никак не могу понять, мое нежелание садиться в самолет и возвращаться в Нью-Йорк возникло из-за чувств к Бену или отторжения к Нью-Йорку?

Знаю, на пляже я говорила Бену, что счастлива в Нью-Йорке, но я несчастна там почти так же, как была здесь. Просто я не хочу, чтобы Бен узнал об этом. Надеюсь, участие в театральной труппе поможет мне найти еще нескольких друзей. Ведь прошел всего один год. Но это был тяжелый год. И как бы я ни старалась придерживаться домашнего задания, что мне дал Бен, хождение на прослушивание за прослушиванием утомляет, когда все, что я получаю — это отказы. И я не могу не задаваться вопросом, а может мой отец был прав? Возможно, я о многом мечтаю. И несмотря на то, что благодаря Бену моя самоуверенность вернулась, индустрия, построенная на внешности, не стала менее труднодоступной.

И Бродвей пока вне моей досягаемости. От количества людей, которые приходят на кастинги, я чувствую себя маленьким муравьем в огромной колонии. Наверное, единственный шанс попасть на сцену — если роль потребует от актера наличие настоящих шрамов на лице. И до настоящего момента мне так не везло.

— Тебе нужна еще одна драматическая сцена в аэропорту? — спрашивает Бен, когда мы подъезжаем к терминалу.

Я смеюсь и отрицательно качаю головой, поэтому в этот раз он паркуется уже на стоянке. Прежде чем мы заходим в аэропорт, Бен притягивает меня к себе. Я вижу грусть в его глазах и знаю без сомнений, что он видит в выражении моего лица, как сильно я не хочу прощаться. Бен проводит тыльной стороной пальцев по моей щеке, и по всему моему телу бегут мурашки.

— В следующем году я приеду в Нью-Йорк. Где ты хочешь встретиться?

— В Бруклине, — отвечаю ему. — Я там живу. Хочу показать тебе мой район, и ты обязательно должен побывать в местном тапас-ресторане.

Я вбиваю адрес одного из моих любимых ресторанов в его телефон, плюс дату и время встречи, хотя вряд ли он его забудет. Затем возвращаю телефон.

Бен убирает его в задний карман и снова притягивает меня в объятия. Мы обнимаем друг друга около двух минут, и никто из нас не желает отходить первым. Его ладонь сжимает мой затылок, и я стараюсь запомнить, какого это, почувствовать его руку. Стараюсь запомнить, как он пахнет — так же, как пляж, где мы сегодня провели около трех часов. Стараюсь запомнить, что мой рот находится на уровне его шеи, словно его плечи были созданы для того, чтобы я положила на них голову.

Я прижимаюсь к нему и целую в шею. Мягкое касание и ничего больше. Бен приподнимает мою голову со своего плеча, и склонившись ближе, скользит взглядом по моему лицу.

— Я всегда считал себя мастером слова, — говорит Бен. — Но я только что понял, что прощаться с тобой — самое сложное, что мне когда-либо приходилось делать.

Я хочу сказать, "*тогда попроси меня остаться*", но его губы прижимается к моим в жестком поцелуе. Бен говорит мне "прощай" прикосновением своих губ, нежным поглаживанием щеки и мягким поцелуем в лоб, прежде чем отпускает меня. Он практически отталкивается от меня, как будто появившееся расстояние между нами может облегчить расставание. Он пятится назад, пока не выходит на тротуар, и все мои слова застревают в горле, когда я плотно сжимаю губы, стараясь не выпустить их на свободу. Мы смотрим друг на друга в течение нескольких секунд, боль этого "прощай" висит густой дымкой в воздухе между нами. А потом Бен разворачивается и бежит обратно в сторону парковки.

А я стараюсь не плакать, потому что это было бы глупо.

Верно?

* * *

Никогда не любила места у окна, поэтому, когда слышу, как женщина в проходе между сиденьями говорит что-то о ненависти к местам у прохода, я предлагаю ей свое.

Я не боюсь летать только когда не смотрю в окно. А если мне попадает место у окна, чувствую, будто что-то упускаю, когда не смотрю в элеватор. И тогда в течении всего полета я смотрю на мир под нами, и начинаю паниковать сильнее, чем если бы я просто сидела у прохода.

Убираю свою сумочку под сиденье и пытаюсь устроиться поудобней. Чувствую облегчение, от того что в следующем году Бен приедет в Нью-Йорк, потому что рейс из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк — одна из моих наименее любимых вещей.

Закрываю глаза в надежде, что смогу получить несколько часов сна. Завтра у меня не

будет времени поспать до репетиции, и мне нужно уснуть сейчас. Ведь завтра день открытия, и я должна быть там для последнего прогона.

— Эй.

Я слышу голос Бена и его улыбку, и это означает, что я наверняка буду спать просто прекрасно, если уже путаю реальность с мечтами.

— Фэллон.

Мои глаза открываются. Я смотрю вверх, и вижу Бена, стоящего рядом со мной.

Что за чертовщина?

Смотрю на его руку, в которой он держит билет на самолет.

Выпрямляюсь на кресле.

— Что ты делаешь?

Кто-то пытается протиснуться мимо него, поэтому он прижимается ко мне ближе, насколько это возможно. Когда человек проходит, Бен встает на колени.

— Я забыл дать тебе домашнее задание на этот год. — он протягивает мне сложенный лист бумаги. — Мне нужно было купить билет на самолет для того, чтобы передать его тебе, пока ты не улетела, и это означает, что ты должна выполнить задание, иначе я напрасно потратил много денег. И кто вообще говорит "напрасно"? В любом случае. Это все. Совсем не поступок альфа-самца, но это неважно.

Я смотрю на бумажку в его руках, а затем перевожу взгляд на Бена. *Он действительно купил билет на самолет, чтобы просто передать мне домашнее задание?*

— Ты сумасшедший.

Бен усмехается, и снова встает, чтобы дать пройти кому-то еще. Стюардесса просит его освободить проход и занять свое место. Бен подмигивает мне.

— Мне лучше уйти, пока я не застрял в самолете, — он наклоняется и дарит мне короткий поцелуй в губы.

Я стараюсь скрыть печаль, которую, уверена, можно увидеть в моих глазах. Выдавливаю улыбку перед тем, как Бен поворачивается и уходит в сторону выхода. Стюардесса перехватывает его и спрашивает, почему он не в своем кресле. Он что-то бормочет про семейные обстоятельства, поэтому она позволяет ему пройти, но прежде чем исчезнуть из видимости, Бен оборачивается и снова подмигивает мне.

А потом он уходит.

Это происходит на яву?

Я смотрю вниз на листок в своих руках и так сильно нервничаю, что даже не могу открыть его. Неужели домашнее задание может стоить покупки билета на самолет?

Фэллон,

Я соврал. Немного. У меня нет для тебя списка с домашним заданием, потому что, думаю, ты и сама неплохо справляешься с взрослой жизнью. Вообще, мне нужно было отдать тебе это письмо, потому что я хотел поблагодарить тебя за сегодняшнюю встречу. Просто я забыл сказать тебе спасибо. Хреново, что ты вынуждена не спать целый день, но это очень много значит, ведь ты пожертвовала сном, чтобы выполнить нашу договоренность. Обещаю, я сделаю то же самое для тебя в следующем году. А за этот год я хочу, чтобы ты сделала только одну вещь.

Навести своего отца.

Я знаю, знаю. Он мудак. Но он единственный отец, который у тебя есть, и когда ты сказала мне, что не разговаривала с ним с прошлого года, я не мог отделаться от чувства вины. Я чувствую себя виноватым за ссору, которая у вас произошла, потому что мое вмешательство в чужой разговор не помогло решить вопросы. Я не должен был лезть не в свое дело, но если бы я остался в стороне, мне бы не довелось узнать, какие на тебе трусики. Поэтому, думаю, я действительно не жалею что вмешался, но переживаю что, возможно, твои отношения с отцом не были бы такими напряжёнными, если бы я просто забил на собственный интерес. Так что, на мой взгляд, тебе стоит дать ему еще один шанс.

Когда я понял, что забыл узнать у тебя эту мелочь, это стоило мне четыреста долларов за билет на самолет, который я просто не мог не купить. Так что не подведи меня, ладно? Позвони ему завтра. Ради меня.

В следующем году, я хочу провести с тобой весь день девятого ноября. Давай встретимся на час раньше, и я останусь до полуночи.

И я все еще надеюсь, что над тобой все будут смеяться.

Бен.

Прочитываю записку еще раз, прежде чем сложить ее. Я счастлива, что Бена нет в самолете, потому что улыбка на моем лице чересчур широкая.

Не могу поверить, что Бен сделал это. И не могу поверить, что собираюсь послушать его и позвонить завтра отцу только потому, что Бен меня попросил.

Но более того — я в шоке, что он потратил столько денег за билет на самолет, чтобы просто отдать мне это письмо. Это больше похоже на широкий жест, чем на несущественную мелочь. И мне нравится это так же сильно, если не больше, как и остальные несущественные мелочи, которые совершал Бен.

Может быть, я и не знаю о первых признаков влюбленности, потому что, повторяю, я еще не влюбилась в него. Еще слишком рано.

Но на самом деле это не правда. То, что сейчас происходит в моем сердце — слишком очевидно, чтобы отрицать. Думаю, я недооценила всю концепцию инста-любви. И теперь мне остается лишь гадать как нам прожить оставшиеся несколько лет, чтобы все закончилось счастливым концом.

Третье 9-е Ноября

Она “любила меня” в кавычках

Она целовала меня жирным шрифтом

Я ПЫТАЛСЯ УДЕРЖАТЬ ЕЕ заглавными буквами.

Она ушла многоточием...

— БЕНТОН ДЖЕЙМС КЕССЛЕР

Я принесла с собой в ресторан блокнот.

Немного странно, но за этот год столько всего произошло, что я начала записывать все события еще в январе. Я фанат порядка, в чем Бену очень повезло. Ему не придется долго меня расспрашивать, потому что здесь все записано. Про всех четырех парней, с которыми я сходила на свидания, про все кастинги, которые я посетила, про тот факт, что я снова разговариваю с отцом, про четыре прослушивания, которые я прошла, и про одну очень маленькую роль, которую я действительно сыграла, хоть и во второсортной пьесе. И как бы я ни была этому рада, я скучаю по театральному обществу больше, чем ожидала. Возможно, поэтому я наслаждалась тем, что каждый обращался ко мне за советом. Теперь, когда я получила маленькую роль в чуть более крупной пьесе, все кажется по-другому. Каждый пытается проложить свой путь к вершине, и они готовы ползти по головам. В этом мире так много конкурентоспособных людей, а я обнаружила, что совсем не одна из них. Но сегодня я не собираюсь заикливаться на том, что будет или не будет в моей жизни, потому что сегодня все только для Бена и меня.

Я распланировала весь наш день. После завтрака, мы займёмся типичными для туристов делами. Я живу в Нью-Йорке уже два года, и еще ни разу не была в Эмпайр-Стейт-Билдинг. Хотя, после обеда нас ждёт самая волнительная часть. Пару недель назад я шла мимо художественной студии и заметила объявление о мероприятии под названием “Жизнь и смерть Дилана Томаса. Но в основном смерть.” Бен пару раз цитировал этого автора, поэтому я знаю, что ему нравятся его творчество. И тот факт, что мероприятие проходит в студии именно сегодня не так интересно, как то, что еще я узнала из листовки.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Дилан Томас умер в Нью-Йорке в 1953 году.

Девятого ноября.

Каковы шансы? Мне пришлось проверить эту информацию в Гугле, просто чтобы убедиться в ее правдивости. Это правда. И я понятия не имею, знает ли Бен эту деталь с Дилане Томасе. Отчасти я надеюсь, что нет, потому что хочу увидеть выражение его лица, когда я ему это скажу.

— Вы Фэллон?

Я смотрю на официантку. Это та же официантка, которая дважды приносила мне диетическую колу. Но на этот раз она выглядит извиняющейся... и с телефоном в руках.

Мое сердце сжимается.

Пожалуйста, пусть он просто опаздывает. Пожалуйста, пусть он не говорит, что не придет сегодня.

Я киваю.

— Да.

Она протягивает мне телефон.

— Тут парень, говорит это срочно. Вы можете принести телефон обратно к стойке, когда закончите разговор.

Я беру телефон из ее рук и прижимаю к груди обеими руками. Но потом быстро оттягиваю трубку подальше, потому что боюсь, что Бен сможет услышать, как быстро стучит мое сердце. Смотрю вниз и делаю медленный вдох.

Не могу поверить, что так реагирую. Я и понятия не имела, сколько всего запланировала на сегодня, пока не появилась угроза, что это все могут у меня отнять. Медленно подношу телефон к уху. Закрываю глаза и бормочу:

— Алло?

Я сразу узнаю вздох, который раздается на том конце линии. С ума сойти, мне даже не надо слышать его голос, чтобы узнать. Вот насколько глубоко он в моем подсознании. Даже звук его дыхания мне знаком.

— Привет, — здоровается Бен.

Это не то отчаянное приветствие, которое я хотела услышать. Мне нужно, чтобы его голос был напуганным из-за опоздания. Как будто он только что сошел с самолета и боится, что я уйду, прежде чем он успеет оказаться здесь. Но вместо этого я слышу ленивое "привет". Как будто Бен, расслабившись, сидит на какой-то кровати. И совсем не паникует, спеша ко мне.

— Где ты? — я произношу страшный вопрос, уже зная, что он сейчас ответит — почти в трех тысячах миль от Нью-Йорка.

— В Лос-Анджелесе, — отвечает Бен. Я закрываю глаза и жду продолжения, но его нет. Он ничего не объясняет, что означает только одно — он чувствует себя виноватым.

Бен кого-то встретил.

— Ох, — говорю я. — Ладно.

Я стараюсь не быть такой очевидной, но моя грусть все равно слышна.

— Мне очень жаль, — извиняется Бен. Я слышу искренность в его словах, но Бен делает слишком мало, чтобы меня успокоить.

— Все в порядке?

Бен не сразу отвечает на мой вопрос. Наше молчание затягивается, пока он не вздыхает.

— Фэллон, — говорит он, и его голос дрожит. — Я даже не знаю, как мягче это сказать, но... мой брат Кайл... Он эм... он попал в аварию два дня назад.

Я закрываю рот рукой, когда его слова доходят до меня.

— О, нет. Бен, он в порядке?

Снова молчание, а потом слабое:

— Нет.

Бен произносит это так спокойно, как будто не верит в случившееся.

— Он э-э... он не выжил, Фэллон.

Я не в состоянии ответить на эту фразу. Не знаю, что сказать. У меня нет абсолютно ни одного подходящего слова. Я не достаточно хорошо знакома с Беном, чтобы знать, как успокоить его по телефону, и я не достаточно хорошо знакома с Кайлом, чтобы выразить свою печаль по поводу его кончины. Проходит пару секунд, прежде чем Бен снова начинает говорить:

— Я бы позвонил раньше, но... ты знаешь. Я не знал, как до тебя дозвониться.

Я качаю головой, как будто он может меня видеть.

— Стоп. Все нормально. Прости меня, Бен.

— Да, — отвечает он печально. — И ты меня.

Я хочу спросить его, могу ли я что-нибудь сделать, но знаю, что он, скорее всего, уже устал это слышать. Линию заполняет еще больше тишины, и я злюсь на себя за то, что не знаю, как реагировать на эту новость. Просто все так неожиданно, и я никогда не испытывала ничего подобного тому, что он, должно быть, сейчас переживает, поэтому даже

не пытаюсь подделать сочувствие.

— Это убивает меня, — произносит Бен, его голос переходит на шепот. — Мы увидимся в следующем году. Обещаю.

Я зажмуриваюсь изо всех сил. Слышу глубокую боль в его голосе, и сама испытываю боль за него.

— В то же время в следующем году? — спрашивает он. — В том же месте?

— Конечно. — я стараюсь выдавить из себя это слово, прежде чем разрыдаюсь. Прежде чем скажу ему, что не могу ждать еще один год.

— Хорошо, — говорит он. — Мне нужно идти. Мне очень жаль.

— Я буду в порядке, Бен. Пожалуйста, не расстраивайся... Я понимаю.

Между нами снова повисает молчание, пока он, наконец, не вздыхает.

— Прощай, Фэллон.

Линия отключается, прежде чем я успеваю снова заговорить. Я смотрю на телефон, но слезы размывают мое видение.

Я убита горем. Раздавлена.

Какая же я дура, ведь как бы я не хотела убедить себя, что плачу над смертью брата Бена, это не так. Я плачу по совершенно эгоистичным причинам, а от осознания того, насколько я жалкая, я плачу еще сильнее.

Я сжимаю мобильник в руке и изо всех сил сдерживаю себя, чтобы не швырнуть его в дверь своей спальни. Я надеялся, официантка скажет, что ее там нет. Надеялся, что Фэллон не пришла, и мне не пришлось бы ее разочаровывать. Я бы предпочел, чтобы она встретила другого, влюбилась и забыла обо мне, чем нести ответственность за то разочарование, что я слышал в ее голосе.

Откидываю голову назад, и прижимаюсь к двери. Смотрю в потолок и сдерживаю слезы, которые пытались вырваться с тех пор, как я узнал про катастрофу с Кайлом.

Я еще не плакал. Ни разу.

Какая от меня была бы польза Джордин, если бы я расклеился, когда рассказывал новость о гибели ее мужа за неделю до их годовщины? За три месяца до рождения их первого ребенка? И какой был бы толк, если бы я ревел, разговаривая с Йеном по телефону, когда мне нужно было сообщить, о смерти его младшего брата? Я знал, что Йену придется искать замену себе, чтобы сразу вернуться домой после нашего разговора, поэтому мне нужно было, чтобы Йен знал, что я в порядке. Что у меня все под контролем и ему не нужно спешить.

И вот, я готов расплакаться только сейчас, после разговора с Фэллон. Почему-то рассказывать эту новость ей было труднее, чем кому-либо. Наверно потому, что я знал — наш разговор был пропитан грустью не из-за смерти Кайла. Мы оба ждали этого дня, с тех пор как были вынуждены оторваться друг от друга в прошлом году.

И как бы я не хотел заверить ее, что приеду в следующем году, всё, что я хотел сделать, это упасть на колени и умолять ее прилететь сюда. Сегодня. Я никогда не нуждался обнять кого-то сильнее, чем Фэллон сейчас, и я бы все отдал, чтобы она была здесь, со мной. Чтобы просто иметь возможность прижаться лицом к ее волосам и почувствовать ее руки вокруг своей талии, на спине. Нет ничего в этом мире, что смогло бы утешить меня так, как Фэллон, но я не сказал ей этого. Я не смог. Возможно, надо было, но просить ее приехать в последнюю минуту — это больше любой просьбы, которую я когда-либо смогу попросить.

В дверь звонят, и я вскакиваю на ноги, вырываясь из оков сожаления, после телефонного звонка. Я просто должен был это сделать. Бросаю телефон на кровать и спешу вниз.

Йен открывает входную дверь, когда я оказываюсь на нижней ступеньке. Заходит Тейт и обвивает руками его шею. Я не удивлен, увидев здесь ее и Майлза. Майлз и Йен были лучшими друзьями еще до моего рождения, поэтому я рад, что они есть у Йена. Но от этой картины я погружаюсь ещё глубже в свой омут жалости к себе ведь единственный человек, который нужен мне — за три тысячи миль отсюда.

Тейт отпускает Йена и обнимает меня. Следом заходит Майлз и обнимает Йена, но ничего не говорит. Тейт оборачивается и тянется за одной из сумок, что в руках Майлза, но он ей ее не дает.

— Нет, — протестует он, и опускает взгляд на ее живот. — Я сам отнесу все наши вещи в комнату. А ты иди на кухню и сделай себе что-нибудь поесть, ты до сих пор не завтракала.

Йен закрывает за ними дверь и смотрит на Тейт.

— Он все еще не разрешает тебе ничего поднимать?

Тейт закатывает глаза.

— Никогда не думала, что устану, если со мной будут обращаться как с принцессой, но это перебор. Не могу дождаться, когда родится малыш, и все внимание Майлза сосредоточится на нем, а не на мне.

Майлз улыбается.

— Этого не случится. У меня хватит внимания на вас обоих. — Майлз кивает мне в знак приветствия, когда проходит мимо, направляясь в сторону гостевой спальни.

Тейт обращается ко мне:

— Я могу что-нибудь сделать? Пожалуйста, дай мне работу. Мне нужно что-то делать, чтобы чувствовать себя полезной.

Я показываю ей следовать за мной на кухню. Она останавливается, когда видит столешницу.

— Срань Господня.

— Да, — соглашаюсь я, глядя на гору еды. В течение двух ней люди приносили контейнеры с едой. Кайл работал в компании программного обеспечения с численностью около двухсот человек, а их здание находится всего в семи милях от нашего дома. Я почти уверен, что больше половины из них приносили еду за последние пару дней.

— Мы уже заполнили холодильник, плюс один в гараже. Но мне жалко выбрасывать еду.

Тейт закатывает рукава и проходит мимо меня.

— Я безо всяких угрызений совести выбрасываю такую еду, — она открывает один из контейнеров, принюхивается и морщится. Быстро его закрывает. — Это определенно нельзя хранить.

Тейт бросает контейнер целиком в помойку. Я стою на кухне, наблюдая за ней, и впервые замечаю, что у неё с Джордин почти одинаковые животы. Может быть, чуть больше.

— Когда дата родов?

— Через девять недель. На две недели раньше Джордин. — она смотрит на меня, подняв крышку другого контейнера. — Как она?

Я сажусь у барной стойки, глубокий вздыхая.

— Не очень. Я не могу заставить ее что-нибудь съесть. Она не хочет даже выходить из своей комнаты.

— Она спит?

— Надеюсь. Ее мама прилетела вчера вечером, хотя Джордин не хочет с ней разговаривать. Я надеялся, что она сможет помочь.

Тейт кивает, но я замечаю, что она вытирает слезы, когда отворачивается.

— Не могу представить, что она переживает, — шепчет Тейт.

Я тоже не могу. И даже не хочу пробовать. Слишком много нужно будет сделать, прежде чем похороны Кайла заставят меня погрузиться в вопрос что, черт возьми, случится с Джордин и ее ребенком.

Я иду в комнату Йена и стучу в дверь. Когда я вхожу, он натягивает футболку через голову. У него красные глаза, но он быстро опускает взгляд, прежде чем нагнуться и надеть ботинки. Я делаю вид, что не заметил его слез.

— Ты готов? — спрашиваю его. Он кивает и следует за мной к двери.

Йен сильно переживает, как и положено брату. Но есть только одна причина, почему я не могу позволить этому сломать меня. Пока нет. Потому, что сейчас только я один удерживаю нас всех вместе.

Несколько дней назад я думал, что сегодняшний день проведу с Фэллон в Нью-Йорке. Я и представить не мог, что окажусь в похоронном бюро, выбирая гроб единственному человеку в этом мире, который знал меня лучше всех.

• • •

— Что ты собираешься делать с домом? — спрашивает мой дядя, доставая из холодильника пиво. Закрыв дверь, он снова ее открывает и вынимает кастрюлю с едой. Поднимает крышку и нюхает, затем пожимает плечами и достает вилку из соседнего ящика.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, когда дядя запикивает в рот ложку охлажденной лапши.

Он машет вилкой в сторону комнаты.

— Дом, — говорит он с набитым ртом. Проглатывает и снова тычет вилкой в кастрюлю. — Уверен, Джордин переедет обратно в Неваду к матери. Ты просто останешься здесь один?

Я не думал об этом, но он прав. Дом очень большой, и я сомневаюсь, что захочу остаться здесь один. Но мысль о его продаже ужасает меня. Я жил в этом доме с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. И мама умерла, но она никогда бы не захотела, чтобы мы продали этот дом. Она даже сама так сказала.

— Не знаю. Я еще не думал об этом.

Дядя открывает свое пиво.

— Ну, если все же решишь продать его, не забудь прислать мне каталог. Я могу предложить тебе отличную цену.

Но тут я слышу голос тети за спиной.

— Ты серьезно, Энтони? Тебе не кажется, что это слишком рано? — она извиняющее смотрит на меня. — Прости, Бен. Твой дядя — идиот.

Теперь, когда она отчитала дядю, я понимаю, что обсуждать со мной продажу дома всего через десять минут после их прихода — как минимум дурной тон.

Я уже сбился со счета всех, кто находится в нашем доме прямо сейчас. Уже почти семь вечера и к нам заехали, как минимум, пять двоюродных братьев. По две тети и дяди принесли еду, пока Йен и Майлз сидят на крыльце на заднем дворе. Тейт все еще бегают, убирая беспорядок, несмотря на отчаянные мольбы Майлза об отдыхе. А Джордин... что ж. Она так и не выходила из своей спальни.

— Бен, иди сюда! — кричит Йен снаружи. Я с удовольствием цепляюсь за возможность избежать разговора с дядей и открываю дверь. Йен и Майлз сидят на ступеньках веранды, уставившись на задний двор.

— Что?

Йен поворачивается:

— Ты связался с его старыми коллегами и сообщил им? Я даже не подумал об этом.

Я киваю.

— Да, я им вчера звонил.

— Что насчет того друга с красными волосами?

— Тот, который был на свадьбе?

— Да.

— Он знает. Все знают, Йен. Это называется Фэйсбук.

Брат кивает, а затем снова оглядывается вокруг. Йен редко здесь бывает из-за своего напряженного графика, поэтому домом руковожу я, и из-за того что Йен не знает с чем помочь, он чувствует себя бесполезным. Однако это не так. Тот простой факт, что брат позволяет мне беспокоиться обо всем — на самом деле немного помогает. Особенно после того, как я не смог сегодня увидиться с Фэллон, как планировал.

Я закрываю заднюю дверь и врезаюсь в Тейт.

— Извини, — говорит она, обходя меня. — Думаю, я, наконец, убедила Джордин что-нибудь съесть.

Она бросается к холодильнику и грозно смотрит на моего дядю, наблюдая, как тот ковыряется в каждом контейнере, принесенном сегодня.

— Перестань есть и пошли, — говорит ему тетя. — У нас еще ужин с Клаудией и Биллом.

Они обнимают меня на прощание и обещают встретиться на похоронах. Когда тетя не видит, дядя Энтони подсовывает мне свою визитку риэлтора. Закрыв за ними входную дверь, я опираюсь на нее спиной и облегченно выдыхаю.

Думаю, необходимость общаться со всеми посетителями — это худшая часть из всей этой херни смерть-члена-твоей-семьи. Не помню такого числа гостей, когда умерла мама несколько лет назад, но опять же, Кайл был жив и выполнял ту роль, которую приходится играть мне прямо сейчас. Тогда я горевал в своей спальне, как сейчас делает Джордин, прячась подальше от всех людей. И воспоминания о Кайле, заботящемся обо всех этих вещах тогда, когда он был так молод, накрывают меня чувством вины. Он, должно быть, страдал из-за ее смерти так же сильно, как и я, но я нуждался в нем, чтобы не развалиться на части, с тех пор как расклеился от ничегонеделания.

Провожу руками по лицу, желая поскорее покончить со всем этим. Хочу, чтобы этот день закончился, пришел завтрашний, а потом и похороны подойдут к концу. Я просто хочу, чтобы все устаканилось. Но опять же, я боюсь того, что буду чувствовать, когда вся суматоха, наконец-то, закончится.

Я отталкиваюсь от двери и направляюсь в сторону кухни, когда раздается звонок в дверь. Снова. Я издаю стон, когда Тейт подходит ко мне с тарелкой еды.

— Я хотела бы помочь, но... — она смотрит вниз на тарелку и чашку в своих руках.

— Если ты сможешь заставить Джордин съесть что-нибудь, я буду развлекать десять миллионов посетителей.

Тейт соглашается, сочувственно кивая, и направляется обратно в комнату Джордин.

Я распахиваю дверь. Дважды моргаю, чтобы убедиться, что действительно вижу ее. Прямо на меня смотрит Фэллон, и я не могу произнести ни слова. Боюсь, что если заговорю, моя иллюзия исчезнет.

— Мне следовало сначала позвонить, — нервно говорит она. — Но у меня нет твоего номера. Я просто... Я просто хотела убедиться, что ты в порядке.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но она поднимает руку, останавливая меня.

— Я только что соврала тебе, прости. Я здесь не для того, чтобы узнать, все ли хорошо. Знаю, что ты не в порядке. Я просто места себе не находила после того, как ты повесил трубку. Мысль, что я не увижу тебя сегодня, и мне придется ждать еще год, полностью опустошила меня и...

Я делаю шаг вперед и затыкаю ее своим ртом.

Фэллон вздыхает у моих губ и обнимает меня. Я крепко ее целую, не в силах поверить, что она на самом деле стоит здесь. Что она поехала прямо в аэропорт после того, как поговорила со мной сегодня, и потратила деньги на билет, чтобы прилететь в Лос-Анджелес и повидаться со мной.

Я продолжаю целовать Фэллон, когда завожу в дом. Я обнимаю ее за талию, удерживая рядом, потому что боюсь, что если отпущу, она растворится в воздухе.

— Мне нужно...

Фэллон пытается что-то сказать, но наши губы плотно прижаты друг к другу, и это мешает ей говорить. Она открывает входную дверь и пытается отстраниться от меня. Я отстраняюсь ровно настолько, чтобы она смогла сказать то, что пытается.

— Я должна сказать водителю, что он может уезжать. Я не была уверена, что ты захочешь меня здесь видеть.

Я обхожу ее и шире открываю дверь. Машу рукой, показывая водителю уезжать, и закрыв дверь, хватаю ее за руку.

Тяну Фэллон вверх по лестнице в свою комнату.

Подальше ото всех в этом мире, потому что не хочу видеть или говорить с кем-либо прямо сейчас.

Фэллон — единственная, кого я хотел видеть сегодня, и вот она здесь. Прямо передо мной. Потому что она скучала по мне.

Если она не будет осторожна, я могу просто влюбиться в нее.

Сегодня вечером.

Бен закрывает дверь спальни позади нас и крепко прижимает меня к себе.

И я меняю свое мнение по поводу своего решения приехать сегодня, которого придерживалась с момента покупки билета. Я едва ли не сотни раз передумывала. Не была уверена, что Бен захочет увидеть меня, учитывая всё то, что происходит сейчас в его жизни. Думала, а вдруг он рассердится, ведь он сказал, что мы увидимся в следующем году, а я все равно появилась без приглашения.

Я никак не ожидала увидеть облегчение на его лице, когда он открыл дверь. Я никак не ожидала, что он будет целовать меня так, будто скучал так же сильно, как и я. И я никак не ожидала, что он будет стоять и просто обнимать меня так долго, как обнимает сейчас. Бен не произнёс ни слова, но своим поведением, он говорит мне миллион раз спасибо.

Я закрываю глаза и удерживаю свою голову на его груди. Одной рукой Бен обнимает меня за затылок, а другой удерживает спину. Я могу стоять здесь всю ночь. Даже если это всё что мы будем делать — даже если он ни скажет ни слова — это стоило моей поездки.

Интересно, чувствует ли он то же самое? Мысли обо мне занимают его весь день так же, как и меня? Хочет ли он разделить со мной всё, что делает и куда идёт?

Бен целует меня в макушку и гладит пальцами мои щеки, наклоня моё лицо к своему.

— Не могу поверить, что ты здесь, — говорит он, улыбаясь, но улыбка не перекрывает опустошение в его глазах. Я молчу, потому что всё ещё не знаю, что сказать. Я просто опускаю руку на его лицо и касаюсь большим пальцем его губ.

Я не должна быть удивлена, что в этом году Бен ещё более привлекательней, чем в прошлом. Сейчас он настоящий мужчина. Исчезли частички юности, которые я всё ещё могла мельком уловить в последний раз, когда видела его.

— Как ты держишься? — я продолжаю поглаживать его лицо, так же как и он моё, но Бен не отвечает мне. Вместо этого он соединяет наши губы и подталкивая назад, осторожно укладывает меня на кровать, головой на свою подушку. Бен прерывает наш поцелуй, чтобы нависнуть надо мной, но не ложится рядом. Он прижимает свою голову к моей груди и, слушая моё сердцебиение, крепко обнимает меня. А я начинаю поглаживать его волосы длительными, медленными движениями.

Мы так долго лежим в тишине, что я начинаю думать, не уснул ли он. Но спустя пару минут, его хватка вокруг моей талии становится отчаянной. Бен склоняет лицо, пока оно полностью не утыкается в мою футболку, и его плечи начинают дрожать, когда он начинает плакать.

Такое ощущение, что в этот момент моё сердце разрывается на миллионы крошечных кусочков, и я хочу обернуть себя вокруг него, пока он скорбит. Бен плачет очень тихо, потому что не хочет, чтобы я знала об этом. Ему просто необходимо, чтобы я позволила ему выплакаться, и это именно то, что я делаю.

Спустя пять минут, Бен берёт себя в руки, но только через полчаса полностью отстраняется от меня. Он поднимается с моей груди и ложится рядом на свою подушку, и я поворачиваюсь к нему лицом. У него всё ещё красные глаза, но слез нет. Бен дотягивается до моего лица и убирает прядь волос, показывая взглядом как признателен мне.

— Как это произошло? — спрашиваю я.

Его глаза снова наполняются печалью, но он не медлит с ответом.

— Кайл возвращался домой с работы, когда его машина съехала с дороги, — отвечает он. — Отвлёкся. Три секунды и он врезался в чёртово дерево. Он и Джордин должны были уехать в отпуск в тот вечер, и я более чем уверен, что Кайл писал ей сообщение, когда это произошло. Так мне сказали в полиции. Надеюсь, она этого пока не знает. И надеюсь, никогда не узнает.

Я медленно переплетаю наши пальцы.

— Она беременна, — добавляет Бен.

Мои пальцы замирают и я открываю рот от шока.

— Я знаю, — отвечает он. — Это чёртова судьба. Они должны были отмечать свою годовщину в эти выходные.

Я не думала об этом, но как только Бен упоминает о годовщине, я вспоминаю Джоржин в прошлом году и безумство, в котором она пребывала во время подготовки к предстоящей свадьбе с Кайлом. А теперь, спустя год, Джордин должна готовиться к его предстоящим похоронам.

— Это так печально. На каком она месяце беременности?

— Должна родить в феврале.

Я стараюсь поставить себя на её место, и почти уверена, что сейчас ей двадцать четыре. Не могу даже представить себя такой молодой, потерявшей мужа за месяцы до рождения первого ребёнка. Это непостижимо.

— Когда ты возвращаешься в Нью-Йорк? — спрашивает Бен.

— Первым утренним рейсом. Я могу остаться у своей мамы сегодня ночью, если нужно. Я должна встать действительно рано.

Он приближает свой рот к моему, — Ты не будешь спать нигде, кроме этой кровати.

Громкий стук мешает его губам поцеловать мои, потому что внимание Бена обращается на распахнутую дверь. В комнату входит Йен, мимолётно смотрит на меня, а затем снова возвращает свой взгляд.

Йен указывает на меня рукой, но смотрит на Бена. — В твоей постели девушка?

Мы оба приподнимаемся и садимся, а Йен склоняет голову, задерживая свой взгляд на мне. — Подожди. Мы уже встречались раньше. Фэллон, верно?

Не буду врать, мне приятно, что его брат помнит меня. Не то, чтобы моё лицо легко забыть. Но он не обязан был помнить моё имя, а он помнит, что означает только одно, девушки в кровати Бена не очень частое явление.

— Это мило с твоей стороны, что ты приехала, — говорит Йен. — Ты голодна? Я пришёл сказать Бену, что ужин готов.

Бен тяжело вздыхает и встаёт с кровати. — Дай угадаю. Запеканка?

Йен качает головой. — Тейт страстно захотела пиццу, поэтому мы заказали доставку.

— Слава Богу, — Бен тянет меня. — Пойдём, поедим.

— Так, давайте ещё раз, — говорит Майлз, глядя на меня и Фэллон через стол. — Вы заблокировали друг друга в социальных сетях. Вы не знаете номера телефонов друг друга, никаких контактов, ничего. Но вы встречаетесь каждый год с восемнадцати лет?

— Безумно, да? — спрашивает Фэллон, опуская стакан на стол.

— Это немного похоже на сюжет "Не спящие в Сиэтле", — говорит Тейт.

Я быстро качаю головой. — Ничего подобного. Они договорились встретиться только однажды.

— Ах, да. Тогда как в "Один день". Фильм с Энн Хэтуэй.

Я опять не соглашаюсь с её сравнением. — Ну, они сосредоточены на одном определённом дне в году, но два героя все время общаются, а мы с Фэллон нет.

Не знаю, почему я так защищаюсь. Наверно это естественно, что писатели обороняются, когда их идеи сравнивают с идеями других, даже если это происходит невинно. Но наша с Фэллон история единственная в своём роде, и я чувствую себя в некоторой степени её защитником. Действительно защитником.

— Когда вы остановитесь? Или вы планируете продолжать так до конца своей жизни?

Фэллон смотрит на меня и улыбается. — Мы остановимся, когда нам будет двадцать три.

— Почему именно двадцать три? — спрашивает Йен.

Фэллон отвечает на следующие вопросы, которые посыпались на нас, поэтому я использую возможность отвлечься от обсуждения и наполняю свой бокал. Прислоняюсь к стойке и наблюдаю за их общением с кухни.

Я рад, что Фэллон здесь. Я чувствую, как её присутствие каким-то образом облегчает наше общее горе. Она никак не была связана с Кайлом, так что никто не чувствует себя вынужденным ходить на цыпочках вокруг неё. Она как глоток свежего воздуха, который нам всем был так необходим на этой неделе. Я знаю, что уже поблагодарил её за то, что она приехала сегодня, но однажды я обязательно скажу ей, как много для меня значит её приезд.

Фэллон бросает взгляд на меня со своего места и, когда замечает небольшую улыбку на моём лице, извинившись встаёт из-за стола и идёт на кухню.

Всё моё тело расслабляется, когда её руки обнимают меня за талию. Она оставляет поцелуй на моей руке и подавляет зевок.

— Устала?

Она смотрит на меня и кивает. — Да. Я же живу по Нью-Йоркскому времени, а там уже за полночь. Ты не возражаешь, если я воспользуюсь твоим душем перед сном?

Я дотрагиваюсь пальцем её губ. — У тебя что-то застряло в зубах, — Фэллон открывает рот, и я убираю с зуба что-то похожее на кусочек перца. — Всё чисто, — заключаю я и быстро целую её в губы. — И да, ты можешь воспользоваться моим душем. Дай мне знать, если тебе понадобится помощь. — Я подмигиваю ей.

К нам подходит Йен, прислоняется к стойке и в недоумении смотрит на меня.

— Ты только что выковырял что-то у неё из зубов?

Я ничего не говорю, потому что не знаю, что он будет делать с моим ответом.

— Я серьёзно, — не унимается он, теперь глядя на Фэллон. — Он только что достал что-то у тебя из зубов?

Она нерешительно кивает.

Йен ухмыляется. — Вау. Поздравляю, мой брат влюблён в тебя.

Чувствую, как Фэллон застывает рядом со мной.

— Вовсе не неловкая ситуация получилась, — саркастично замечаю я.

Йен с хитрой усмешкой качает головой, — Это не неловко Бен. Это мило. Ты влюблён.

— Хватит, — предупредительно говорю я.

Йен беззаботно смеётся и, на этот раз я не возражаю его подколам. В доме стало легче дышать, чем в предыдущие два дня.

— Люди не делают такие вещи, если они не влюблены, — добавляет Тейт из-за стола. — Это доказанный факт. Так пишут в интернете или где-то там еще.

Я хватаю Фэллон за руку и вывожу её из кухни, подальше от этих поддразниваний.

— Спокойной ночи ребята. У Фэллон есть другие неотложные гигиенические проблемы, с которыми я должен ей помочь.

Я слышу, как они смеются, когда мы выходим из кухни и вместе поднимаемся по лестнице наверх.

В мою комнату.

Где мы проведём ночь.

Вместе.

На моей кровати.

Это сложно, осознавать, что я не увижу её ещё один год, так, что я понятия не имею, как далеко она готова зайти. Думаю, всё будет зависеть от того, насколько далеко она заходила с ребятами из прошлого.

Конечно, я не хочу думать о ней с кем-то другим, но в этом весь смысл наших ежегодных встреч. Я хочу убедиться, что Фэллон переживает всё, что должна пережить девушка в её возрасте, а это включает в себя опыт с разными людьми. Но каждую ночь, закрывая глаза, я эгоистично молюсь о том, что она спит в своей кровати одна. Я хочу спросить её об этом, но не уверен, с чего начать.

Я открываю дверь своей спальни и слеую за ней. Сегодня я захожу в свою комнату за руку с Фэллон уже с совершенно другими ощущениями. На этот раз над нами висит какое-то ожидание, которое должно быть исполнено, до того как мы выйдем из этой комнаты утром. Разговоры, которые нам предстоит провести. Тела, которые нуждаются в прикосновениях. Разумы, которым нужно отдохнуть. И время, которого будет недостаточно, чтобы втиснуть всё перечисленное, прежде чем Фэллон снова оставит меня ещё на один год.

Я закрываю дверь и поворачиваю ключ. Фэллон смотрит на кровать и проходит вперёд, стягивая волосы в хвост резинкой, которая весь день была на её запястье. Я замираю на мгновение, чтобы полюбоваться совершенством линии от её шеи к плечу. Делаю шаг вперёд, и обнимаю её за талию таким образом, чтобы прикоснуться губами к этому изгибу. Прокладываю дорожку из мягких поцелуев от плеча к уху и обратно. Её кожа тут же покрывается мурашками. Фэллон издаёт тихий звук, что-то между вздохом и стоном.

— Отпускаю тебя в душ, — говорю я, не выпуская её из объятий. — Полотенца под раковиной.

Фэллон сжимает мои руки, вокруг своей талии, а затем отходит от меня. Но прежде чем пойти в ванную, она подходит к шкафу. — Могу ли я спать в одной из твоих футболок? — спрашивает она.

Я смотрю на шкаф, а потом на неё. Рукопись находится в моём шкафу, на полке. То, что

я, так или иначе, написал. На данный момент, последнее чего я хочу, это чтобы она прочитала хоть слово из написанного. Я хватаю футболку, что на мне и стягиваю её через голову.

— Вот, — говорю я, вручая ей её. — Надень эту.

Фэллон берёт футболку, но как только она поднимает взгляд, останавливается. Она сглатывает, глядя на мой живот. — Бен?

— Да?

Она указывает на мой живот. — У тебя есть пресс?

Я смеюсь и смотрю вниз на свой живот. Она произнесла это как вопрос, поэтому я даю ей очевидный ответ. — Ммм... Да? Наверно.

Фэллон прикрывает рот моей футболкой, пряча усмешку. — Ничего себе, — отвечает она. Её слова приглушены футболкой.

— Он мне нравится.

Потом она убегает в ванную и закрывает дверь.

Я проверяю, заперта ли дверь, прежде чем пойти в душ. Не то, чтобы я не хотела принимать душ с Беном, я просто еще не готова. Для меня, сходить в душ с кем-то намного выше по личной шкале вероятного унижения, чем большинство вещей, включая секс. По крайней мере, во время секса я могу спрятаться под одеялом и в темноте.

Секс.

Я думаю об этом слове. Я даже кручу его на языке, когда смываю кондиционер с волос.

— Секс, — говорю тихо. Такое странное слово.

Чем старше я становлюсь, тем больше опасаясь мысли потерять свою девственность. С одной стороны, я готова испытать то, из-за чего все сходят с ума. Должно быть, это что-то такое великое, раз считается огромным фактором в жизни всего человечества. Но с другой стороны, это меня пугает, потому что если в конечном итоге секс мне не понравится, я немного разочаруюсь в человечестве в целом. Потому что это, кажется, корень мирового зла, а если секс окажется чем-то посредственным, и я моментально не захочу продолжения, то буду чувствовать себя немного обманутой всем миром.

Возможно, я немного драматизирую, но это неважно. Я слишком нервничаю, чтобы выйти из душа, хотя промыла волосы от кондиционера несколько минут назад. Понятия не имею, что ожидает Бен от сегодняшней ночи. Если он захочет спать, я пойму. На этой неделе он прошел через ад и обратно. Но если он захочет заниматься чем-то кроме сна, я абсолютно, без сомнений, с ним соглашусь.

Вытеревшись полотенцем, я натягиваю его футболку через голову. Смотрю в зеркало и восхищаюсь тем, как она свисает с моих плеч. Я никогда не носила одежду парней, и мне всегда было интересно, будет ли это ощущаться так же хорошо, как я себе представляла.

Так и есть.

Я снимаю полотенце с головы и несколько раз провожу пальцами по волосам. Беру зубную пасту Бена и выдавливаю немного на палец, а затем втираю в зубы в течение минуты. Закончив, я делаю глубокий, успокаивающий вдох, а затем выключаю свет и открываю дверь.

Его ночник включен и Бен лежит на постели прямо по центру, закинув руки за голову. Он сбросил покрывало на пол, а из одежды на нем ничего, кроме носков и боксеров. Я стою и мгновение им любуюсь, пока его глаза закрыты. Возможно, он на самом деле спит, но меня это не расстраивает. Сегодняшняя ночь для него и только для него, потому что я знаю, что ему больно. Я просто хочу помочь ему, пока здесь, поэтому если Бен нуждается во сне, я сделаю все, что смогу, чтобы гарантировать, что он получит лучший сон, который у него когда-либо был.

Я подхожу к лампе и выключаю свет, а затем поднимаю покрывало с пола. Осторожно сажусь на кровать и накрываю нас обоих, когда ложусь рядом, спиной к его груди. Я стараюсь не разбудить его, пока поудобней устраиваю свою подушку.

— Дерьмо.

Я поворачиваюсь на звук его голоса. В комнате темно, поэтому не могу сказать, он говорит во сне или проснулся.

— Что такое? — шепчу я.

Чувствую, как его рука оборачивается вокруг моей талии, и он притягивает меня ближе.

— Я оставил свет включенным, чтобы увидеть, как ты выйдешь из ванной в моей футболке, но ты принимала очень долгий душ. Думаю, я заснул.

Я улыбаюсь.

— Я все еще в ней. Хочешь, чтобы я включила свет?

— Блять, да, пожалуйста.

Я смеюсь и переворачиваюсь в сторону лампы. Включаю свет и снова возвращаюсь к нему. Бен, не мигая, поглощает меня глазами.

— Встань, — говорит он, поднимаясь на локте. Я встаю, но его глаза не встречаются с моими. Они проходятся по моим ногам, бедрам, груди. Я не возражаю, что он не смотрит на мое лицо. Я совсем не против.

Подол его футболки заканчивается на несколько дюймов выше колен. Это достаточно низко, чтобы он не смог понять, что прямо сейчас на мне нет нижнего белья. Но также, это достаточно высоко, чтобы он, наверное, молился, чтобы сейчас на мне не было нижнего белья.

Его глаза снова возвращаются к моим ногам, и Бен начинает медленно говорить, словно читает стихи.

— Все моря Отдам за то, Где ты и я. Качаемся то вверх, то вниз. И тонет мой корабль и ты, — его взгляд скользит по моему телу, пока не встречается с моим. — Дилан Томас, — уточняет он.

Я медленно выдыхаю.

— Ого, — говорю я. — Порно-поэзия. Кто бы мог подумать?

Бен лениво улыбается. Он поднимает палец и указывает на меня.

— Сейчас я бы хотел свою футболку назад.

— Сейчас?

Он кивает.

— Прямо сейчас. Прежде, чем ты выключишь лампу. Сними ее, она моя.

Я нервно смеюсь и начинаю тянуться к лампе. Прежде, чем я успеваю выключить свет, Бен вскакивает и, ступая по матрасу, прыгает на пол прямо передо мной. Его взгляд игривый, но в то же время немного строгий. Он хватается за подол моей футболки и, недолго думая, тянет ее вверх, снимая через голову. Бросает ее куда-то позади себя, и я оказываюсь перед ним совершенно обнаженной. Его глаза изучают каждый изгиб моего тела, прежде чем он судорожно вдыхает.

— Святое дерьмо, — бормочет он.

Я не могу вспомнить ни одного раза, даже до пожара, когда бы чувствовала себя такой красивой. Бен смотрит на меня, как будто это привилегия, а не одолжение. И когда он наклоняется вперед и берет мое лицо в свои руки, я приоткрываю рот и жду его поцелуя, потому что я никогда ничего так не хотела, как хочу его прямо сейчас.

Его губы влажные, и он по собственнически меня целует. Его язык грубый и беспощадный, и мне это нравится. Мне нравится ощущение как я необходима ему. Когда его пальцы медленно скользят вниз по моей спине, я понимаю, что, в конечном итоге, тоска не должна быть фактором, делающим поцелуй десятибалльным. Потому что тоска в этом поцелуе отсутствует, а он уже на девять баллов.

Бен притягивает меня к себе и моя голая грудь прижимается к его. Ладно, теперь десять.

Он разворачивает нас и опускает меня на кровать, но не ложится сверху. Он устраивает нас так, чтобы мы лежали рядом друг с другом, головами на подушке, но его рот все еще на

мне. Тихие, наполненные желанием звуки начинают вырываться из моего рта, и каждый из них — это результат того, что этот поцелуй делает со мной.

Мне уже не важно, что свет по-прежнему горит. Если это означает, что Бен снова будет смотреть на меня так же, как и до этого поцелуя, я позволю ему зажечь все лампочки. Я бы даже разрешила ему установить флуоресцентные лампы.

— Фэллон, — быстро говорит он, отрываясь от моего рта. Я открываю глаза и вижу, что он смотрит на меня сверху вниз. — Мы читали такие книги. Ты знаешь правила. Если ты хочешь, чтобы я остановился или действовал медленнее, просто...

Я качаю головой.

— Все прекрасно, Бен. Просто идеально. Я скажу, если не захочу что-то делать или начну нервничать. Обещаю.

Он кивает, но все равно кажется, будто он хочет сказать что-то еще. Или спросить. И тут я вспоминаю, что мы действительно никогда не говорили об этом.

— Я никогда этого не делала, но это не значит, что я не готова, — признаюсь я.

Чувствую, как его тело слегка напрягается.

— Ты девственница, — говорит он, и это скорее утверждение, чем вопрос.

— Да, но только на несколько минут.

Мой ответ заставляет его улыбнуться, но потом на его лице появляется беспокойство. Его глаза мгновенно проясняются, а улыбка превращается в мрачную линию. Он мягко качает головой.

— Я не хочу быть твоим первым, Фэллон. Я хочу быть твоим последним.

Я тихо вздыхаю, когда его слова доходят до меня. Он меня не целует, но только за эти слова этот момент заслуживает двенадцати баллов. Я касаюсь его щеки кончиками пальцев и улыбаюсь.

— Я хочу, чтобы ты был моим первым и последним.

Глаза Бена темнеют, а затем он скользит своим телом по моему, и крепко обнимает. Я могу чувствовать какой он твердый и стараюсь не скулить.

— Ты не должна говорить такие вещи, если не имеешь в виду именно это, Фэллон.

Я имею в виду то, что сказала. Впервые я осознаю, что мне плевать на пять лет. Мне плевать, что мне не двадцать три. Все, что меня волнует — это Бен и как я чувствую себя рядом с ним, и что я хочу еще большего.

— Я хочу, чтобы ты был моим единственным, — говорю я, мой голос тише, но в нем больше решимости.

Бен морщится, будто ему больно, но теперь я знаю, что это хороший знак. Очень хороший.

Он очерчивает пальцем контур моих губ.

— Я хочу быть твоим единственным, Фэллон. Я хочу этого больше всего на свете. Но сегодня этого не произойдет, если ты не пообещаешь мне, что я смогу слышать твой голос завтра и каждый последующий день.

Я киваю, удивленная, что мы говорим об этом. Я совсем не ожидала такого поворота, когда сегодня утром садилась в самолет. Но я знаю, что это правильно. Я не собираюсь встречаться ни с кем, кто не заставляет меня чувствовать себя так, как он. Людям дается такое счастье не больше раза в жизни.

— Обещаю.

— Я серьезно, — повторяет он. — Я хочу получить твой номер телефона, прежде чем

ты уедешь утром.

Я снова киваю.

— Ты его получишь. Я хочу, чтобы он у тебя был. И адрес моей электронной почты. А еще я пойду и куплю принтер с факсом, чтобы дать тебе и этот номер тоже.

— Малыш, — говорит он, и его губы изгибаются в улыбке. — Ты уже сделала этот секс лучше, чем у меня когда-либо был, а я даже не вошел в тебя.

Я кусаю губу, когда провожу пальцами по его руке, поднимаясь вверх по шее, пока не обхватываю его лицо.

— Чего ты ждешь?

Бен громко вздыхает.

— Наверно, жду пока проснусь. — Он наклоняется и целует меня в шею. — Я ведь сплю, да?

Я качаю головой, когда он прижимается ко мне бедрами. Из моего рта вырывается стон, и нежные поцелуи в мою шею становятся все более дикими.

— Наверняка сплю, — бормочет Бен. Его рот касается основания моего горла, и он прикасается кончиком языка к моей коже, поднимаясь выше по шее, пока снова не целует меня в губы. Это безусловно самая сексуальная вещь, которую я когда-либо чувствовала.

Секунды превращаются в минуты. Пальцы превращаются в руки. Подразнивание превращается в пытку. Пытка превращается в невообразимое удовольствие.

Его боксеры оказываются на полу. Демонстрируя невероятную силу воли, он прижимается, но все еще не входит в меня.

— Фэллон, — шепчет Бен, его губы медленно двигаются по моим. — Спасибо за этот прекрасный подарок.

Как только его слова касаются моего рта, он захватывает меня в глубоком поцелуе. Все мое тело напрягается от всплеска боли, которая проходит через меня, когда Бен входит в меня, но то, насколько идеально мы подходим друг другу, превращает боль всего лишь в неудобство.

Это прекрасно.

Он прекрасен.

И каким-то образом, когда Бен так смотрит на меня, я верю, что я прекрасна.

Он прижимает свой рот к моему уху:

— Никакие написанные слова никогда не смогут правильно описать этот момент.

Я улыбаюсь между стонами.

— Как тогда ты собираешься писать об этом?

Бен нежно целует меня прямо в уголок рта.

— Думаю, мне придется затемнить эту часть...

• • •

Не уверена, что секс должен заставлять тебя чувствовать, будто ты только что отдал часть себя человеку, который был в тебе, но это именно то, что произошло. Кажется, как будто мы объединились, части наших душ переплелись и его часть оказалась во мне, а моя — в нем. Пожалуй, это было единственное и самое глубокое чувство, которым я когда-либо делилась с другим человеком.

Чувствую, как тепло поднимается вверх по моему лицу, будто я хочу плакать, но сдерживаю слезы из-за страха. Я просто знаю — не существует никаких вариантов, чтобы после этого я смогла сказать ему "прощай". Это будет намного больше, чем в прошлом году. Я не могу начать новый день без него, являющегося частью моей повседневной жизни. Не после этого.

Его руки обвиваются вокруг меня, и хотя прошло несколько минут и он уже успел сходить в ванную комнату и вернуться обратно в кровать, он дышит так, будто вышел из меня несколько секунд назад. Думаю, мне нравится эта часть секса. Последствия. Спокойствие. Все еще чувствовать связь после того, как закончился физический контакт.

Его губы прижимаются к моему плечу — к одному из шрамов — и он оставляет самый нежный поцелуй на моей коже. Настолько мягкий и продуманный, что кажется — это гораздо больше, чем просто поцелуй. Это словно обещание, и я бы все отдала, чтобы иметь возможно читать его мысли прямо сейчас.

— Фэллон, — шепчет он, притягивая меня ближе к себе. — Помнишь, все те любовные романы, что ты заставила меня прочитать?

— Я заставила тебя прочитать только пять. Остальные ты читал по твоему собственному желанию.

Бен проводит носом вдоль моего подбородка, пока его губы не оказываются у моего уха.

— Ладно, — продолжает он, — я думал о некоторых вещах, что говорили те парни, когда находились с девушкой. Те, которые мы решили не говорить? Например, когда парень дает понять девушке, что владеет ей? Знаю, мы смеялись над этим раньше, но... срань Господня. — Он отодвигается и нависает надо мной напряженно вглядываясь в мое лицо. — Я никогда не хотел ничего сказать так, как хотел сказать тебе эту фразу, пока был внутри тебя. Потребовалось приложить все усилия, чтобы промолчать.

Никогда не думала, что это предложение может заставить меня всхлипнуть, но это точно произошло.

— Если бы ты это сделал... Я бы не попросила тебя остановиться.

Бен проводит губами по моей щеке, пока не добирается до рта.

— Я не скажу тебе этого до тех пор, пока ты не будешь действительно моей. — Он оборачивает руки вокруг моей талии, прижимая ближе к себе, молча умоляя о том, что не говорит вслух. Я чувствую это. Отчаяние.

— Фэллон, — говорит он и слова застревают в его в горле. — Я не хочу прощаться с тобой, когда мы проснемся.

Из-за его слов в моем сердце образовывается огромная дыра.

— В этот раз у тебя будет мой номер. Ты сможешь мне звонить.

— Каждый день? — спрашивает он с надеждой.

— Я очень расстроюсь, если ты не будешь этого делать.

— Два раза в день?

Я смеюсь.

— Я смогу видеть тебя каждый день?

Я качаю головой, потому что это на самом деле невозможно.

— Это будет как-то дороговато, — говорю ему.

— Нет, если я буду жить с тобой в одном городе.

Моя улыбка сразу же исчезает. Не потому, что его идея звучит непривлекательно. А потому, что это не невинная реплика. Люди не должны говорить кому-то, что переедут через

всю страну, если на самом деле не собираются этого делать.

Я проглатываю комочек в горле.

— Что ты такое говоришь, Бен?

Он снова перекачивается на бок и подпирает рукой голову.

— Я подумываю о продаже дома, если Йен не будет против. Если верить матери Джордин, она переезжает обратно домой. Кайл умер. Йен почти не бывает здесь. Единственный человек, с которым я хочу быть рядом, живет в Нью-Йорке. И мне интересно, что она думает, если я перееду к ней.

Не могу поверить, что мы обсуждаем это. Насколько я знаю, такие вопросы решаются без спешки, и не после секса, затуманившего наши мозги, но я не могу придумать ничего, чтобы мне хотелось больше, чем видеть его каждый день. Позволить ему стать частью своей жизни.

Если бы не одна маленькая деталь.

— Что насчет книги? — Спрашиваю у него. — Мы должны встретиться еще три раза. Разве ты не хочешь закончить ее?

Бен обдумывает мой вопрос около секунды, после чего медленно качает головой.

— Нет, — отвечает он просто. — Нет, если это означает, что мы не можем быть вместе. — Выражение его лица даже не меняется.

Бен серьезен. Он на самом деле хочет переехать в Нью-Йорк. И я хочу, чтобы он был там сильнее, чем что-либо когда-либо хотела.

— Тебе понадобится теплая куртка.

На его лице появляется улыбка. Он протягивает руку к моей щеке и проводит по челюсти, касаясь своим пальцем моих губ.

— И жили они долго и счастливо.

• • •

Вчера вечером, когда Бен открыл дверь и я увидела его первый раз за год, я видела какую боль он испытывал. Словно смерть брата заставила его постареть на пять лет.

Но сейчас он выглядит почти так же, как и в первый раз, когда я его встретила. Неопрятный и неряшливый. Очаровательный. Красивый. Это самое мирное выражение, что я видела у него с тех пор, как приехала.

Я легонько целую его в щеку и скатываюсь с постели, стараясь не разбудить. Одеваюсь в свою одежду и выхожу из спальни, направляясь вниз, чтобы посмотреть, может нужно прибраться, прежде чем разбудить его, чтобы попрощаться.

Сейчас почти четыре часа утра. Последнее, что я ожидаю увидеть — кого-то на кухне, но за барной стойкой сидит Джордин.

Она поднимает на меня взгляд, как только я вхожу. У нее красные и опухшие глаза, но она не плачет. Перед ней лежит целая коробочка из под пиццы и она откусывает огромный кусок пепперони.

Мне неудобно нарушать ее одиночество. Исходя из разговора с Беном, Джордин не хотела ничего, кроме уединения последние пару дней. Я подумываю вернуться назад в комнату Бена и позволить ей побыть одной. Она, должно быть, видит мои колебания, потому что подталкивает коробку ко мне.

— Ты голодна? — спрашивает Джордин.

Немного. Я сажусь рядом с ней и беру кусок пиццы. Мы сидим в тишине, пока она не доедает второй кусок. Она встает и убирает коробку из под пиццы в холодильник. А когда возвращается, протягивает мне газировку.

— Так ты та самая девушка, о которой Бен пишет книгу?

Я останавливаю себя, чтобы не раскрыть рот от удивления, из-за того что она знает об этом. Никто за ужином, казалось, ничего не знал о его книге. Я еще раз киваю, а затем делаю глоток содовой.

Джордин заставляет себя улыбнуться и смотрит вниз на свои руки, сложенные на барной стойке перед ней.

— Бен великий писатель, — говорит она. — Думаю, эта книга станет грандиозной. Очень интересная идея.

Я прочищаю горло, надеясь, что она не услышит шок в моем голосе.

— Ты читала?

— Абзацы и кусочки, — отвечает она, снова улыбаясь. — Бен очень избирателен в том, какие части мне разрешено читать, но моей специализацией был английский язык, поэтому иногда он спрашивает мое мнение.

Я делаю еще один глоток, просто чтобы удержать себя от расспрашиваний. Я хочу задать много вопросов, но не хочу, чтобы она знала, что я не читала ни одного слова из книги.

— Кайл был за него так счастлив, когда Бен подписал контракт с агентом. — Ее глаза наполняются слезами, когда она упоминает о Кайле.

Я смотрю в сторону.

Агент?

Почему он не сказал мне, что подписал контракт?

— Как он? — спрашивает Джордин.

— Бен?

Она кивает.

— Я еще ни с кем не разговаривала. Знаю, это эгоистично с моей стороны, ведь не одна я страдаю. Просто...

Я кладу свою руку поверх ее и сжимаю.

— С ним все в порядке. И он все понимает, Джордин. Все понимают.

Она вытирает слезу салфеткой. Я вижу, как она пытается держаться, и это заставляет мою грудь сжиматься от боли. Мне больно за нее, особенно зная, что она собирается бороться в одиночку.

— Я просто плохо себя чувствую. Я уже настолько во всем запуталась, что пропустила последние два дня, я даже не думала о том, как сильно это влияет на Йена и Бена. Я имею в виду, они оба живут здесь. И теперь они застряли с девушкой, которая собирается рожать ребенка. Последнее, что я хочу — это заставлять их чувствовать себя обязанными помогать мне, но... Я действительно не хочу возвращаться в Неваду. Я не могу переехать к маме, когда мой дом здесь. Я просто... — она прижимает руки к лицу. — Я не знаю, что делать. Я не хочу никого обременять, но боюсь, что не смогу справиться самостоятельно.

Я обнимаю ее и она начинает плакать в мою рубашку. Понятия не имела, что Джордин не хочет переезжать обратно к своей матери. Интересно, знает ли об этом Бен.

— Джордин.

Мы обе смотрим вверх, когда Бен называет ее имя. Он стоит в дверях на кухню с растерянным выражением на лице. Когда она смотрит на него, то начинает плакать еще сильнее. Он подходит к ней и обнимает, поэтому я встаю и обхожу барную стойку, давая им больше пространства.

— Ты никуда не поедешь, хорошо? — успокаивает он. — Ты моя сестра. Ты сестра Йена. И наш племянник будет воспитываться в доме, который ты и Кайл, для него подготовили. — Бен отклоняется и убирает волосы с ее лица. — Обещай, что ты разрешишь нам помогать тебе?

Джордин кивает, вытирая слезы. Она едва может сказать слово "спасибо" между рыданиями.

Я больше не могу смотреть как плачет Джордин. Я сама на грани слез, только из-за того, что знаю, как она боится. Я бегу вверх по лестнице обратно в спальню Бена, где смогу собраться с мыслями. У меня в голове столько всего крутиться, и в основном это страх. Боюсь, Бен принял решение переехать в спешке. Боюсь, если я расскажу ему, как сильно мне хочется, чтобы он переехал в Нью-Йорк, он так и сделает, но очевидно, что он нужен своей сводной сестре здесь. Не говоря уже о перспективе, которую он потеряет, отказавшись от книги. Я понимаю, что чем правдивее будет история, тем больше шансов у него будет продать эту книгу. Да, я хотела бы начать серьезные отношения прямо сейчас, но это не то, о чем мы договаривались в начале. Если мы просто возьмем и разорвем наше соглашение на полпути, вместо продолжения встреч девятого ноября, Бен бросит то, из чего, как явно думает его агент, может выйти отличная книга.

Не могу поверить, что у него есть агент.

Это так важно, и я не знаю, почему Бен не рассказал мне. Как бы я ни хотела поверить, как он готов легко бросить книгу, боюсь, он принял это решение, основываясь на эмоциях от нескольких дней. Последнее, что я хочу для него — чтобы он сначала принял такое важное решение, как переезд через всю страну, а потом пожалел об этом, когда все уже будет сделано. Конечно, я бы все отдала, чтобы Бен был со мной каждый день, но больше всего я хочу, чтобы он был счастлив с тем решением, которое примет. Я знаю, что три года для нас — это долгое ожидание, но эти три года могут очень сильно повлиять на его успех как автора. Тот факт, что наша история правдива, возможно, сделает ее привлекательной для читателей, и пусть я еще ничего не читала, уверена, Бен должен ее закончить.

Я не хочу быть причиной, по которой он не закончит то, что начал. Когда-нибудь он оглянется на сегодняшнюю ночь и будет удивляться, что сделал неправильный выбор. Еще есть вероятность, что наши жизни все равно сложатся правильно и в итоге мы все равно будем вместе, но нужно подождать три года, и у Бена будут идеи для книги, которую он обещал написать.

Он так кардинально поменял мою жизнь. Больше, чем он когда-либо узнает. Если бы не Бен, не думаю, что я когда-нибудь смогла бы вернуть уверенность в себе. Я знаю, что мне бы не хватило смелости пойти даже на одно прослушивание. Простое присутствие Бена в моей жизни всего один день в году оказало такое положительное влияние на меня, что я возненавижу себя, если сделаю прямо противоположное для него.

И это не из-за того, что произошло за последние десять минут. Бен никак не сможет переехать в Нью-Йорк, когда его семья нуждается в нем сейчас больше, чем когда-либо. Он будет нужен Джордин здесь намного больше, чем я нужна ему в Нью-Йорке. Он и Йен будут нужны ей здесь, и я отказываюсь быть той, кто убедит его оставить Джордин в такой

МОМЕНТ.

Я хватаю свой телефон и вызываю такси, пока не передумала.

Я закрываю дверь в спальню Джордин, когда слышу шаги Фэллон, спускающейся вниз по лестнице. Заворачиваю за угол, чтобы встретить ее, отчего она ахает, прижимая руку к сердцу.

— Ты напугал меня, — говорит она, делая последний шаг. — Как она?

Я бросаю взгляд в сторону спальни Джордин.

— Лучше, — отвечаю я. — Думаю, пицца помогла.

Фэллон понимающе улыбается.

— Это не пицца заставила ее почувствовать себя лучше, Бен, — она делает еще два шага, но на этот раз в сторону входной двери. Только теперь я замечаю сумочку на ее плече и обувь на ногах. Фэллон выглядит готовой к отъезду.

Она переминается, перенося свой вес на одну ногу, и пожимает плечами, словно я задал ей вопрос, а затем смотрит обратно на меня.

— Раньше...

— Фэллон, — перебиваю я, — пожалуйста, не меняй своего решения.

Она вздрагивает, глядя то вверх то вправо, словно пытается сдержать слезы. *Она не передумала. Она не может.* Я бросаюсь к ней и хватаю за обе руки.

— *Пожалуйста.* Мы можем сделать это. Возможно, я не смогу переехать прямо сейчас, но я перееду. Просто сначала нужно все уладить здесь.

Фэллон сжимает мои руки и вздыхает.

— Джордин сказала, что ты нашел агента.

Ее голос звучит несколько обижено, и она имеет право обижаться. Мне следовало рассказать ей об этом до того, как она узнает эту новость от кого-нибудь другого, но мой мозг был поглощен другими мыслями.

Я киваю.

— Да, пару месяцев назад. Я представил на рассмотрение идею книги нескольким агентам, и одному из них она действительно понравилась, — я понимаю, к чему все идет, поэтому качаю головой. — Это неважно, Фэллон. Я могу написать что-нибудь другое.

На стенах отражается линия света фар, и она бросает взгляд поверх своих плеч. Ее такси здесь.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Просто дай мне хотя бы номер своего телефона. Я позвоню тебе завтра, и мы что-нибудь придумаем, хорошо?

Я стараюсь говорить спокойным и обнадеживающим тоном, хотя очень тяжело прятать панику, нарастающую в моей груди.

Фэллон одаривает меня взглядом, похожим на жалость.

— Последние несколько дней были слишком эмоциональными, Бен. С моей стороны несправедливо позволять тебе принимать подобное решение прямо сейчас, — она прижимается губами к моей щеке, а затем разворачивается к входной двери. Я следую за ней, полный решимости не позволить ей так быстро передумать.

Подойдя к такси, Фэллон разворачивается ко мне с непоколебимым выражением на лице.

— Я никогда не прошу себе, если не призову тебя следовать своим мечтам, как ты призвал меня. Пожалуйста, не проси меня быть причиной твоего отказа от них. Это

нечестно.

Я слышу в ее словах отчаянную мольбу, отчего все мои возражения застревают в горле. Фэллон обнимает меня, прижимаясь лицом к моей шеи. Я держу ее крепко, надеясь, что если она почувствует, насколько сильно я нуждаюсь в том, чтобы она осталась со мной, она передумает. Но Фэллон непреклонна. Она отпускает меня и открывает дверь такси.

Раньше у меня никогда не возникало желания применить физическую силу к девушкам, но сейчас мне хочется повалить Фэллон на землю и удерживать до тех пор, пока такси не уедет.

— Я приеду в следующем году, — успокаивает она. — С удовольствием познакомлюсь с твоим племянником. Встретимся снова в ресторане? То же время, то же место?

Что?

Разве мы не проходили то же самое восемь часов назад?

Она что упала с лестницы и ударилась головой?

Я не согласен с этим. Она сумасшедшая, если думает, что я дам ей пять и скажу: увидимся через год. Я категорично качаю головой и, не разрешая ей сесть в такси, закрываю дверцу.

— *Нет*, Фэллон. Ты не можешь сначала сказать что любишь меня, а потом вернуть свои слова обратно, потому что на твой взгляд, так лучше для меня. Так нельзя поступать.

Фэллон поражена моими словами. Думаю, она ожидала, что я отпущу ее без борьбы, но она не из тех девушек, которых ты выбираешь для одного поединка. Она из тех, за кого ты сражаешься до самого конца.

Она прислоняется спиной к такси и скрещивает руки на груди. Сосредоточенно разглядывает асфальт под ногами, а я ее.

— Бен, — произносит она, её голос едва ли выше шепота. — Тебе не нужно в Нью-Йорк. Ты должен находиться здесь. Я буду отвлекать тебя, и в итоге ты не закончишь свою книгу. Осталось всего три года. Если нам предназначено быть вместе, то три года — это ничто.

Я смеюсь, но мой смех длится недолго, и не содержит и толики юмора.

— Предназначено быть вместе? Ты слышишь себя? Это не одна из твоих сказочных историй, Фэллон. *Это реальная жизнь*, и в реальном мире ты надрываешь задницу, чтобы жить долго и счастливо!

Хватаюсь за голову и отступаю назад, пытаюсь собрать все свое разочарование, и сдержат себя. Но каждый раз, когда я думаю, как легко она готова сесть в машину и не видется со мной на протяжении года, я даю волю эмоциям.

— Когда ты находишь свою любовь, ты принимаешь её. Хватаешься за неё обеими руками и делаешь все, что в твоих силах, чтобы не потерять ее. Ты не можешь просто уйти и ожидать, что чувство сохранится до тех пор, пока ты не будешь готова.

Не знаю, откуда все это у меня. Я никогда не сердился на Фэллон, но сейчас чертовски зол. Потому что это больно. Больно осознавать что после того как я дал ей немного подумать о произошедшем в моей комнате наверху — она решила, что для неё это уже ни черта не значит. Что я ни черта не значу.

Широко раскрытыми глазами, Фэллон наблюдает за тем, как я с трудом переживаю каждую эмоцию, на которую вообще способен парень. Эта неделя была полна волнений. Начиная от смерти Кайла, звонка Фэллон вчера утром, встреча с ней у моих дверей, как я

сорвался в ее объятиях и занялся с ней любовью. Если бы меня попросили поместить недельные эмоции в график, то это был бы зигзаг.

Во взгляде, направленном в сторону такси, я вижу, что Фэллон обдумывает свое решение. Я делаю шаг вперед и кладу руки на её плечи, обращая на себя внимание.

— Не убегай от этого.

Фэллон вздыхает и ее плечи опускаются. Она слабо качает головой.

— Бен, я не убегаю. Я не сделала ничего того, о чем бы мы не договорились с первого дня нашего знакомства. Я здесь одна кто придерживается правил. Мы договорились на пять лет. И, да, произошел небольшой сбой в твоей комнате, где мы чуть не нарушили...

Я перебиваю её.

— Сбой? — указываю на дом. — Ты только что сослалась на нас, назвав начало наших отношений... *сбоем?*

Выражение лица Фэллон сразу становится извиняющимся, но я не хочу слышать извинения. Очевидно, я ошибался. Ведь, когда я занимался с ней любовью, то уже знал, что происходящее между нами — это то, о существовании чего многие люди даже не подозревают. И если бы она чувствовала то же самое, то ни за что на свете не сказала бы подобное.

Мой желудок сжимается, и я хочу согнуться пополам от боли. Но вместо этого я стою ровно и предлагаю Фэллон последний шанс доказать мне, что за прошедший день у нас хоть что-то было взаимно.

Охватываю ее лицо до тех пор, пока мои пальцы не накрывают ее затылок. Провожу большими пальцами по щекам, заставляя поднять на меня взгляд. Я касаюсь ее мягко — настолько нежно, насколько это вообще возможно. Фэллон сглатывает, и я вижу как мое поведение заставляет ее нервничать.

— Фэллон, — говорю я, сохраняя в голосе спокойствие и искренность. — Мне плевать на книгу. Я даже не хочу заканчивать ее. Все что меня волнует — это ты. Быть с тобой каждый день. Видеть тебя каждый день. Я еще не закончил влюбляться в тебя. Но если ты не хочешь окончательно влюбиться в меня, значит, ты должна мне сказать об этом прямо сейчас. Хочешь ли ты, чтобы я стал частью твоей жизни, больше чем просто Девятое ноября? Если ты скажешь нет, я развернусь и уйду, и все будет так, как было до тех пор, пока ты не объявилась здесь вчера. Я буду дальше работать над книгой, и мы встретимся в следующем году. Если ты скажешь да... если ты скажешь, что хочешь проводить со мной каждый день календаря этого года влюбляясь в меня, я поцелую тебя. И я обещаю, это будет на одиннадцать баллов. Я буду проживать каждый день после сегодняшнего, доказывая тебе, что ты сделала правильный выбор.

Мои руки крепко держат ее лицо, а она пристально смотрит на меня.

Но потом ее глаза наполняются слезами и начинают скатываться по щекам. Фэллон качает головой.

— Бен, ты не можешь...

— Да или нет, Фэллон. Это все, что я хочу услышать.

Пожалуйста, скажи да. Пожалуйста, скажи мне, что ты еще не закончила влюбляться в меня.

— Этот год ты должен провести здесь, со своей семьей. Ты понимаешь это так же хорошо, как и я, Бен. Последнее, что нам нужно — это отношения по телефону. И это именно то, что произойдет, потому что мы будем проводить каждую свободную секунду,

желая говорить друг с другом, вместо того, чтобы сосредоточиться на наших целях. Мы все поменяем, лишь бы быть вместе, но так не должно быть. Не сейчас. Нам нужно закончить то, что мы начали.

Я позволяю ее словам войти в одно ухо и выйти через другое, потому что это не тот ответ, который я хотел услышать. Я наклоняюсь до тех пор, пока наши глаза не оказываются на одном уровне.

— Да. Или нет?

Фэллон делает прерывистый вдох. А потом, в слабой попытке прозвучать искренне, говорит:

— Нет. Нет, Бен. Идти обратно в дом и заканчивай свою книгу.

Еще одна слеза стекает по щеке, но на этот раз она стекает из *моего* глаза.

Я делаю шаг назад и отпускаю ее. После того, как Фэллон забирается на заднее сидение такси, она опускает свое окно, но я не смотрю на ее лицо. Я смотрю на асфальт под ногами, ожидая увидеть, как земля расколется на двое и целиком поглотит меня.

— Единственное, чего я хочу больше всего — это чтобы весь мир смеялся над тобой, Бен, — я слышу, как дрожит ее голос из-за слез. — Но этого не произойдет, если я не сделаю для тебя того же, что ты сделал для меня в день нашей встречи. Ты отпустил меня. Ты *подтолкнул* меня уйти. И я хочу для тебя того же. Хочу, чтобы ты следовал за своей страстью, а не за своим сердцем.

Такси начинает сдавать назад и на долю секунды я задумываюсь, что возможно Фэллон поймет, насколько извращены ее приоритеты, потому что *она* моя страсть. Книга была только предлогом.

Я подумываю побежать за ней — устроить для нее достойное книги представление. Я мог бы преследовать такси, и, когда оно остановится, я мог бы открыть дверь и, быстро схватив ее в свои руки, сказать, что люблю ее. Что я закончил влюбляться в нее почти сразу же после того, как начал, потому что это было стремительное падение сверху вниз. Падение со свистом. Мгновенное. Мгновенная любовь.

Но она ненавидит инсту-любовь. Очевидно, она ненавидит наполовину-инсту-любовь и медленную любовь, и любовь с черепашей скоростью, и любовь в целом и...

— Блядь!

Я извергаю проклятия на пустой улице, потому что на этот раз я получил в точности то, что заслуживаю.

Четвертое девятое ноября
В своей темноте, она спокойна,
В моей темноте, она кричит.

Бентон Джеймс Кесслер

Я так не нервничала даже в ночь, когда меня вызвали поработать дублёром. Я пришла на час раньше, но, приехав сюда сегодня утром, наш столик был уже занят, поэтому я выбрала другой поблизости.

Постукиваю пальцами по столу, и смотрю на дверь каждый раз, когда кто-то заходит или выходит.

Понятия не имею, как собираюсь начать этот разговор. Как сказать ему, что как только я оттолкнула его в прошлом году, я осознала, что совершила самую большую ошибку в своей жизни? Как сказать ему, что я приняла то сиюминутное решение для его же блага? Что думала, если скажу, что не хочу влюбляться в него, то тем самым помогу ему? И самое главное, как сказать, что я переезжаю обратно в Лос-Анджелес из-за него? Ну, хорошо, *не только* из-за него. Несколько месяцев назад у меня наметились большие изменения в карьере.

Когда я работала в общественном театре, многие просили меня помочь с ролью, потому что люди были уверены в моём таланте. Думаю, можно сказать, что я в некотором смысле учила актерскому мастерству. Я всегда получала от этого радость, и со временем поняла, что помогая актёрам с их ролями, я получаю больше удовольствия, чем когда была актрисой.

Потребовалось несколько месяцев, чтобы окончательно признать, что, возможно, моя цель была не стать актрисой. Люди меняются. Они растут. Страсти развиваются, и моя превратилась в желание помогать другим развивать свои собственные таланты.

Я рассматривала школы по всей стране, но моя мама, Эмбер и да, Бен, находились в Лос-Анджелесе, поэтому нет ничего удивительного в том, какой город, в конце концов, я выбрала.

Как бы часто я не подвергала сомнению свое решение не быть с Беном в прошлом году, я знаю, что это было к лучшему в долгосрочной перспективе. Я никогда не была так уверена в выборе карьеры, как сейчас, и сомневаюсь что это произошло бы, останься я тогда с Беном. Поэтому, даже если я и допустила ошибку, я ни о чём не жалею. Думаю, всё случилось так, как и должно было быть.

Но как мы с Беном уже удостоверились, многое может измениться за год, и я боюсь, что он мог передумать. Он даже может не хотеть быть со мной, как хотел в прошлом году. Он по-прежнему может быть так зол на меня, что даже не придёт.

Но если честно, я нервничаю не из-за этого.

Я нервничаю, потому что знаю, что Бен придёт. Он всегда приходит. Но в этом году, я понятия не имею, кто мы друг другу. В прошлом году мы расстались на очень плохой ноте, и за это я полностью беру вину на себя, но Бен должен понимать, что если бы мы поменялись местами, он сделал бы то же самое для меня. Если бы я сделала такое серьезное заявление в разгар сильнейшего страдания, Бен бы признал, что это не лучший момент для принятия решений, меняющих всю жизнь. И он, конечно, не может обвинить меня в том, что я подтолкнула его остаться и помочь своей семье. Его брат только что умер. Его невестка нуждалась в нём. Его племянник нуждался бы в нём. Так было правильней. Бен бы сделал то же самое для меня. Он принял все слишком близко к сердцу, потому что пережил очень эмоциональную неделю.

Ведь я чувствовала, что ехать без предупреждения в прошлом году было плохой идеей.

Думаю, это принесло больше вреда, чем пользы.

Мои мысли прерываются, когда на моё плечо опускается чья-то рука. Я поднимаю глаза, надеясь увидеть Бена. И я вижу его... но это не только Бен. Это Бен и... *ребёнок*.

Его племянник.

Я понимаю это сразу, потому что у мальчика глаза Бена. Глаза *Кайла*.

Всё это обрушивается на меня сразу, и я пытаюсь обдумать увиденное по-отдельности. Во-первых, тот факт, что Бен пришёл. И он улыбается мне, когда я встаю, чтобы обнять его. Это вызывает у меня огромный вздох облегчения.

Во-вторых, рука Бена, обнимающая мальчика, который сидит у него на бедре и опирается на его грудь. Увидев Бена с племянником на руках, я еще раз убеждаюсь, что каждый из нас принял правильное решение в прошлом году, и неважно, был Бен согласен с ним тогда или нет.

Я надеялась сегодня познакомиться с его племянником, но думала, у меня будет шанс сначала поговорить с Беном, один на один, о нашем расставании в прошлом году. Но я могу потерпеть. Особенно ради такого милого ребенка.

Малыш застенчиво улыбается мне, и я замечаю очень много черт Джордин в нём. Он в равной степени похож как на Джордин, так и на Кайла. Интересно, каково ей... видеть так много от Кайла, когда она смотрит на своего сына.

Когда Бен выпускает меня из объятий, он улыбается мальчику.

— Фэллон, я хочу представить тебе моего племянника, Оливера, — Бен поднимает крошечную ладошку и машет ею. — Оливер, это Фэллон.

Я поднимаю руку, и Оливер сразу тянет свои ручки ко мне. Потрясённая, я беру малыша на руки и держу, так же как только что это делал Бен. Прошло много времени с тех пор, как я держала на руках ребёнка, но думаю, если постараюсь, племянник Бена не заплачет у меня на руках.

— Он любит хорошеньких девушек, — подмигнув, шутит Бен, отпуская его, как только я беру ребёнка. — Давай, я принесу детский стул.

Бен уходит, а я опускаюсь обратно на стул, усаживая Оливера на стол передо мной.

— Ты такой милый, — говорю я ему. Он правда такой. Ребёнок кажется очень счастливым, и от этого я счастлива за Джордин. Но с толикой печали, когда думаю, что Кайл никогда не сможет увидеть своего сына. Я отгоняю эту мысль, когда Бен возвращается с детским стулом.

Он ставит его рядом с нашим столом, и усаживает Оливера. Я не замечаю сумку с подгузниками, которая перекинута через плечо Бена, пока он не снимает её, чтобы сесть. Он роется в сумке, пока не находит контейнеры с едой, а затем ставит их на стол напротив Оливера, предусмотрительно протерев его перед этим. Всё это время Бен разговаривает с Оливером как со сверстником. Он не предаётся детскому лепету, и я бы солгала, если бы сказала, что это не очаровательно, видеть его общение с младенцем на равных.

У Бена действительно есть предрасположенность к детям. Это впечатляет. И это даже... как-то сексуально.

— Сколько ему сейчас?

— Десять месяцев, — отвечает Бен. — Он родился под Новый год. На несколько недель раньше, но он в порядке.

— Так значит, весь мир празднует его день рождения с фейерверками, как и твой?

Бен ухмыляется.

— Знаешь, я даже не думал об этом. — Оливер играет с хлопьями в тарелке, полностью довольный тем, что не в центре внимания. Что утешает, потому что, может быть, мы с Беном сможем серьёзно поговорить, несмотря на компанию его племянника.

Бен протягивает руку через стол и сжимает мою. В этот момент в моей груди теплеет от такого обычного жеста.

— Это очень здорово, увидеть тебя Фэллон, — говорит он, переплетая наши пальцы. — Действительно здорово.

От такой искренности в его глазах мне хочется вскочить из-за стола и поцеловать его прямо здесь. Бен не ненавидит меня. Он не злится на меня. Я чувствую себя так, будто впервые за весь год вдохнула глоток свежего воздуха.

Я протягиваю руку к нему, но, как только я это делаю, Бен отстраняется, чтобы подтолкнуть тарелку к Оливеру.

— Извини, мне пришлось взять его с собой. Джордин работает сегодня, а няня не смогла приехать в последнюю минуту.

— Всё в порядке, — говорю я ему. И честно говоря, это действительно так. Мне нравится наблюдать, как Бен справляется с Оливером. Это ещё одна вещь, которую я не замечала в нём прежде. — Как Джордин?

— Хорошо, — отвечает Бен и кивает так, будто пытается убедить в этом и себя. — Действительно хорошо. Она такая замечательная мама. Кайл мог бы гордиться ею, — последнее предложение он произносит тише. — Что на счёт тебя? Как Нью-Йорк?

Я не знаю, что ответить. Не думаю, что сейчас подходящее время поднимать эту тему, поэтому я уклоняюсь от ответа.

— Это всегда так странно, — я меняю тему. — Встретаться с тобой первый раз за год. Каждый раз не знаю, что сказать или сделать.

Я вру. Это никогда не было странным до сегодняшней встречи, но спасибо прошлому году, сегодня я чувствую себя очень неловко.

Бен тянется через стол и кладет руку на моё запястье, слегка сжимая его.

— Я тоже нервничаю, — успокаивает он меня. Его взгляд замирает на наших руках, после чего он убирает свою, прочищая горло. Так мило, что он пытается быть почтительным перед Оливером. — Ты уже сделала заказ?

Бен берёт меню и молча смотрит его, но я вижу, что он его не читает.

Он нервничает больше, чем должен, но в прошлом году мы расстались на таком неловком моменте. Я переживаю, что это не нервы беспокоят его, а, может быть, немного горечи. Знаю, я причинила ему боль в прошлом году, но, несомненно, у Бена было время, чтобы понять почему я сделала, то, что сделала. И надеюсь, он знает, что уходить от него, когда ему было так больно, для меня было сложнее, чем для него. Весь прошлый год я провела с тяжестью на сердце, потому что постоянно думала об этом.

Мы оба сделали заказ, и Бен перепроверил, что добавил туда картофельное пюре для Оливера, что я нашла очаровательным. Я стараюсь разрядить обстановку легким разговором. Рассказываю ему, как пришла к своей новой цели в жизни — открыть студию талантов. Бен улыбнулся и сказал, что я больше не «Фэллон-Переломщица». Я спросила его, каково же моё новое имя, а он задумчиво посмотрев на меня, ответил «Фэллон-Учительница». И мне понравилось, как это звучало.

Бен рассказал, что в мае этого года закончил колледж, и это расстроило меня, потому что я не была рядом, но знаю, что нас ждет много подобных этапов в будущем. Я пойду на

его выпускную церемонию, когда он получит учёную степень, потому что он говорит, что это то, над чем он работает сейчас. Бен получил работу внештатным сотрудником онлайн журнала и решил дальше продвигаться в своей карьере в сторону технической документации.

Во время затишья в нашем разговоре Бен с ложки кормит Оливера картофельным пюре. Малыш потирает глаза и выглядит так, будто собирается заснуть прямо сейчас.

— Он уже говорит какие-нибудь слова?

Бен улыбается Оливеру, поглаживая рукой его крохотную головку.

— Парочку. Я почти уверен, что он произносит их случайно. В основном он говорит тарабарщину. — Бен смеётся. — Думаю, он уже произнес своё первое ругательство. На ночь мы оставляем с ним радио-няню, и на прошлой неделе он очень отчетливо произнес слово “чёрт”. Маленький парень рано начинает, — рассказывает он, игриво щипая Оливера за щёчку. Оливер улыбается ему, и, в этот момент мне все становится ясно.

Бен относится к Оливеру, как отец к сыну.

Оливер смотрит на Бена, как на своего отца.

При упоминании себя и Джордин Бен говорит «мы».

И они оставляют на ночь с Оливером радио-няню... что означает... *они делят спальню?*

Я глубоко вдыхаю, когда чувствую, что весь мой мир переворачивается. Хватаюсь за стол, когда всё складывается как пазл.

Чувствую себя такой идиоткой.

Бен сразу же замечает изменение в моём поведении, и, когда наши взгляды встречаются, он начинает медленно качать головой, понимая, что совершил ошибку.

— Фэллон, — тихо говорит он. Но больше он не произносит ни слова. Ему ясно, что я поняла, и он не делает ничего, чтобы переубедить меня. Он тонет в извиняющемся взгляде.

А я в молниеносной ревности.

В возрастающей, яростной, безумной ревности. Я вынуждена встать с места и броситься в ванную, потому что я отказываюсь показывать ему, как эта новость в считанные секунды полностью уничтожила меня. Бен кричит мне вслед, но я не останавливаюсь. Я рада, что он пришёл вместе с Оливером, потому что сейчас он не может пойти за мной.

Я подбегаю прямо к раковине и хватаюсь за её края, глядя на себя в зеркало.

Успокойся Фэллон. Не плачь. Сохрани своё разбитое сердце до возвращения домой.

Я не была готова к этому. Я понятия не имею, как с этим справиться. Такое чувство, будто моё сердце по-настоящему разбивается. Раскалывается пополам, кровоточит у меня в груди, заполняя лёгкие кровью, не позволяя мне дышать.

Сдерживать слёзы становится сложнее, когда дверь в уборную открывается и захлопывается. Я поднимаю взгляд и вижу Бена с Оливером на руках, который смотрит на меня с глубоким сожалением.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть его отражение в зеркале. Опускаю голову и начинаю плакать.

Я не хотел, чтобы Фэллон узнала всё таким образом. Я собирался ей все рассказать, но позже, хотел сначала подготовить её к этой новости. Не ожидал, что известие о наших отношениях с Джордин, разобьёт ей сердце. Я то думал, шансов на то, что Фэллон будет счастлива за меня больше, чем шансов, что она расстроится. Никак не ожидал такой реакции. Почему она ведёт себя так, будто это её волнует, ведь в прошлом году Фэллон ясно дала понять, что не заинтересована в чем-то большем, чем наш договор.

Но судя по её реакции, очевидно, что Фэллон это действительно волнует. Что это всегда ее волновало. Но по каким-то причинам она отказалась быть со мной, когда я нуждался в ней больше всего на свете.

Я стараюсь собрать картину воедино и, несмотря на то, что я держу в руках Оливера, каждая часть меня хочет упасть на колени и кричать.

Я делаю несколько неуверенных шагов вперёд, пока не оказываюсь за спиной Фэллон. Осторожно касаюсь её локтя, желая развернуть её, но она отталкивает мою руку и отходит в сторону. Срывает бумажное полотенце, и протирает глаза, стоя спиной ко мне.

— Я не хотел, чтобы всё так вышло.

Эти слова невольно срываются с моих губ, будто они смогут как-то успокоить Фэллон. Я тут же хочу забрать их обратно. Не имеет значения, что Фэллон оставила огромную дыру в моем сердце, и я не виноват, что кому-то удалось залатать ее. Не имеет значения, что Джордин и я были разбиты после смерти Кайла. Не имеет значения, что наши отношения с Джордин не развиваются, как до, так и после рождения Оливера. Не имеет значения, что я никогда не почувствую ту же связь с Джордин, какую чувствую с Фэллон, но Оливер наполняет наши отношения тем, чего им не хватает.

Единственное, что имеет значение, что для Фэллон это оказалось неожиданным поворотом в нашей истории. Никто из нас этого не ожидал. Никто из нас этого не хотел. Но частично именно Фэллон ответственна за это. Я должен помнить об этом. Ей больно сейчас, так же как было больно мне, если не хуже, когда она вместо меня выбрала Нью-Йорк.

Я смотрю на Оливера и вижу, что он уснул на моей груди. В последнее время это нормально для него, вздремнуть утром, так что я удобнее укладываю его в своих руках. Каждый раз, когда я смотрю на него, на сердце становится тепло. Это отличается от чувств к Джордин или Фэллон. И я должен напоминать себе об этом. Это не касается ни одной из них. Это касается маленького мальчика у меня на руках, и я делаю то, что лучше для него. Он это единственное, что имеет значение, и я говорю себе это на протяжении нескольких месяцев. Я думал, что это небольшое напоминание поможет мне пережить разговор с Фэллон, но сейчас я в этом уже не уверен.

Фэллон делает глубокий вдох и выдыхает, прежде чем повернуться. Когда она встречается со мной взглядом, становится ясно, как много всего я только что уничтожил в ней. Первая моя реакция, это желание все исправить, сказать ей, что я чувствую на самом деле. Что в тот момент, когда я впервые поцеловал Джордин, я был бесформенной массой.

Вообще-то, я превратился в бесформенную массу с той секунды, когда Фэллон уехала в такси, в прошлом году.

— Ты её любишь? — Фэллон тут же прикрывает рот рукой, и качает головой, сожалея о том, что задала этот вопрос.

— Пожалуйста, не отвечай, — она подходит ближе и опускает взгляд. — Мне нужно выйти, — говорит она, проходя мимо меня.

Я отхожу назад, пока не упираюсь спиной в дверь, не позволяя ей выйти. — Не так. Пожалуйста, не уходи пока. Дай мне шанс всё объяснить.

Я не могу позволить ей уйти, пока она не поймет всю ситуацию. Но ещё больше я надеюсь, что она объяснит, что, чёрт возьми, случилось в прошлом году и почему она ведет себя так, будто от моей новости ей действительно больно.

— Объяснить что? — тихо спрашивает она. — Ты хочешь, чтобы я стояла здесь и выслушивала твои объяснения о том, как ты не намеревался влюбиться в жену своего умершего брата? Ты ожидаешь, что я буду спорить с тобой, когда ты скажешь, что это не просто, то чего захотел ты, что ты поступил так, как будет лучше для твоего племянника? Ты ждёшь от меня извинений за то, что я соврала тебе в прошлом году, когда сказала, что не хочу любить тебя?

Каждое слово, срывающееся с её губ в последнем предложении, словно тяжелые камни в моей душе, которые опускает меня на самое дно. Она соврала мне?

— Я все понимаю, Бен. Это моя вина. Это я уехала в прошлом году, когда ты полюбил меня.

Фэллон пытается обойти меня и взяться за дверную ручку, но я передвигаюсь, чтобы заблокировать выход. Я притягиваю её к себе, обхватывая свободной рукой её затылок, и прижимаю лицом к своему плечу. Прижимаю губы к её макушке, пытаюсь не думать о том, каково это снова чувствовать её в своих объятиях. Фэллон хватается мою рубашку, и я чувствую, что она опять начинает плакать. Я хочу сильнее притянуть её к себе, крепче держать в своих объятиях, но Оливер не позволяет мне сделать этого.

Я хочу сказать что-нибудь, что утешит её, но в то же время очень злюсь на неё. За то, как беспечно она выбросила моё сердце в прошлом году, когда я отдал ей его. И за то, что она делает это снова, сейчас, когда уже поздно.

Слишком поздно.

Оливер начинает ёрзать в моих руках, и я вынужден отпустить Фэллон, чтобы малыш не проснулся. Она использует возможность ускользнуть от меня и выбегает за дверь.

Я иду за ней и вижу, как она хватается сумочку с нашего столика и направляется к выходу. Сам подхожу к столику и забираю сумку с подгузниками. Наша еда всё ещё на столе, но я с уверенностью могу сказать, что мы не будем её есть. Кидаю деньги на стол и выхожу на улицу.

Фэллон стоит рядом с машиной, и копается в своей сумочке. Как только она извлекает свои ключи, я уже рядом с ней. Выдёргиваю ключи из её рук и отхожу к своей машине, которая припаркована рядом.

— Бен! — кричит она. — Отдай мне мои ключи!

Открываю свою машину и завожу её. Опускаю окна, а затем усаживаю Оливера в детское кресло. Убедившись, что он всё ещё спит, я возвращаюсь к машине Фэллон.

— Ты не можешь уехать, ненавидя меня, — говорю я, вкладывая ключи в её руку. — Только не после всего, что у нас было...

— Я не ненавижу тебя Бен, — произносит она. Её голос срывается, а по щекам продолжают стекать слёзы. — Это ведь часть нашего договора, не так ли? — она сердито стирает слёзы и продолжает. — Жить своей жизнью. Встречаться с другими людьми. Влюбляться в жён умерших братьев. И, в конце концов, мы бы увидели, к чему все это

приведет. Что ж, мы дошли до конца Бен. Немного раньше, но это, безусловно, конец.

Я смотрю сквозь неё, слишком пристыженный, чтобы смотреть ей в глаза. — У нас всё ещё есть два года Фэллон. Мы не должны заканчивать все сегодня.

Она качает головой. — Знаю, я обещала, но... я не могу. Ни за что на свете, я не заставлю себя пройти через это снова. Ты даже не представляешь, как я себя чувствую, — говорит она, прижимая руку к груди.

— Вообще-то Фэллон, я точно знаю какво это.

Я встречаюсь с ней взглядом, чтобы она увидела, что я не намерен брать всю вину на себя. Если бы она не уехала в прошлом году и окончательно не опустошила меня, я бы не потратил большую часть года, обижаясь на неё. Я бы никогда не начал отношения с кем-либо — особенно с Джордин — чтобы рисковать тем, что у нас могло быть с Фэллон. Но я думал, что Фэллон чувствует ко мне только часть того, что я чувствовал к ней.

Она понятия не имеет, с каким разбитым сердцем оставила меня. Как меня поддерживала Джордин, когда Фэллон не было рядом. Как я поддерживал Джордин, когда Кайла не было рядом. И после потери людей, которых мы оба любили, чуть позже нас объединил Оливер... мы не планировали этого. Я даже не уверен, что хотел этого. Но это случилось, и сейчас я единственный отец, которого знает Оливер. И почему теперь всё это кажется таким неправильным? Почему я чувствую, что еще хуже испоганил свою жизнь?

Фэллон отталкивает меня в сторону, пытаюсь открыть дверь своей машины. И в этот момент я чувствую себя так, будто меня ударили в живот.

Я не могу дышать.

Не знаю, почему я только сейчас это заметил. Я хватаю Фэллон за руку и сжимаю её, прежде чем она открывает дверь. Мой негласный крик души заставляет ее остановиться и посмотреть на меня.

Мгновение я смотрю на её машину, а затем снова на неё. — Почему ты приехала сюда сегодня?

На ее лице появляется замешательство. Она качает головой, — У нас был договор. Сегодня девятое ноября.

Я сильнее сжимаю её руку. — Вот именно. Обычно, ты приезжаешь прямо из аэропорта. Почему ты на машине, а не на такси?

Фэллон смотрит на меня, и я вижу в её глазах поражение. Она быстро выдыхает и смотрит на землю. — Я вернулась, — объявляет она, пожимая плечами. — Сюрприз.

Её слова пронзают мою грудь, и я вздрагиваю. — Когда?

— В прошлом месяце.

Я прислоняюсь к её машине и закрываю лицо ладонями, стараясь удержать их вместе. Я приехал сюда сегодня, в надежде получить ясность. Надеюсь, что встреча с Фэллон остановит войну, которая бушует внутри меня, с тех пор как всё началось с Джордин.

И ясность это именно то, что я получаю. С той самой секунды, когда я зашёл в ресторан и увидел её, старое чувство в груди снова проснулось. Чувство, которое я не испытывал ни к одной другой девушке. Чувство, которое всегда пугало меня до разрыва сердца.

Я никогда не испытывал подобного к кому-то кроме Фэллон, но я всё ещё не знаю, достаточно ли этого чтобы все изменить. Потому что Фэллон была права, когда сказала что это не то, чего хотел я. Это все было ради Оливера. Но теперь это оправдание не поддается логике, когда я стою рядом с единственной девушкой, которая заставляет меня так чувствовать себя.

Теперь, когда Оливер крепко спит в машине, и мои руки свободны, я притягиваю Фэллон к себе. Я отчаянно обнимаю ее, потому что мне необходимо почувствовать ее. Закрываю глаза и пытаюсь придумать слова, которые исправят всё, но единственные слова, что приходят мне в голову, я не должен произносить вслух.

— Как мы могли позволить этому случиться? — но как только этот вопрос срывается с моих губ, я понимаю как несправедлив к Джордин. Но Джордин тоже несправедлива ко мне, потому что она никогда не полюбит меня так, как любила Кайла. И она должна понимать, что я никогда не буду чувствовать к ней то, что чувствую к Фэллон.

Фэллон пытается вырваться, но я крепко держу её. — Подожди. Пожалуйста, ответь только на один вопрос.

Она расслабляется и остаётся в моих объятиях.

— Ты вернулась в Лос-Анджелес из-за меня? Из-за нас?

Как только я задаю вопрос, чувствую, как она выдыхает. Мое сердце колотится в груди. И когда она не отрицает это, я обнимаю ее еще крепче.

— Фэллон, — шепчу я. — Боже Фэллон. Я приподнимаю её подбородок, заставляя смотреть мне в глаза. — Ты любишь меня?

Её глаза расширяются от страха, будто она не знает, как ответить на этот вопрос. Или может сам вопрос пугает её, потому что она точно знает, что чувствует ко мне, но не хочет это чувствовать. Я снова задаю свой вопрос. В этот раз я умоляю её. — Пожалуйста. Я не могу принять это решение, пока не буду уверен, что я не одинок в своих чувствах к тебе.

Фэллон многозначительно смотрит мне в глаза, и непреклонно качает головой. — Я не собираюсь соперничать с женщиной, которая одна воспитывает ребёнка, Бен. Я не хочу быть той, кто заберёт тебя у неё, когда она такое пережила. Так что не волнуйся, тебе не нужно принимать решение. Я уже сделала это за тебя.

Она пытается пройти мимо меня, но я обхватываю её лицо и снова умоляю. Но вижу решимость в её глазах, ещё до того как начинаю говорить. — Пожалуйста, — шепчу я. — Только не снова. Мы не сможем исправить все, если ты опять уйдёшь.

Фэллон с досадой смотрит на меня. — На этот раз ты не оставил мне выбора, Бен. Ты пришёл влюблённый в кого-то другого. Ты делишь кровать с другой женщиной. Твои руки прикасаются к кому-то кроме меня. Твои губы шепчут обещания той, кто не я. И неважно, чья в этом вина, может моя, когда я уехала в прошлом году или твоя, когда ты не понял, что я поступила так для твоего же блага. Ничего из этого не изменит ситуации. Что есть, то есть.

Фэллон выскользывает из моих рук и открывает дверцу своей машины, глядя на меня сквозь влажные ресницы. — Им повезло, что у них есть ты. Бен, ты действительно хороший отец для него.

Она садится в машину, совершенно не понимая, что вот-вот вырвет моё сердце. Я стою окаменевший, не в состоянии остановить её. Не в состоянии говорить. Не в состоянии молить. Потому что знаю, что не смогу ничего сказать, чтобы что-то изменить. Во всяком случае, не сегодня. Не до того, как я разберусь со всем остальным в своей жизни.

Фэллон опускает окно со своей стороны, стирая очередную слезу со щеки. — Я не вернусь в следующем году. Мне жаль, если это уничтожит твою книгу, это последнее чего я хотела. Но я больше так не могу.

Она не может сдаться окончательно. Я хватаюсь за дверцу её машины и склоняюсь к открытому окну. — К чёрту книгу Фэллон. Дело никогда не было в книге. Это было из-за тебя, всегда из-за тебя.

Фэллон молча смотрит на меня. А потом поднимает стекло и трогается с места, даже не сбавив скорость, когда я колотил по багажнику, преследуя её до изнеможения.

— Чёрт! — кричу я, пиная гравий под ногами. Пинаю его снова, поднимая пыль. — Чёрт побери!

Как я теперь смогу вернуться к Джордин, когда у меня больше нет сердца, чтобы отдать его ей...

Пятое 9-е Ноября

Мои недостатки прикрывались ее милосердием

Уважались ее неверными представлениями

И своими губами на моей коже

Она раскроет мой обман.

— БЕНТОН ДЖЕЙМС КЕССЛЕР

Раньше, когда я думала о событиях своей жизни, я мысленно разделяла все на "*события до пожара*" и "*события после пожара*".

Больше я этим не занимаюсь. Не потому, что повзрослела. Наоборот, ведь теперь я думаю о своей жизни, как о "*до Бентона Джеймса Кесслера*" и "*после Бентона Джеймса Кесслера*".

Это жалко, знаю. И даже больше, потому что прошёл ровно год с тех пор как наши пути с Беном разошлись, а я продолжаю думать о нем так же часто, как делала до этапа "*после Бентона Джеймса Кесслера*". Но не так-то просто перестать думать о ком-то, кто так сильно повлиял на твою жизнь.

Я не желаю ему зла. Никогда не желала. Особенно увидев, как его терзало это решение, когда мы расстались в прошлом году. Уверена, если бы я заплакала и попросила выбрать меня, он бы так и сделал. Но я никогда не хотела быть с кем-то, кого пришлось просить об этом. Более того, я не хочу быть с кем-то, если есть даже небольшая вероятность присутствия кого-то третьего. Любовь должна быть между двумя людьми, а если это не так, я предпочту уйти вместо того, чтобы соревноваться.

Я не единственная кто считает, что все происходит не просто так, поэтому отказываюсь верить, что это наша судьба — не быть вместе. Если бы я верила в это, тогда пришлось бы поверить и в то, что Кайлу предназначено было умереть в таком молодом возрасте. Я предпочитаю верить, что дерьмо просто случается.

Пострадать во время пожара? *Дерьмо случается.*

Потерять карьеру? *Дерьмо случается.*

Потерять любовь всей своей жизни из-за вдовы с грудным ребенком? *Дерьмо случается.*

Последнее, во что я хочу верить — что моя судьба уже уготована, и у меня нет возможности повлиять на то, где и с кем я в итоге окажусь. А если моя жизнь все-таки предрешена и не важно, какой выбор я сделаю, тогда какая разница, выйду ли я из дома сегодня вечером?

Никакой. Но Эмбер, кажется, считает, что разница есть.

— Ты не можешь оставаться здесь и хандрить, — возмущается она, плюхнувшись на сиденье рядом со мной.

— Я не хандрю.

— Хандришь.

— Нет.

— Тогда почему ты не хочешь пойти с нами?

— Не хочу быть третьей лишней.

— Тогда позвони Тедди.

— Теодору, — исправляю я.

— Ты знаешь, я не могу называть его Теодором с серьезным лицом. Это имя должно быть зарезервировано для членов королевской семьи.

Я надеялась, что Эмбер свикнется с его именем. Я уже несколько раз с ним встречалась, а она по-прежнему каждый раз заостряет на этом внимание. Она видит раздражение на моем лице, поэтому продолжает защищаться.

— Он носит штаны с вышитыми крошечными китами, Фэллон. И два раза, когда я гуляла с вами, все что он делал — это рассказывал истории о том, как он рос на Нантакете [остров в Атлантическом океане]. Но никто с Нантакета не разговаривает как серфер, я тебе гарантирую.

Эмбер права. Теодор рассказывает о Нантакете, будто всем должно быть завидно, что он оттуда. Но кроме этого маленького бзика и странного выбора штанов, он один из немногих парней кто сейчас рядом и кто может отвлечь меня от мыслей о Бене больше, чем на час.

— Если ты так сильно его ненавидишь, зачем так настойчиво заставляешь меня пригласить его пойти сегодня с нами?

— Я не ненавижу его, — не соглашается Эмбер. — Он просто мне не нравится. И я бы предпочла, чтобы ты пошла сегодня с ним, чем сидела здесь и хандрила о том, что сегодня девятое ноября, и что ты больше не проводишь его с Беном.

— Я хандрю не по этой причине, — вру я.

— Может и нет, но, по крайней мере, мы обе согласны с тем, что ты хандришь. — Она берет мой телефон. — Я пишу Тедди, что встречаемся в клубе.

— Вам с Гленном будет неловко, учитывая, что меня там не будет.

— Фигня. Одевайся. И надень что-нибудь милое.

• • •

Эмбер всегда побеждает. Я здесь... в клубе. Не хандрю дома на диване, где хотела бы сейчас быть.

И зачем нужно было Теодору снова надевать свои штаны с китами? Получается, Эмбер опять права и как всегда победила.

— Теодор, — говорит Эмбер, водя пальцем по краю своего почти пустого стакана. — У тебя есть прозвище или все зовут тебя просто Теодор?

— Просто Теодор, — отвечает он. — Моего отца зовут Тедди, поэтому произойдет путаница, если нас обоих станут так называть. Особенно, когда мы вернемся к семье на Нантакет.

— Прикольно, — завершает Эмбер, переводя взгляд на меня. — Не хочешь сходить со мной к бару?

Я киваю и выскакиваю из-за столика. Пока мы пробираемся к бару, Эмбер переплетает свои пальцы с моими и сжимает ладонь.

— Пожалуйста, скажи, что ты с ним не трахалась.

— Мы встречались всего четыре раза, — возмущённо отвечаю. — Я не такая.

— Ты занималась сексом с Беном на третьем свидании, — парирует она в ответ.

Ненавижу, что Эмбер приплетает сюда Бена, но, наверное, когда ты обсуждаешь свою сексуальную жизнь с подругой, то единственный парень, с которым ты когда-либо спала, обязательно будет присутствовать в разговоре.

— Может и так, это совсем другое. Мы знали друг друга намного дольше, чем в данном случае.

— Вы знали друг друга три дня, — не унимается она. — Нельзя считать все время полностью, если вы общались только раз в год.

Мы подходим к бару.

— Смена темы, — говорю я. — Что ты хочешь выпить?

— Все зависит от... — задумывается она. — Мы пьем, потому что хотим запомнить эту ночь навсегда? Или потому что хотим забыть прошлое?

— Скорее забыть.

Эмбер поворачивается к бармену и заказывает четыре шота. Когда он ставит их перед нами, мы берем по рюмке и чокаемся.

— Чтобы проснуться десятого ноября и не помнить о девятом, — произносит тост Эмбер.

— Вышьем за это.

Мы опрокидываем свои шоты, и сразу же переходим к следующей порции. Обычно я немного пью, но на этот раз я сделаю все возможное, чтобы эта ночь пролетела как можно быстрее, потому что только так я могу покончить с этим.

• • •

Проходит полчаса и шоты определенно делают свое дело. Я чувствую себя хорошо и немного пьяной, и даже не возражаю, что Теодор сегодня распускает руки. Эмбер и Гленн покинули кабинку пару минут назад, чтобы покорить танцпол, а Теодор рассказывает мне о... вот дерьмо. Я понятия не имею, о чем он говорит. Не думаю, что вообще его слушала.

Гленн заползает обратно на диванчик, а я стараюсь и дальше смотреть на лицо Теодора, чтобы он думал, что я слушаю его вздор о какой-то рыбалке, которой он занимался со своим двоюродным братом во время летнего солнцестояния. Когда, черт возьми, вообще происходит это летнее солнцестояние?

— Я могу помочь? — спрашивает Теодор Гленна, что странно, учитывая его недружелюбный тон. Я поворачиваюсь к Гленну.

Только... это не Гленн.

На меня пристально смотрят карие глаза, и мне вдруг хочется скинуть с себя руки Теодора и заползти под стол.

Да пошла ты, судьба. Пошла ты к черту.

На лице Бена расплывается медленная улыбка, когда он возвращает свое внимание к Теодору.

— Простите, что прерываю вас, — извиняется Бен, — но я перехожу от стола к столу, задавая парам по несколько вопросов для своей выпускной работы. Вы не возражаете, если я задам и вам парочку?

Теодор расслабляется, понимая, что Бен здесь не для того, чтобы занять его территорию. Или он просто так думает.

— Да, конечно, — соглашается Теодор, и тянется через стол, чтобы пожать Бену руку. — Я Теодор, это Фэллон, — представляет он меня единственному человеку, который был во мне.

— Приятно познакомиться, Фэллон, — любезничает Бен, обхватив мою ладонь сразу обеими руками. Он быстро проводит пальцем по запястью, и его прикосновение опалает кожу. Когда Бен отпускает мою руку, я смотрю на свое запястье, уверенная, что остался след.

— Я Бен.

Стараюсь выглядеть незаинтересованной, и лениво поднимаю брови. *Что, чёрт возьми,*

он здесь делает?

Взгляд Бена скользит от моих глаз к губам, а затем он сосредотачивается на Теодоре.

— Итак, как давно ты живешь в Лос-Анджелесе, Теодор?

Прямо сейчас в моем пропитанном алкоголем мозге круговорот мыслей.

Бен здесь.

Здесь.

И он вторгся в мое свидание, чтобы получить информацию.

— Большую часть жизни. Думаю, все двадцать лет.

Я смотрю на Теодора.

— Я думала, ты вырос на Нантакете.

Теодор ерзает в кресле и смеется, сжимая мои руки, лежащие на столе.

— Я там родился. Но не вырос. Мы переехали сюда, когда мне было четыре года. —

Теодор переводит свое внимание обратно на Бена, и, черт бы побрал Эмбер, она снова побеждает.

— Итак, — продолжает Бен, указывая пальцем между мной и Теодором. — Вы встречаетесь?

Теодор обнимает меня и тянет ближе к себе.

— Я работаю над этим, — отвечает он, улыбаясь мне сверху вниз. Но потом снова смотрит на Бена. — Это довольно странные личные вопросы. Какая тема у твоей работы?

Бен трет рукой шею.

— Я изучаю вероятность родственных душ.

Теодор хихикает.

— Родственные души? Это выпускная работа? Да поможет нам Бог.

Бен выгибает бровь.

— Ты не веришь в родственные души?

Теодор обнимает меня одной рукой и откидывается на спинку сиденья.

— А ты, как я понял, веришь? Встретил уже свою половинку? — полушутя Теодор оглядывает кабинку. — Она сегодня с тобой здесь? Как ее зовут? Золушка?

Я медленно перевожу взгляд на Бена. Не уверена, что хочу слышать ее имя. Бен пристально смотрит на меня, то и дело бросая взгляд на пальцы Теодора, скользящие вверх и вниз по моей руке.

— Она здесь не со мной, — отвечает Бен. — На самом деле, сегодня она фактически бросила меня. Я прождал её больше четырех часов, но она так и не появилась.

Его слова похожи на сосульки. Красивые и острые, как ножи. Я проглатываю комок в горле.

Он все-таки пришел? Даже после того, как в прошлом году я сказала, что не приду? Прямо сейчас его слова слишком сильно давят на меня, и все кажется неправильным, начиная с того, что я сижу рядом с другим парнем, и мне хочется, чтобы он перестал меня трогать.

— Какая девушка стоит того, чтобы ждать четыре часа? — отвечает Теодор со смехом.

Бен откидывается на спинку сиденья, и я наблюдаю за каждым его движением.

— Только одна, — говорит он тихо, чтобы никто не услышал. Или, возможно, его слова были предназначены только для меня.

Говоря об Эмбер. Или, может быть, я не говорила о ней, сейчас не могу вспомнить, ведь здесь Бен, и мой мозг не работает должным образом. Но Эмбер вернулась.

Мои глаза расширяются, когда я смотрю на нее. Она смотрит то на меня, то на Бена, как будто один из нас ненастоящий. Я прекрасно понимаю её, потому что чувствую то же самое. Хотя, возможно, это просто алкоголь. Я качаю головой и шире открываю глаза, посылая ей знак, не признавать, что она знакома с Беном. Надеюсь, Эмбер понимает мои молчаливые сигналы.

За ней идёт Гленн, и я пытаюсь послать ему те же самые сигналы, но как только Гленн подходит ближе к кабинке, он улыбается и кричит:

— Бен! — Он скользит к нему и обнимает так, словно только что встретил своего лучшего друга.

Да, Гленн пьян.

— Ты знаешь этого парня? — спрашивает Теодор, указывая на Бена.

Гленн начинает указывать на меня, и только тогда видит выражение моего лица. Хорошо, что он не настолько пьян, чтобы его не понять.

— Эммм... — Гленн заикается. — Мы... хм. Мы встречались ранее. В туалете.

Теодор давится своим напитком.

— Вы познакомились в *туалете*?

Я пользуюсь случаем, чтобы выскользнуть из кабинки, отчаянно нуждаясь в перерыве. Это слишком.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спрашивает Эмбер, хватая меня за локоть.

Я качаю головой. Думаю, мы обе знаем, что я надеюсь, Бен последует за мной, чтобы объяснить, какого черта он здесь делает.

Я быстро иду по направлению к туалету, слегка смущаясь того, насколько быстро я прервала этот спектакль. Забавно, что взрослый человек может так просто забыть, как нормально вести себя в присутствии кого-то другого. Но я чувствую, что мои внутренности горят так, что начинают плавиться кости. Мои щеки горят. Шея горит. Все горит. Мне просто нужно умыться.

Я захожу в туалетную комнату и даже если мне не нужно в туалет, я все равно туда иду. Я в юбке, которую Эмбер заставила меня надеть, а когда ты в юбке, пользоваться туалетом очень легко, поэтому глупо было бы не использовать эту возможность. Кроме того, я почти уверена, что вызову такси домой сразу после того, как ударю Бена по лицу, поэтому могу сходить в туалет, пока я здесь.

Почему я ищу оправдание тому, что мне надо пописать?

Может, потому, что мне известно — все, что я делаю — это просто тяну время. Не уверена, что хочу выйти из туалетной комнаты.

Когда я мою руки, замечаю, как сильно они дрожат. Делаю несколько успокаивающих вдохов, глядя на свое отражение. Сейчас я смотрю на себя не так как смотрела до встречи с Беном. Я не зацкливаюсь на недостатках, как раньше. Иногда неуверенность все еще дает о себе знать, но благодаря Бену, я научилась принимать себя такой, какая я есть и благодарна тому, что жива. Иногда меня бесит, что моя самоуверенность частично заслуга Бена, потому что я хочу ненавидеть его. Моя жизнь была бы намного проще, если бы я просто могла его ненавидеть, но сложно ненавидеть человека, который оказал такое положительное влияние на мою жизнь. Но есть и негативные моменты, которое Бен привнес в мою жизнь за последний год, и мне хочется поблагодарить Эмбер за то что она заставила меня принарядиться этим вечером. Я в облегающем фиолетовом топе, который добавляет яркости

моим зеленым глазам, да и волосы отрасли на несколько сантиметров по сравнению с прошлым годом. Хорошо, что Бен видит эту версию меня, а не ту, что хандрит на диване два часа назад. Я не хочу ему мстить, но было бы неплохо, если бы увидев меня, Бен понял что упустил. Мне было бы немного легче, если бы он испытывал угрызения совести, влюбившись в другую девушку.

Когда я заканчиваю мыть руки, в моей голове так много вопросов. Почему он здесь не с Джордин? Они расстались? Почему он вообще здесь? Откуда он узнал, что я буду здесь? Или он зашел сюда случайно? И неужели он надеялся, когда сегодня шел в этот бар, что я буду здесь?

Мое отражение не дает никаких ответов, поэтому я смело иду к выходу из туалета, зная, что Бен, наверняка, уже где-то там. Ждет.

Я едва успеваю открыть дверь, как чья-то рука сжимает мое запястье и тянет вниз по коридору подальше от толпы. Я не вижу его лица, но знаю, что это он. Все мое тело пронзает знакомое ощущение электрического разряда, которое появляется между нами как только мы оказываемся рядом.

Моя спина прижимается к стене, его руки упираются рядом с моей головой, а глаза прикованы к моим.

— Насколько серьезно у тебя с теми *штанами с китами*?

Черт меня побери, Бен заставляет меня смеяться сию же секунду. Я издаю стон.

— Ненавижу эти штаны.

По всему его лицу расплзается кривая, самодовольная ухмылка, но едва появившись, сразу же исчезает, сменяясь разочарованием.

— Почему ты не пришла сегодня? — спрашивает Бен.

Сложно определить есть ли разница между биением моего сердца и ритма музыки. Из-за близости Бена они абсолютно синхронны, ни громче, ни тише.

— Я предупреждала в прошлом году, что не приду сегодня, — я смотрю на коридор в сторону зала. Здесь темно, мы далеко от туалетной комнаты, далеко от людей. Каким-то образом в здании, забитом разгоряченных тел, у нас есть полное уединение. — Как ты узнал, что я буду сегодня здесь?

Бен небрежно трясет головой.

— Ответ на этот вопрос не так значим, как ответ на мой. Насколько у тебя серьезно с тем парнем?

Его голос низкий, лицо близко к моему. Я чувствую тепло, исходящее от его кожи. Трудно сосредоточиться в таком отвлекающем положении.

— Я забыла какой вопрос ты задал, — я слегка покачиваюсь, но его пальцы сжимают мое бедро и не дают упасть.

Бен прищуривается.

— Ты что, пьяна?

— Выпившая. Большая разница. Как Джордин? — Не знаю, почему произношу ее имя со злобой. Я не держу на нее никакой обиды. Ладно, может быть, самую малость. Но не сильно, потому что Оливер такой милый малыш и трудно злиться на кого-то, кто смог родить такого милого парня.

Бен вздыхает, взглянув в сторону на долю секунды.

— У Джордин все отлично. Они в порядке.

Хорошо. Хорошо для них. Хорошо для него и Оливера, и их очаровательной гребаной

семейки.

— Это замечательно, Бен. Мне нужно вернуться к своему свиданию, — я стараюсь проскользнуть мимо него, но он склоняется ближе и плотнее прижимает меня к стене. Его лоб упирается в мою голову. Он выдыхает и его дыхание касается моих волос, заставляя меня зажмуриться изо всех сил.

— Не веди себя так, — шепчет он мне в ухо. — Сегодня я прошел через ад, пытаюсь найти тебя.

Я съеживаюсь, потому что его слова связывают в узел мой живот. Бен скользит руками за спину и притягивает к себе. Он кажется сильнее. Более мускулистым. В этом году он уже настоящий мужчина. Я напрягаюсь, когда задаю следующий вопрос.

— Ты все еще с ней?

Он выглядит удрученным, когда отвечает:

— Ты знаешь это лучше меня, Фэллон. Если бы у меня была девушка, я, конечно бы, не стоял здесь, пытаюсь убедить тебя вернуться домой со мной. — Бен следит за реакцией на моем лице, рассматривая каждую мою черту горящими глазами. Я стараюсь не обращать внимания, как тесно он прижимается ко мне, а мое бедро находится между его ног. Судя по горячей выпуклости, прижимающейся к моей ноге, жар в его глазах настоящий.

И снова это чувство — его рот в опасной близости от моего — напоминает мне ночь, которую мы провели. Единственную ночь, когда я позволила мужчине полностью поглотить себя, вместе с сердцем, телом и душой. От воспоминаний, что он делал со мной в ту ночь, я чуть ли не хнычу.

Но я сильнее своих гормонов. Мне надо быть сильнее. Я не могу позволить ему снова разбить свое сердце, которое до сих пор не исцелилось от прошлого раза. Раны еще слишком свежи, Бен может просто взять и открыть их голыми руками.

— Поехали домой со мной, — шепчет он.

Нет. Нет, нет, нет, Фэллон.

Я прилагаю все свои усилия, чтобы покачать головой и случайно не показать, что киваю.

— Нет, Бен. Нет. Последний год был самым трудным годом в моей жизни. Ты не можешь ждать, что я просто кинусь в твои объятия, потому что ты появился сегодня здесь.

Бен пробегается пальцами по моей скуле.

— Я не жду этого, Фэллон. Но я молюсь на это. Каждую ночь, падая на колени перед любым Богом, который сможет меня услышать.

Такое ощущение, что его слова проникают в мою грудную клетку, выталкивая весь воздух из легких. Я закрываю глаза, когда его дыхание касается моей челюсти. Он, пользуется уединением и моей слабостью, и мне хочется ударить его за это, но сначала я должна выяснить, такой же ли он на вкус. Двигается ли его язык так же как раньше. Будет ли он по-прежнему прикасаться ко мне, словно это привилегия.

Стена поддерживает меня сзади, а Бен спереди, но все равно, когда его рука опускается на мое бедро, а пальцы начинают медленно поднимать подол моей юбки, я чувствую, что вот-вот рухну прямо на пол. Нам нужно столько всего обсудить, но по каким-то причинам, мое тело хочет, чтобы мой рот был закрыт, поэтому его рука продолжает двигаться. Мне так сильно не хватало его прикосновений, и сколько бы усилий я не прилагала, чтобы вырваться и попытаться уйти от Бена, не уверена, что смогу когда-нибудь обрести такое же физическое влечение к кому-то другому. Никто не заставляет меня чувствовать себя настолько

желанной, как это делает Бен. Я скучала поэтому. По тому, как он смотрит на меня, как прикасается ко мне, как заставляет чувствовать, будто мои шрамы — это совершенство, а не изъязны. Трудно сказать нет этому чувству, как бы больно мне ни было из-за произошедшего в прошлом году.

— Бен, — шепчу я, совсем не в знак протеста, как изначально собиралась. Он зарывается лицом в мою шею и вздыхает, а я забываю обо всем, чему хотела возразить. Моя голова откидывается обратно на стену, а его рука скользит к задней части моего бедра. Его пальцы задевают край моих трусиков и когда я чувствую, что они скользнули под ткань, все мое тело содрогается. Я вынуждена уткнуться лицом в его плечо и схватиться за его рубашку, чтобы удержать себя в вертикальном положении. Все что он сделал — это прикоснулся к моей заднице, а я уже чувствую, что не могу даже стоять на ногах. Мне должно быть стыдно.

Бен отстраняется, совсем чуть-чуть, только чтобы обернуться через плечо. Не знаю, что или кого он ищет, но когда он понимает, что позади нас никого нет, то тянется справа от меня — к двери. Дергает ручку и она поддается. Бен не тратит ни секунды. Он хватается за талию и толкает в темную комнату, поле чего дверь тут же закрывается за нами, заглушая звуки музыки.

Теперь я слышу, как тяжело на самом деле дышу. Прямо задыхаюсь. Но он тоже. Я чувствую, что Бен стоит передо мной, но не вижу его. Слышу, как он прощупывает комнату. Здесь крошечная тьма, а отсутствие стены позади меня и его передо мной, заставляет меня чувствовать себя опустошенной.

Но потом его руки возвращаются к моей талии.

— Складское помещение, — заключает Бен, подталкивая меня до тех пор, пока моя спина не упирается в дверь. — Идеально. — Я ощущаю его дыхание на своих губах, исходящее из его рта, совсем близко. И как только чувствую разряд электричества, которое проникает из его рта прямо в каждый нерв моего тела — я толкаю его в грудь.

— Остановись, — призываю я и мой голос звучит слишком громко из-за того, что мы отделились от шума музыки. Его рука прямо там, где была раньше... на самом краю моих трусиков... и я невольно закрываю глаза, как будто мои ощущения в этой комнате будут отличаться, от тех, что были в коридоре..

— Я пытаюсь, — шепчет он, запуская свободную руку в мои волосы. Бен сжимает мой затылок. — Попроси меня еще раз. Я открываю рот, чтобы повторить свой протест, но встречаю тепло, язык, и губы, которые точно знают, как работать вместе. Вместо слова "стоп", Бен получает стон и руку, запущенную в его волосы, тянущую, толкающую, нерешительную.

Бен прижимается ко мне, проталкивая свою ногу между моими. Он целует меня так сильно, что мой мозг по-прежнему думает лишь о том, сколькими способами его язык может двигаться, прежде чем я замечаю, как его рука направляется к передней части моего бедра. Знаю, что должна остановить его. Я должна оттолкнуть его и заставить объясниться, но прямо сейчас его рука ощущается слишком хорошо. Мои ноги напрягаются, и я хватаюсь за рукав его рубашки одной рукой, а другой тяну его за волосы, отрывая от моего рта, чтобы вздохнуть. Я делаю один глубокий вдох, прежде чем Бен возвращается, голоднее, чем прежде.

И его руки. О, Боже, его пальцы медленно поднимаются вверх по моим трусикам. Я слышу свой стон. Дважды. Бен оставляет достаточно места между нашими губами, чтобы слушать мои вздохи, когда скользит рукой под трусики.

Мои колени слабеют. Даже не подозревала, что мое тело способно так реагировать. Думаю, сейчас я полюбила свое тело немного больше.

— Иисус, Фэллон, — выдыхает Бен, продолжая поглаживать меня и тяжело дыша напротив моего рта. — Ты такая мокрая.

Как бы восхитительно ни было это услышать, я не могу удержаться и смеюсь. И тут же быстро прижимаю руку к своему рту, но уже слишком поздно. Бен услышал мой смех в разгар самой умопомрачительной части соблазнения, в которой я когда-либо участвовала.

Он прижимается лбом к моей голове и я слышу, как он тихонько посмеивается. Его рот прижимается к моему уху и, клянусь, я могу слышать улыбку в его голосе, когда он говорит:

— Боже, я чертовски сильно скучал по тебе.

Одно это признание действует на меня сильнее, чем все, что он сказал за этот вечер. Я не знаю, это потому что мы на секунду превратились в старых Фэллон и Бена, или потому, что он убирает свою руку, и обнимает меня, притягивая в одно из своих душераздирающих объятий. Его лоб прижимается к моему, и я хочу, чтобы Бен продолжил физические ласки, потому что это намного проще, чем эмоциональные.

Как бы хорошо ни было снова вернуться в его объятия, я боюсь, что все испорчу. Я не знаю, что делать. Не знаю, должна ли я позволить ему так просто вернуться в свою жизнь. Собрать все части вместе будет так же тяжело, как выкинуть одну из них, но это будет слишком просто для него. Думаю, мне нужно время. Не знаю. Сомневаюсь, что способна принять такое решение прямо сейчас.

— Фэллон, — говорит Бен своим низким голосом.

— Да? — Выдыхаю я.

— Поехали со мной домой. Я хочу поговорить с тобой, но не хочу делать это здесь.

Мы снова к этому возвращаемся. Интересно Бен так настойчив, потому что до конца девятого ноября осталось всего несколько часов и он хочет получить максимум от этого дня, или он хочет меня и на все другие дни тоже.

Чувствую за спиной ручку двери. Когда я ее нащупываю, отталкиваюсь от груди Бена и открываю дверь. Как только я выскальзываю наружу, его рука оказывается на моем правом локте, но кто-то другой уже держит меня за левый. Я ахаю, когда мой взгляд встречается с Эмбер.

— Я искала тебя, — упрекает она. — Что ты делаешь в... — она умолкает, когда видит, как следом за мной выходит Бен. А потом: — Извините, что прерываю воссоединение, но Тедди о тебе беспокоится.

Эмбер смотрит на меня так, будто не одобряет мое решение обжиматься в темной комнате с Беном, когда мое свидание проходит в том же баре, и, о, Боже, теперь, когда я думаю об этом, это действительно выглядит как дерьмовый поступок.

— Вот дерьмо! — восклицаю я. — Я должна вернуться за стол.

Бен морщится, будто не ожидал, что я могу ругаться.

— Правильно решение, — хвалит Эмбер, разглядывая Бена.

Бен может найти меня позже. Я должна вернуться к столу, прежде чем Теодор поймет, насколько я жалкая. Я следую за Эмбер обратно в кабинку, но, к счастью, здесь достаточно громко, чтобы я не могла слышать, что она говорит. Хотя, могу точно сказать, что она читает мне нотации. Не успеваем мы скользнуть обратно в нашу кабинку, как Бен берет стул и ставит его в конец стола. Он садится, и складывает руки перед собой.

Теодор обнимает меня за плечи и наклоняется:

— Ты в порядке?

Я выдавливаю улыбку и киваю, и это все что я делаю, поскольку Бен выглядит так, будто вот-вот перелезет через стол и скинет с моих плеч руки Теодора.

Устраиваюсь так, чтобы Теодор не думал, что я поощряю его поведение. Поддаюсь вперед, подальше от его руки, будто хочу что-то сказать Эмбер. Но как только я открываю рот, рука Бен начинает поглаживать мое колено под столом. Мои глаза возвращаются к Бену, а он невинно смотрит на меня.

К счастью, Гленн отвлекает Теодора, поэтому он не замечает, когда все мое тело напрягается. Бен начинает водить своими пальцами по моей ноге, поэтому я тянусь под стол и отталкиваю его руку. Он в ответ лишь улыбается и откидывается на спинку сиденья.

— Итак, — Эмбер привлекает к себе внимание Бена. — Так как мы все познакомились с тобой пятнадцать минут назад, и абсолютно ничего о тебе не знаем, поскольку никогда с тобой раньше не встречались и мы совершенно незнакомые люди, почему бы тебе не рассказать нам о себе? Чем ты занимаешься? Теодор сказал, ты писатель? Ты пишешь что-нибудь интересное? Может быть, историю любви? Как успехи?

Я пинаю Эмбер под столом. Можно ли быть еще более очевидной?

Бен смеется, и теперь, когда Эмбер задала самый случайный вопрос в мире, Гленн и Теодор уставились на Бена, ожидая его ответа.

— Ну, — начинает Бен, выпрямляясь на стуле. — Собственно говоря, да. Я — писатель. Хотя, в этом году у меня был очень тяжелый творческий кризис. Я сказал бы даже страшный. Не написал ни одного слова за триста шестьдесят пять дней. Но как ни странно, думаю, несколько минут назад ко мне пришло огромное вдохновение.

— Представляю себе это, — язвит Эмбер, закатывая глаза.

Я наклоняюсь вперед, решив присоединиться к этому загадочному разговору.

— Знаешь, Бен. Творческий кризис может быть коварным. Только потому, что к тебе пришло вдохновение несколько минут назад, не значит, что оно останется навсегда.

Бен делает вид, что мой комментарий заставляет его на минутку задуматься, но потом качает головой.

— Нет. Нет, я знаю, что вдохновение, которое ко мне пришло, останется навсегда. И я уверен, что то, что я испытал несколько минут назад, было одним из самых умопомрачительных открытий, известных человеку.

Я выгибаю бровь.

— Между уверенностью и самонадеянностью тонкая грань.

Бен копирует выражение моего лица, когда его рука возвращается к моей ноге под столом, отчего я застываю на месте.

— Ну, в таком случае, я уверен, что эта грань похожа на бедро длинноногой брюнетки.

Ох, дорогой Бог, эти его слова.

Гленн смеется, но Теодор наклоняется вперед, чтобы привлечь внимание Бена.

— На Нантакете живет мой дядя, который написал книгу. Это довольно тяжёлый труд...

— Теодор, — прерывает его Бен. — Ты кажешься... хорошим парнем.

— Спасибо, — гордо отвечает Теодор, улыбаясь.

— Дай мне закончить, — продолжает Бен, подняв палец в знак предупреждения. — Потому что сейчас ты возненавидишь меня. Ведь я солгал тебе. Я не пишу выпускную работу. — Бен указывает на Гленна. — Сегодня этот парень сказал мне куда прийти вечером, чтобы я смог найти девушку, с которой собираюсь провести остаток жизни. И

прости, но так получилось, что эта та девушка, с которой у тебя сегодня свидание. И я в нее влюблен. И, похоже, влюблен по-настоящему. Калечащей, ослабляющей, парализующей любовью. Поэтому, пожалуйста, прими мои искренние извинения, потому что сегодня вечером она вернется домой со мной. Я надеюсь. Я молюсь на это. — Бен посылает мне умоляющий взгляд. — Пожалуйста? В противном случае получится так, что я буду выглядеть полным дураком, когда мы станем рассказывать об этом нашим внукам. — Бен протягивает мне руку, но я застыла на месте так же, как и бедный Теодор.

Гленн прикрывает рот, пытаясь скрыть свой пьяный смех, а Эмбер в этот раз на самом деле потеряла дар речи.

— Какого хрена? — орет Теодор. Прежде, чем я успеваю отодвинуться, Теодор тянется через меня, хватая Бена за воротник рубашки, притягивая его ближе, чтобы задушить или ударить, или... Не уверена в том, что он делает, но я наклоняюсь и выползаю из кабинки, чтобы не быть больше в центре всего этого. Когда я оборачиваюсь, Теодор стоит на коленях на диване, удерживая в захвате шею Бена. Бен хватается Теодора за руку, пытаясь освободить свое горло. Его глаза широко открыты, и он смотрит прямо на меня.

— Гребанный ублюдок! — орет Теодор.

Бен опускает одну руку и манит меня пальцем, прося, чтобы я приблизилась. Я делаю неуверенный шаг вперед, не понимая, что сделать, чтобы вывести Бена из этой передраги. Когда я оказываюсь в двух шагах от них, Бен пытается что-то сказать.

— Фэллон, — говорит он, не переставая царапать ногтями руку Теодора — Ты... ты вернешься со мной или нет?

О, мой Бог. Он неугомонный. Но тут Бена вытаскивают из удушающего захвата Теодора двое вышибал. После чего и Бена, и Теодора выводят на улицу, а Эмбер, Гленн и я следуем за ними. Прежде, чем мы доходим до двери, Эмбер бьет Гленна по плечу.

— Ты рассказал Бену, где мы будем сегодня вечером? — шипит она.

Гленн потирает руку.

— Он сегодня заезжал в нашу квартиру, искал Фэллон.

Эмбер усмехается.

— И ты взял и рассказал ему, где она будет? Зачем ты это сделал?

— Но он же такой смешной! — оправдывается Гленн, как будто это достойный аргумент.

Эмбер кидает мне через плечо извиняющийся взгляд. Я не говорю ей, что в этом нет ничего плохого. До настоящего момента, я была даже рада, что Гленн рассказал Бену, где я буду сегодня вечером. Мне приятно знать, что Бен ждал меня в ресторане четыре часа, а потом пошел искать в старой квартире, надеясь, что Эмбер и Гленн по-прежнему живут там. Это немного льстит, хотя он еще не загладил вину за то, через что заставил меня пройти.

Как только мы выходим на улицу, я сразу подхожу к Теодору, который с обозленным видом меряет шагами тротуар. Он останавливается, когда видит, что я стою перед ним и указывает в направлении Бена.

— Это правда? — спрашивает он. — Вы с ним... бля, не знаю. Кто вы? Пара? Бывшие? Я вообще вписываюсь в эту картину или трачу свое чертово время?

В полной растерянности я мотаю головой. Я не знаю, что на это ответить, потому что, если честно, сама не понимаю, кто мы с Беном. Но я точно знаю, что чувствую к Теодору, поэтому, думаю, начну с этого.

— Прости, — извиняюсь я. — Клянусь, до сегодняшнего вечера я не разговаривала с ним целый год. Не хочу, чтобы ты думал, что я встречалась с вами одновременно, но... Прости. Думаю, наверно, мне просто нужно немного времени, чтобы разобраться во всем.

Теодор склоняет голову, будто шокирован тем, что только что услышал.

— Разобраться? — он качает головой. — У меня нет времени на это дерьмо. — Теодор начинает уходить прочь, но находится в пределах слышимости, когда бормочет себе под нос: — Не такая уж ты и красивая.

Я пытаюсь переварить его оскорбление, когда вижу, как мимо меня проносится Бен. Раньше, чем мои глаза успевают заметить, его кулак взлетает вверх. Я вижу, как Гленн спешит вмешаться, но... подождите. Нет. Гленн тоже бьет Теодора.

К счастью, охранники не успели зайти внутрь и всех троих разняли прежде, чем кто-нибудь из них сильно пострадал. Теодор изо всех сил пытается освободиться от одного из вышибал и все это время орет матом на Бена. Тем временем, Эмбер стоит рядом со мной, пытаюсь удержать равновесие, пока расстегивает одну из своих туфель.

— Я хочу, чтобы прямо сейчас вы все покинули заведение, пока мы не вызвали полицию! — кричит один из громил.

— Подождите, — просит Эмбер, подняв палец, пока снимает с себя обувь. — Я еще не закончила. — Она держит свои туфли и сердито смотрит на Теодора, замахивается и бросает их через весь тротуар, попадая прямо ему между ног. — Ненавижу твои дурацкие штаны, засранец! — кричит она. — Фэллон заслуживает лучшего, ПОЭТОМУ ВАЛИ, НАНТАКЕТ!

Вау. Ну и, Эмбер.

Вышибала, который держит Теодора, спрашивает у него, где припаркована его машина. Отводит Теодора в этом направлении, когда Эмбер забирает свою обувь. Бена и Гленна не отпускают до тех пор, пока охранник не возвращается без Теодора.

— Вы четверо. Убирайтесь. Живо.

Как только громил отпускает руки Бена, он бежит напрямик ко мне, и взяв мое лицо в ладони, осматривает меня, чтобы убедиться, не больно ли мне. Или, возможно, он проверяет мою реакцию, не знаю. В любом случае, он выглядит обеспокоенным.

— Ты в порядке?

По мягкому звуку голоса я понимаю, что его беспокоит, не ранил ли Теодор мои чувства.

— Я в порядке, Бен. Оскорбления парня по поводу моей внешности не имеют большого значения, когда он по собственной воле носит такие штаны.

Я вижу облегчение в улыбке Бена, когда он целует меня в лоб.

— Ты на машине? — спрашивает Гленн, задавая свой вопрос Бену. Бен кивает и отвечает:

— Да. Я отвезу вас двоих домой.

— Троих, — возражаю я Бену, намекая, что только потому, что он вступился за меня, не значит, что я автоматически еду домой вместе с ним. — Мне нужно, чтобы ты высадил меня у моей квартиры.

Эмбер стонет, а затем касается моего плеча, когда проходит ближе.

— Да прости ты его уже, — просит она. — Гленн нашел парня, который ему на самом деле понравился, и если ты не простишь Бена, то разобьешь Гленну сердце.

Бен и Гленн молча смотрят на меня. Гленн смотрит щенячьим взглядом, а Бен оттопыривает нижнюю губу.

Я больше не могу сопротивляться. Сдаваясь, пожимаю плечом.

— Ну, хорошо. Раз уж ты понравился Гленну, тогда ладно. Я поеду домой с тобой.

Бен даже не разрывает зрительного контакта со мной, когда протягивает руку в сторону Гленна, чтобы удариться кулаками. Гленн протягивает свою и они оба, не говоря ни слова, заканчивают представление.

Когда я прохожу мимо Бена и направляюсь на стоянку, я останавливаюсь и сердито шурю.

— Тебе придется многое объяснить мне. Много. И ещё больше унижаться.

— Я в этом мастер, — соглашается Бен на мои условия, следуя за мной.

И ты должен приготовить мне завтрак, — добавляю я. — Мне нравится хорошо прожаренный бекон и перевернутая глазунья.

— Понял, — покорно отвечает Бен. — Объясниться, потом унижаться, потом обнажение-раздевание, яйца и бекон. — Он обнимает меня за плечи и ведет к своей машине. Открывает для меня пассажирскую дверь, но прежде чем я сажусь, он обхватывает мое лицо руками и целует меня. Когда он отстраняется, я шокирована количеством эмоций в выражении его лица после последних смехотворных пятнадцати минут. — Ты не пожалеешь об этом, Фэллон. Обещаю.

Надеюсь.

Бен целует меня в щеку и ждет, пока я сяду в его автомобиль.

Мое плечо сжимает чья-то рука и с заднего сиденья, после чего рядом со мной появляется лицо Гленна.

— Я тоже обещаю, — добавляет он, громко чмокая меня в щеку.

Когда мы выезжаем со стоянки, я смотрю в окно, из-за того что не хочу, чтобы эти три человека увидели слезы в моих глазах.

Потому что если честно, оскорбление Теодора, не просто ранило мои чувства — это был один из самых неловких моментов в моей жизни. Но узнать, что эти трое не раздумывая стали защищать меня, стоило этого оскорбления.

С тех пор, как мы высадили Гленна и Эмбер, в течении почти целой мили в машине царит тишина. Фэллон смотрит в окно всю дорогу, а я мечтаю, чтобы она взглянула на меня. Знаю, что даже представить себе не смогу какую боль причинил ей в прошлом году, но надеюсь, она понимает, что я хотел сделать все правильно. Даже если это займет всю мою жизнь, я сделаю все правильно. Я тянусь и беру ее за руку.

— Я должен извиниться, — говорю ей. — Мне не следовало говорить...

Фэллон качает головой, тихо перебивая меня.

— Не забирай свои слова обратно. Думаю, это замечательно, что ты был честен с Теодором. Большинство мужчин слишком трусливы, чтобы сказать что-то подобное и другой без объяснений просто украл бы девушку у своего друга.

Она даже понятия не имеет, из-за чего я переживаю.

— Я извиняюсь не за это. Я извиняюсь за то, что никогда не говорил, что люблю тебя — вслух, так, чтобы эти слова были адресованы непосредственно тебе. Ты заслуживаешь больше, чем второсортное "я тебя люблю".

Фэллон молча смотрит на меня, а потом снова отворачивается к окну. Я оглядываюсь на дорогу, но затем кидаю взгляд в ее сторону. Я вижу улыбку на ее щеке, когда она сжимает мою руку.

— Если сегодняшние объяснения и пресмыкания будут достойными, у тебя появится еще одна возможность признаться мне в любви, прежде чем завтра ты приготовишь мне завтрак.

Я улыбаюсь, потому что без сомнения знаю, пресмыкания и завтрак останутся на десерт.

Это объясняет, чего я на самом деле боюсь. У нас есть еще по меньшей мере пятнадцать минут езды, поэтому я решаю сделать шаг и начать сейчас.

— Я съехал в прошлом году сразу после Рождества. Мы с Йеном разрешили Джордин и Оливеру остаться в нашем доме.

Чувствую, как ее рука напрягается в моей только от упоминания имени Джордин. Ненавижу это. Ненавижу, что это из-за меня и ненавижу, что так будет происходить всегда, всю оставшуюся часть нашей жизни. Потому что хочет Фэллон того или нет, Джордин — мать Оливера, а Оливер мне как сын. Они всегда будут в моей жизни, несмотря ни на что.

— Ты поверишь, если я скажу, что между нами все отлично? Между мной и Джордин?

Фэллон бросает на меня косой взгляд.

— В каком смысле отлично?

Я убираю свою руку и хватаюсь за руль, чтобы снять напряжение с челюсти.

— Я хочу, чтобы ты выслушала меня, прежде чем начнешь говорить, ладно? Потому что я могу сказать то, что ты не захочешь слышать, но мне нужно, чтобы ты все выслушала.

Фэллон молча кивает, так что я обнадеживающее выдыхаю.

— Два года назад... когда я занимался с тобой любовью... Я отдал тебе все. Сердце и душу. Но когда той ночью ты решила выбрать целый год без возможности снова увидеть меня, я не мог понять, что произошло. Я не понимал, как я мог почувствовать то, что ты не почувствовала в ответ. И это, блядь, было больно, Фэллон. Ты ушла и я сильно разозлился на тебя. Даже не смогу описать тебе, насколько ужасны были следующие несколько месяцев. Я

скорбел не только по Кайлу.

Я смотрю прямо перед собой, потому что не хочу видеть, что мои слова делают с ней.

— Когда родился Оливер, это был первый раз, когда я почувствовал себя счастливым с того момента, как ты внезапно появилась перед моей дверью. И это был первый раз, когда Джордин улыбнулась, с тех пор, как умер Кайл. Поэтому следующие несколько месяцев, мы проводили с Оливером каждую минуту. Ведь он был единственным светлым лучиком в нашей жизни. А когда два человека любят кого-то так сильно, как мы любили Оливера, то между ними рождается связь, которую я даже не смогу объяснить. В течение следующих нескольких месяцев, Джордин и Оливер стали теми, кто заполнили большую часть пустоты, которую ты и Кайл оставили в моем сердце. И, думаю, таким образом, и я заполнил ту пустоту, что Кайл оставил в сердце Джордин. Когда между нами все стало развиваться, сомневаюсь, что кто-то из нас думал об этом, прежде чем это произошло. Но это случилось, и рядом не было никого, кто смог бы сказать мне, что однажды я пожалею об этом.

— Я имею в виду... частично я верил, что ты будешь рада за меня, когда мы встретимся в следующем ноябре. Потому что я думал, возможно, ты хотела для меня именно этого, чтобы мы двигались дальше и перестали держаться за то, что ты считала вымышленными отношениями, которые мы начали в восемнадцать.

— А потом, когда я приехал в тот день... последнее, чего я ожидал от тебя — это боль. И когда ты догадалась, что у меня связь с Джордин, я понял по твоим глазам, что ты действительно любишь меня и это был один из худших моментов в моей жизни, Фэллон. Один из худших моментов, блядь, и с каждым вдохом, я все еще чувствую следы от твоих слез на моей груди.

Я сильнее сжимаю руль и стараюсь дышать ровно.

— Как только Джордин вернулась домой тем вечером, она увидела страдание на моем лице. И она знала, что не является причиной этих страданий. На удивление, она не сильно расстроилась. Мы говорили об этом на протяжении, наверное, двух часов. О том, что я чувствовал к тебе и о том, что она чувствовала к Кайлу и, что мы понимаем, как сами себя мучаем, поддерживая отношения, которые никогда не будут такими, какие были у нас обоих в прошлом с другими людьми. Так мы все и закончили. В тот же день. В ту ночь я перевез вещи из ее комнаты обратно в свою, пока не нашёл новое место.

Я осмеливаюсь посмотреть в сторону Фэллон, но она по-прежнему смотрит в окно. Вижу, как она смахивает слезы, и надеюсь, что не заставил ее злиться.

— Я нисколько не виню тебя, Фэллон. Понимаешь? Я упомянул про тот год, когда ты ушла только потому, что хочу, чтобы ты знала, что моё сердце всегда принадлежало тебе. И я никогда бы не позволил никому другому занять твое место, если бы знал, что есть хоть какой-то шанс, что ты когда-нибудь захочешь его вернуть.

Я вижу, как дрожат ее плечи, и ненавижу, что заставляю ее плакать. Я ненавижу это. Не хочу быть причиной её грусти. Фэллон смотрит на меня заплаканными глазами.

— А что насчет Оливера? — Спрашивает она. — Ты теперь не можешь жить с ним? — Фэллон смахивает еще одну слезу. — Я чувствую себя ужасно, Бен. Чувствую, что отрываю тебя от твоего маленького мальчика.

Она прикрывает лицо руками, после чего из нее вырываются рыдания, и я больше не могу терпеть ни секунды. Сворачиваю машину на обочину и включаю аварийку. Отстегиваю ремень безопасности и протягиваю руку через сиденье, чтобы притянуть Фэллон к себе.

— Малыш, успокойся, — шепчу я. — Пожалуйста, не плачь. Я и Оливер... у нас все

идеально. Я вижу с ним когда захочу, почти каждый день. Мне не обязательно жить с его мамой, чтобы продолжать любить его.

Провожу руками по ее волосам и целую в висок.

— Все хорошо. Все отлично, Фэллон. Единственное, что портит мою жизнь — это тот факт, что ты не являешься частью каждого её дня.

Она отстраняется от моего плеча и шмыгает носом.

— Это единственное, что портит и мою жизнь, Бен. Все остальное идет идеально. У меня два лучших друга во всем мире. Я люблю школу. Я люблю свою работу. У меня полтора отличных родителя. — последнее предложение она произносит со смехом. — Но единственное, что заставляет меня грустить — очень сильно грустить — это то, что я думаю о тебе каждую секунду каждого дня и я не знаю как тебя забыть.

— Не надо, — прошу ее. — Пожалуйста, не забывай меня.

Фэллон пожимает плечами и нерешительно улыбается.

— Я не могу. Я пробовала, но, наверно, мне придется пойти в клуб анонимных алкоголиков или куда еще. Думаю, ты стал моей неотъемлемой частью.

Я смеюсь с облегчением от того, что она... что она просто существует. И, что нам посчастливилось существовать в одной жизни, в одной части мира, в одном штате. И что, после всех этих лет, к моему удивлению, мне не хочется изменить что-либо из того, что в конечном итоге свело нас вместе.

— Бен? — спрашивает она. — Ты выглядишь так, словно тебе опять больно.

Я смеюсь и качаю головой.

— Я больше не буду. Мне очень нужно сказать тебе, что я тебя люблю, но чувствую, что должен предупредить тебя, прежде чем сделаю это.

— Хорошо, — говорит она. — Предупредить о чем?

— Что соглашаясь любить меня в ответ, ты берешь на себя огромную ответственность. Потому что Оливер всегда будет частью моей жизни. И я имею в виду не как племянник, а как будто он мой. Дни рождения и игры в бейсбол и...

Фэллон прикладывает свою ладонь к моему рту, чтобы заткнуть меня.

— Если ты кого то любишь, то ты любишь не просто человека, Бен. Любовь — это когда ты признаешь пристрастия своего возлюбленного, и разделяешь его любовь к остальным людям. И я буду любить. Я это сделаю. Обещаю.

Я действительно ее не достоин. Но я притягиваю ее ближе и усаживаю себе на колени. Тянусь к её губам и говорю:

— Я люблю тебя, Фэллон. Больше, чем поэзию, больше чем слова, больше чем музыку, больше, чем твои сиськи. Обе. Ты хоть представляешь, как это много?

Фэллон одновременно и смеется и плачет, и я прижимаюсь к ее губам, желая запомнить этот поцелуй больше, чем любой другой, что дарил ей. Пусть он и длится всего две секунды, потому что она отстраняется и отвечает:

— Я тоже тебя люблю. И, думаю, это было выдающееся объяснение. Такое, что даже не надо сильно присмыкаться. Хочу поехать в твою квартиру прямо сейчас и заняться с тобой любовью.

Я быстро целую её, а потом толкаю обратно на пассажирское сидение, готовый вернуть нас на шоссе. Фэллон пристегивает ремень и добавляет:

— Но утром я все еще жду завтрак.

— И так, технически, суммарно мы провели приблизительно только двадцать восемь часов вместе с тех пор, как встретились, — говорит она.

Мы в моей постели. Фэллон на мне, щекочет пальцами мою грудь. Как только мы оказались в моей квартире, мы занялись любовью. Два раза. И если она не перестанет так ко мне прикасаться, это произойдет и в третий раз.

— Этого времени более чем достаточно, чтобы понять, что ты кого-то любишь, — отвечаю я.

Мы уже подсчитали, сколько всего времени фактически провели вместе на протяжении четырех лет. Я честно думал, что будет больше, потому что уверен в своих чувствах, но Фэллон была права, когда сказала, что это даже не полных два дня.

— Посмотри на это с другой стороны, — предлагая ей свой подробный расчет. — Если бы у нас были традиционные отношения, мы бы сходили на несколько свиданий, возможно, раз или два в неделю, каждый по несколько часов. Это в среднем двенадцать часов за первый месяц. Допустим, два-три свиданий с ночевкой во втором месяце. Пары, отношения которых доживают до третьего месяца, в сумме проводят вместе двадцать восемь полных часов. А третий месяц — это определенно месяц для "я люблю тебя". Так что технически, мы на верном пути.

Фэллон закусывает губу, чтобы скрыть улыбку.

— Мне нравится твоя логика. Ты же знаешь, как сильно мне не нравится инста-любовь.

— Ох, это была еще та инста-любовь, — говорю ей. — Но у нас все законно.

Она приподнимается на локте и смотрит на меня сверху вниз.

— Откуда ты знаешь? В какой момент ты понял, что влюблен в меня?

Я отвечаю не задумываясь:

— Помнишь, когда мы целовались на пляже, я сел и сказал, что хочу сделать татуировку?

Фэллон улыбается.

— Это было так неожиданно, как я могла забыть?

— Вот почему я сделал эту татуировку. В тот самый момент я понял, что в первый раз влюбился в девушку. Настоящей любовью. Самозабвенной. Однажды мама сказала мне, что когда я беззаветно в кого-нибудь влюблюсь, то пойму это в ту же секунду, и что именно тогда я должен что-то сделать, чтобы запомнить этот момент, потому что это происходит не со всеми. Так что... вот так.

Она берет мое запястье и разглядывает татуировку. Проводит по ней указательным пальцем.

— Ты сделал ее из-за меня? — спрашивает Фэллон, поднимая взгляд. — Но что она означает? Почему ты выбрал слово «поэтический»? И нотный стан?

Я перевожу взгляд на тату и думаю, следует ли мне вдаваться в подробности о причинах выбора. Но это перекроет то, что у нас есть сейчас, а я этого не хочу.

— По личным причинам, — отвечаю я, заставив себя улыбнуться. — И однажды я расскажу тебе о них, но сейчас я хочу, чтобы ты еще раз меня поцеловала.

Не проходит и десяти секунд, как я переворачиваю ее на спину, и оказываюсь глубоко внутри нее. В этот раз я люблю ее медленно — не дико, как мы сделали это дважды. Я

целую ее, от подбородка до груди и обратно, нежно прижимая губы к каждому дюйму кожи, к которой мне выпала честь прикоснуться.

И на этот раз, когда мы заканчиваем, мы больше не разговариваем. Мы оба закрываем глаза, и я знаю, что проснувшись завтра утром рядом с ней, я постараюсь сделать своей миссией простить себя за то, что скрыл от неё правду.

После того, как приготовлю ей завтрак.

Мой желудок урчит, напоминая, что вчера я даже не поужинала. Я тихонько вылезаю из кровати и ищу свою одежду, но кроме юбки, я больше ничего не могу найти. Не хочу включать свет, чтобы отыскать свою рубашку, поэтому иду в гардеробную Бена, чтобы найти футболку или что-нибудь еще, чтобы совершить набег на его холодильник.

Я чувствую себя идиоткой, слепо ища в его шкафу футболку, но губы расплываются в улыбке. Проснувшись сегодня утром, я не ожидала, что день закончится таким образом. *Абсолютно идеально.*

Решаю включить свет, но закрыть за собой дверь, чтобы он не мешал ему. Нахожу тонкую, мягкую футболку и снимаю ее с вешалки. Натянув ее через голову, я уже собираюсь выключить свет, но что-то цепляет мой взгляд.

На верхней полке, рядом с обувной коробкой лежит толстая пачка страниц. Похоже на рукопись.

Может быть...

У меня разгорелось любопытство. Я встаю на носочки, чтобы дотянуться до нее, но хватаю только верхнюю страницу просто, чтобы посмотреть, что это такое.

Девятое Ноября

Бентон Джеймс Кесслер

Несколько секунд смотрю на страницу. Достаточно долго, чтобы успеть поспорить со своей совестью.

Мне не следует читать это. Я должна вернуть листок на место.

Но у меня есть право прочитать это. На мой взгляд. Я имею ввиду, роман ведь о моих отношениях с Беном. И я помню, как он говорил, что не хочет, чтобы я читала рукопись, пока она не закончена, но теперь, когда он её больше не пишет, его правило не имеет силы. Не могу решить что делать, но все же беру с полки всю рукопись. Отнесу лучше на кухню. Возьму что-нибудь перекусить. А после уже решу, что со всем этим делать.

Щёлкаю выключателем и медленно открываю дверь. Бен лежит в том же положении, тяжело дышит, даже можно сказать, похрапывает.

Я выхожу из его спальни и иду на кухню.

Осторожно кладу рукопись на стол перед собой. Я не знаю, почему у меня трясутся руки. Может потому что передо мной лежат его истинные мысли обо мне, о нас и о том через что мы прошли. Что если мне не понравится его правда? Люди имеют право на личную жизнь, и то, что я собираюсь сделать, называется вторжением в каждую частичку его личной жизни. Это не лучший способ начать отношения. Но что если я прочитаю только одну главу? Просто несколько страниц, а потом положу рукопись на место, и Бен никогда об этом не узнает.

Я уже знаю, о чём именно хочу прочитать. С того момента, как это произошло, меня гложет любопытство.

Я хочу знать, почему Кайл ударил тогда Бена, в наш второй год. Это не связано со мной, поэтому я могу прочитать этот отрывок и не чувствовать себя потом слишком виноватой.

Прилагаю все свои усилия, чтобы пролистать рукопись без прочтения хоть одного

предложения. Бен облегчает мне задачу, потому что, он разделил главы соответственно его возрасту. Спор произошёл на второй год наших отношений, поэтому я нахожу главу под названием «Девятнадцать лет» и раскрываю её перед собой. Пропускаю его внутренний диалог, пока он ждал меня в ресторане. Надеюсь, однажды он позволит мне прочитать это, потому что я очень хочу узнать его истинные чувства и мысли. Но сейчас я отказываюсь читать всё это. Я и так чувствую вину за то, что собираюсь прочитать пару страниц. Представляю, что будет со мной, если прочитаю всё остальное.

Мой взгляд скользит по странице, пока я не нахожу имя Кайла. Начинаю читать с середины абзаца.

— Всё будет хорошо, Джордин. Я обещаю.

Входная дверь хлопает и она оборачивается. Я могу видеть волнение в её глазах, так что скорее всего это Кайл.

Мой живот сводит от напряжения, которое превращается в тяжелые камни. *Чёрт.* Он же сказал, что сегодня будет дома только после семи.

— Это Кайл? — спрашиваю я Джордин.

Она кивает, проходя мимо меня. — Он вернулся пораньше, чтобы помочь мне, — отвечает она, и подойдя к раковине и схватив салфетку, протирает глаза. — Скажи ему, что я сейчас выйду. Не хочу, чтобы он узнал как много я плачу сегодня, чувствую себя такой глупой.

Чёрт.

Может быть, он не вспомнит. Это было так давно, и мы никогда не говорили об этом. Я делаю глубокий вдох и прохожу в гостиную, пытаюсь скрыть панику. Он не должен всё разрушить.

— С Джордин всё в порядке, — говорю я, как только возвращаюсь в гостиную, пытаюсь успокоить свою нервозность. Я останавливаюсь, когда вижу Кайла, потому что выражение его лица четко даёт мне понять, что он все помнит. И он зол.

Кайл бросает свои ключи на стол и смотрит прямо на меня. — Нам нужно поговорить.

По крайней мере, он уводит меня от Фэллон, чтобы поговорить. Какое облегчение. Не похоже, что он собирается говорить что-либо при ней. Я могу справиться с ним наедине, это не проблема. Я могу выбраться из ситуации, в которую сам себя загнал, но последнее чего я хочу, это чтобы Фэллон была вовлечена в это.

Я улыбаюсь Фэллон, потому что по выражению её лица могу сказать, что она понимает, что с Кайлом что-то не так. Я хочу успокоить её и показать, что всё в порядке, даже если это далеко не так. — Я сейчас вернусь. Фэллон кивает, и я следую за Кайлом.

Брат останавливается только у двери в свою комнату.

Он указывает в сторону гостиной. — Ты можешь, чёрт возьми, объяснить мне, что здесь происходит?

Бросаю взгляд на гостиную, раздумывая, как можно выйти из этой ситуации. Но я знаю, что Кайл не поверит ни чему, кроме правды.

Я кладу руки на бедра и опускаю взгляд. Тяжело видеть разочарование в глазах брата. — Мы друзья, — говорю я ему. — Я встретил её в прошлом году. В ресторане.

Кайл недоверчиво смеётся. — Друзья? — переспрашивает он. — А Йен только что представил её, как твою чёртову девушку, Бен.

Чёрт.

Я делаю, что могу, чтобы разрядить обстановку. Никогда раньше не видел его таким

злым. — Я клянусь, это не так. Я просто... — Чёрт возьми, все слишком запутано. Я скидываю руки, в знак поражения.

— Она мне нравится, ясно? Я не могу с этим ничего поделать. Я не планировал, но так получилось.

Кайл смотрит в сторону, и в отчаянии проводит руками по лицу. Когда он снова оборачивается, я не готов к тому, что происходит дальше. Он изо всей силы толкает меня, и я врезаюсь в стену. Кайл крепко держит меня за плечи и пригвождает спиной к стене. — Она знает Бен? Она знает, что ты тот, кто устроил тот пожар? Что ты причина того, что она едва не погибла?

Я чувствую, как сжимается моя челюсть. *Кайл не может этого сделать. Не сегодня. Не с ней.*

— *Замолчи*, — сквозь зубы прошу я. — *Пожалуйста*. Ради всего святого, она же в другой комнате.

Я пытаюсь оттолкнуть его от себя, но он хватает меня рукой за горло.

— В какую чёртову ситуацию ты себя загнал, Бен? Ты идиот?

Как только этот вопрос срывается с его губ, я вижу, как из-за угла выходит Фэллон. Она останавливается, когда видит разыгравшуюся сцену и шок, который появляется на её лице, успокаивает меня, потому что она ничего не слышала.

Кладу страницы поверх рукописи.

Он облажлся.

Бен неудачный писатель. Как он посмел взять что-то реальное... что-то, что я пережила... и превратить это в вымысел с нелепой сюжетной линией?

Я зла. *Как он мог так поступить?* Хотя, с другой стороны, он ещё не закончил роман, стоит ли мне так злиться?

Но *зачем* он сделал это? Неужели он не знал насколько это личное для меня? Не могу поверить, что Бен решил попытаться заработать на такой ужасной трагедии.

Наверно я не была так зла, если все написанное было правдой и он действительно виновник пожара. По крайней мере, тогда я бы не чувствовала, что Бен воспользовался моей историей.

И зачем он выдумал драку и всё остальное связанное с Кайлом, когда это действительно произошло? Он вообще что-нибудь здесь выдумал?

Я смеюсь над собой. Это не правда. За два года до пожара мы не были знакомы. Не может быть, чтобы Бен был в этом замешан. Кроме того, каковы шансы, что он встретит меня в годовщину пожара, ровно два года спустя? Тогда он должен был бы преследовать меня.

Он не следил за мной.

Ведь так?

Мне нужно выпить воды.

Я пью воду.

Мне нужно опять сесть.

Я сажусь.

Все вокруг вращается, вращается, вращается. Паутина возможной лжи окутывает меня, кружится голова, кружится желудок. Такое ощущение, что даже кровь в моих жилах кружится. Я выравниваю стопку со страницами рукописи.

Зачем ты написал это Бен?

Смотрю на обложку и провожу пальцем по названию. Девятое ноября.

Ему нужен был хороший сюжет. Это то, что он сделал? Просто добавил факты в сюжетную линию?

Он никак не мог быть виновником пожара. Это абсолютно не имеет смысла. Виноват мой отец. Он знает об этом, полиция знает, и я знаю это.

Я нахожу в себе силы перевернуть титульный лист. Смотрю на первую страницу рукописи и делаю единственное, что действительно поможет мне найти больше ответов.

Я читаю с самого начала.

Девятое ноября

автор

«Начало в начинаниях».

— *Дилан Томас.*

Пролог

Каждая жизнь начинается с матери. Моя не исключение.

Она была писателем. Мне сказали, что мой отец был психиатром, но я не знаю наверняка, так как у меня не было возможности спросить его об этом. Папа умер, когда мне было три года. У меня нет воспоминаний о нём, но думаю это даже и к лучшему. Трудно скорбеть по людям, которых ты не помнишь.

У моей мамы была степень магистра по поэзии и еще она защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую Уэльскому поэту Дилану Томасу. Она часто цитировала его, хотя её любимые цитаты не принадлежали его всемирно известным стихам, скорее его повседневным диалогам. Я никогда не мог понять, мама уважала Дилана Томаса как поэта или как личность. Потому что, исходя из того, что я узнал о нём в своих исследованиях, уважать его как личность особо было не за что. Или возможно именно за это и нужно уважать его — за то, что Дилан Томас не сделал ничего, чтобы завоевать популярность как человек, и всё, чтобы завоевать популярность как поэт.

Полагаю, я должен начать с того, как именно умерла моя мать. Вероятно мне так же следует пояснить, как девушка, которая вдохновила меня на написание этой книги, связана с историей, которая начинается с моей матери. И наверно, раз уж я начинаю свой роман, рассказывая об этих двух женщинах, я также должен пояснить, как Дилан Томас связан с жизнью моей матери, и самое главное с её смертью, и как все эти события привели меня к Фэллон.

Все кажется таким сложным, хотя на самом деле всё очень просто.

Всё имеет значение.

Всё взаимосвязано.

И всё началось девятого ноября. За два года до того, как я впервые встретился лицом к лицу с Фэллон О'Нил.

Девятое ноября.

День смерти моей матери.

Девятое ноября.

Ночь, когда я намеренно устроил пожар, чуть не унёсший жизнь девушки, которая в один прекрасный день спасла мою.

Я смотрю на страницы и не могу в это поверить. К горлу подступает желчь.

Что же я наделала?

Я сильно сглатываю, чтобы избавиться от вкуса желчи, и от этого в горле саднит.

Какому монстру я подарила свое сердце?

У меня дрожат руки. Я не могу даже пошевелиться. Не могу решить, стоит ли читать дальше, и дойти до страницы, где очевидно будет сказано, что все прочитанное мною — это богатое воображение Бена. Что ради успеха нашей истории, он смешал факты и вымысел. Мне читать дальше?

Или лучше бежать?

Как сбежать от того, кому в течение четырех лет я медленно отдавала себя?

Или шести?

Он знал меня, когда мне было шестнадцать?

Знал ли он меня в тот день, когда мы встретились в ресторане?

Он пришел туда из-за меня?

Вся кровь, что течет во мне, устремляется в голову, и от такого давления даже уши начинают болеть. Тело сковывает страх. Я словно скала, свисающая над бездной. Каждая клеточка моего тела наполнена ужасом.

Мне нужно выбираться отсюда. Я хватаю мобильный телефон и тихо вызываю такси.

Оператор говорит, что по этой улице едет свободное такси, и оно прибудет через несколько минут.

Я поглощена таким большим количеством страхов. Боюсь этих страниц в руке. Боюсь обмана. Боюсь мужчины, спящего в соседней комнате, которому совсем недавно пообещала все свои "завтра".

Я устремляюсь к спинке стула, чтобы собрать все свои вещи, но прежде чем успеваю встать, слышу, как открывается дверь его спальни. В полной боевой готовности, я оборачиваюсь через плечо. Бен останавливается в дверях, протирая глаза ото сна.

Если бы я могла сейчас остановить время, я бы напоследок изучила его. Провела бы пальцами по его губам, чтобы убедиться, что они действительно были такими же мягкими как и слова, которые он произносил. Взяла бы его руки и провела пальцами по ладоням, чтобы убедиться, что они действительно могли ласкать шрамы, которые сами же нанесли. Я бы обняла его и, встав на носочки, прошептала в ухо, "*Почему ты не сказал мне, что фундамент, на котором ты научил меня стоять, построен на сыпучем песке?*"

Взгляд Бена мгновенно падает на страницы рукописи, которые я плотно сжимаю в руках. В считанные секунды на его лице начинает мелькать каждая его мысль.

Ему интересно как я нашла рукопись.

Ему интересно как много я прочла.

Писатель Бен.

Мне хочется смеяться, потому что Бентон Джеймс Кесслер не писатель. Он актер. Мастер обмана, который только что закончил четырехлетнее представление.

Впервые я смотрю на него не как на Бена, в которого влюбилась. Бена, который собственноручно изменил мою жизнь.

Сейчас, я смотрю на него, как на чужого человека.

Он незнакомец, о котором я абсолютно ничего не знаю.

— Что ты делаешь, Фэллон?

Я вздрагиваю от его голоса. Его голос звучит точно так же, как и всего час назад, когда он говорил мне: “Я люблю тебя”.

Только сейчас, его голос наполняет меня паникой. Меня поглощает ужас, накрывая новой волной тревоги.

Я понятия не имею, кто он.

Я понятия не имею, какую цель он преследовал последние несколько лет.

Я понятия не имею, на что он способен.

Бен начинает двигаться ко мне, поэтому я делаю единственное, что, на мой взгляд, могу сделать. Я подбегаю к другой стороне стола, надеясь создать безопасную дистанцию между собой и этим мужчиной.

На его лице отражается боль, когда он видит мою реакцию, но я понятия не имею настоящая она или отрепетированная. Не знаю, стоит ли верить всему, что я только что прочла... Может Бен всё это придумал ради создания сюжета?

Я плакала по многим причинам в своей жизни. В основном из-за печали, иногда от разочарования или злости. Но впервые, я не могу сдержать слез из-за страха.

Бен наблюдает, как по моей щеке стекает слеза, и успокаивающе поднимает руку. — Фэллон. Его глаза широко открыты и в них столько же страха, сколько в моих. Но я уже не понимаю насколько искренни эмоции на его лице. — Фэллон, пожалуйста. Позволь мне все объяснить.

Бен кажется таким встревоженным. Таким искренним. Может быть это выдумка? Может он превратил нашу историю в вымысел? Конечно да, ведь он не мог так поступить со мной. Я указываю на рукопись, надеясь, что он не заметит, как дрожит моя рука. — Это, правда, Бен?

Он с отвращением смотрит на рукопись, а затем снова на меня. *Покачай головой, Бен. Опровергни это. Пожалуйста.*

Но он не двигается.

Его бездействие, словно удар, от которого я начинаю задыхаться.

— Позволь мне объяснить. Пожалуйста. Просто... — Бен начинает подходить ближе, а я отхожу назад, пока не упруюсь спиной к стене.

Мне нужно выбраться отсюда. Подальше от него.

Он обходит стол с правой, а не с левой стороны, поэтому оказывается дальше от входной двери, чем я. Я могу это сделать. Если я буду достаточно быстрой, то смогу оказаться у двери раньше него.

Но почему он позволяет мне уйти? Почему он предоставляет мне шанс на побег?

— Я хочу уйти, — говорю я ему. — Пожалуйста.

Бен кивает, но все еще удерживает руку в воздухе, ладонью ко мне. Его кивок говорит мне об одном, но рука просит оставаться на месте. Я знаю, он хочет мне все объяснить... Но если он не собирается опровергнуть все то, что я только что прочитала, тогда я не желаю оставаться и слушать что-либо еще.

Мне просто нужно, чтобы он сказал, что это неправда.

— Бен, — шепчу я, упираясь ладонями в стену за спиной. Пожалуйста, скажи, что все, что я прочитала — неправда. Пожалуйста, скажи мне, что я не твоя гребаная сюжетная линия.

От моих слов на его лице появляется выражение, которое я надеялась, не увидеть.
Сожаление.

Я снова чувствую вкус желчи.

Сжимаю желудок

— О, Боже.

Я хочу выйти. Мне нужно выбраться отсюда до того как меня стошнит и у меня не останется сил чтобы уйти. Следующие несколько секунд — это просто туманное пятно, когда я без остановки бормочу: “О, Боже” и мчусь к дивану. Мне нужен мой кошелек. Мои ботинки. Я хочу выйти, я хочу выйти, я хочу выйти. Добегаю до двери и сдвигаю засов влево, но его рука ложится на мою, а грудь касается моей спины, прижимая меня к двери.

Я изо всех сил зажмуриваюсь, когда чувствую его дыхание у шеи. — Мне жаль. Прости, прости, прости, — его слова такие же отчаянные, как и хватка на моих руках, когда он поворачивает меня к себе лицом. Бен стирает мои слезы, и в его глазах начинают появляться его собственные. — Прости меня. Прошу тебя, не уходи.

Я на это не куплюсь. Я не позволю ему снова себя одурачить. Я толкаю его, но он сжимает мои запястья, удерживая у своей груди, когда прижимается своим лбом к моему. — Я люблю тебя, Фэллон. Боже, я так сильно тебя люблю. Пожалуйста, не уходи. Пожалуйста.

И это тот момент, когда я дохожу до предела, внутри меня все трансформируется. Я больше не боюсь.

Я злюсь.

В гневе.

Потому что эти слова, сорвавшиеся с его губ, заставляют меня задуматься о разнице, которую я чувствую, слушая их сейчас, чем всего час назад. Как он смел, лгать мне? Использовать меня ради успеха книги. Заставить меня поверить, что он увидел меня настоящую, невзирая на шрамы на моем лице.

Шрамы, которые я получила из-за него.

— Бентон Джеймс Кесслер. Ты не любишь меня. Никогда больше не произноси эти слова. Ни мне, ни кому-либо другому. Произнося своим ртом эти три слова, ты накладываешь на них позор.

Его глаза открываются шире и он отшатывается назад, когда я толкаю его в грудь. Я не даю ему времени придумать еще больше лжи и фальшивых извинений.

Хлопаю его дверью и вожусь с ремешком сумки, перекидывая ее через плечо. Мои босые ноги касаются асфальта, и я несусь в сторону такси, которое уже поворачивает к его дому. Слышу, как Бен зовет меня.

Нет.

Я не желаю ничего слушать. Я ничем ему не обязана.

Распахиваю дверь и забираюсь внутрь. Говорю водителю адрес, но пока тот вводит его в навигатор, Бен добегает до машины. Прежде чем я успеваю заметить, что у меня опущено окно, он засовывает руку в салон и прикрывает кнопку поднятия стекла. Его глаза полны мольбы.

— Вот, — говорит он, запихивая через окно страницы. Они падают мне на колени, несколько соскальзывает на пол. — Если ты не даешь мне объясниться, то прочитай это. Прочти все. Пожалуйста, просто...

Я хватаю горсть страниц с колен и отбрасываю в сторону. Собираю все, что осталось у меня на коленях и пытаюсь выкинуть в окно, но Бен ловит их и запихивает обратно.

Закрываю окно, и слышу его бормотание: — Пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

Но, боюсь уже слишком поздно.

Я прошу водителя уезжать и, когда такси оказывается на безопасном расстоянии, на другой стороне парковки, и останавливается, прежде чем выехать на дорогу, я оглядываюсь. Бен стоит перед дверью своей квартиры, обхватив голову двумя руками. Наблюдает, как я уезжаю. Я хватаю столько страниц рукописи, сколько могу достать с пола и швыряю их в окно. Прежде, чем такси отъезжает, я снова оглядываюсь, и вижу, как он в поражении падает на колени.

Мне понадобилось четыре года, чтобы полюбить его.

И всего четыре страницы, чтобы разлюбить.

Шестое Девятое ноября

Судьба.

Слово, означающее неизбежность.

Судьба.

Слово, означающее приговор.

БЕНТОН ДЖЕЙМС КЕССЛЕР

Я только что прожила самую длинную минуту в своей жизни. Сидя на диване и наблюдая, как секундная стрелка на моих часах движется черепашьими шагами, сменяя восьмое ноября девятым.

И несмотря на то что секундная стрелка обозначила полночь беззвучно, всё моё тело дернулось, будто сигнал со всех часов с каждой стены в каждом доме только что прозвенел у меня в голове.

Экран моего мобильного загорается через десять секунд после полуночи. Сообщение от Эмбер.

“Это просто дата на календаре, как и любой другой день. Я люблю тебя, и моё предложение остается в силе. Если ты хочешь, чтобы я провела этот день с тобой, просто напиши”.

Я также замечаю не прочитанное сообщение от мамы, которое пришло два часа назад.

“Завтра я принесу тебе завтрак. Открою дверь своим ключом, поэтому нет необходимости устанавливать будильник”.

Дерьмо.

Мне действительно не нужна компания с утра. Ни Эмбер, ни мамы, ни кого — то другого. Хорошо, что отец не помнит об этой годовщине. Это плюс в наших непостоянных отношениях.

Нажимаю на кнопку блокировки телефона, и обнимаю свои колени. Я сижу на диване, в пижаме, которую планирую не снимать до десятого ноября. Я не покину этот дом в течение следующих двадцати четырех часов. Ни с кем не буду общаться. Ну, кроме мамы, когда она принесет мне завтрак, а потом я возьму выходной от всего мира.

После того, что я пережила в прошлом году из-за Бена, я решила, что эта дата проклята. Отныне, независимо от моего возраста и статуса, я никогда не буду покидать свой дом девятого ноября.

Так же я решила, что это будет единственный день в году, когда я позволю себе думать о пожаре. Думать о Бене. Думать о времени, потраченном впустую. Потому что никто не стоит такого количества душевной боли. Никакие объяснения не оправдают то, что он сделал со мной.

Вот почему в прошлом году, сбежав от Бена, я поехала прямо в полицейский участок и подала иск на запрет о его приближении ко мне.

Прошел ровно год, и я ничего не слышала о нем с той ночи.

Я никому не рассказывала о том, что произошло. Ни отцу, ни Эмбер, ни маме. Не потому, что я не хочу, чтобы у него были неприятности, ведь я действительно верю, что он заслуживает того, чтобы заплатить за все, что сделал со мной.

А потому что мне стыдно.

Я доверяла этому человеку. Я любила его. Я всем сердцем верила, что связь между нами была редкой и настоящей, и что мы были одними из немногих счастливиц, кто нашел такую любовь, как наша.

До сих пор думаю о том, что он врал на протяжении всех наших отношений. Каждый день я просыпаюсь и заставляю себя выкинуть из головы мысли о нем. Я не сдалась и продолжаю жить так, как если бы Бентона Джеймса Кесслера никогда не было в моей

жизни. Иногда получается, иногда нет. Большую часть времени нет.

Я подумывала о походе к терапевту. Хотела рассказать маме о нем и его причастности к пожару. Я даже хотела поговорить с отцом о нем. Но это тяжело, ведь большую часть времени я пытаюсь притвориться, что его никогда не существовало.

Я постоянно говорю себе, что станет легче. Что я встречу кого-нибудь, кто сможет отвлечь меня от мыслей о Бене, но до сих пор не могу заставить себя доверять кому — то настолько, чтобы даже просто заигрывать.

Потерять доверие к мужчинам из — за измены, это одно дело. Но Бен соврал мне в таком масштабе, что я до сих пор не могу разобраться, что было правдой, что ложью, а что было подстроено для его книги. Я знаю точно только одно — Бен каким — то образом виноват в пожаре, который чуть не забрал мою жизнь. И мне наплевать, было это сделано преднамеренно или случайно, это не та часть, которая больше всего приводит меня в ярость.

Меня опустошают воспоминания о тех днях, когда он заставлял меня чувствовать себя красивой со шрамами, и ни разу не признался, что это он их создал. Никакие объяснения никогда не оправдают эту ложь. Так что даже смысла нет слушать их.

На самом деле, нет смысла даже позволять себе думать об этом больше, чем я уже это сделала. Мне просто нужно пойти поспать. Может быть, каким — то чудом я просплю большую часть завтрашнего дня.

Я тянусь и выключаю лампу рядом с диваном. Иду в спальню, и тут раздается стук в дверь.

Эмбер.

До вчерашнего дня ей хорошо удавалось не затрагивать сегодняшнюю дату. Несколько часов назад она притворилась, что хотела остаться у меня ночевать просто так, но я отказалась. Знаю, она просто не хочет оставлять меня одну этим вечером, но намного легче хандрить, когда рядом нет никого, кто тебя осуждает.

Я отпираю замок квартиры и открываю дверь.

Там никого нет.

По рукам побежали мурашки. Эмбер бы не стала так делать. Она не видит ничего смешного в том, чтобы так поздно разыгрывать девушку, которая живет одна.

Я сразу же захожу обратно в квартиру, готовая захлопнуть дверь, но в последнюю секунду опускаю взгляд на пол, и вижу картонную коробку. Она ни во что не обернута, но наверху лежит конверт с моим именем.

Оглядываюсь вокруг, но возле моей двери никого нет. Вижу только, как уезжает какая-то машина, и если бы было не так темно, я бы смогла узнать её.

Я снова смотрю вниз на коробку, а затем быстро хватаю её и забегаю в квартиру, запев за собой дверь.

Она похожа на одну из подарочных коробок, которую в универмагах используют для упаковки рубашек, но содержимое гораздо тяжелее рубашки. Я ставлю коробку на кухонный стол и отрываю конверт.

Он не запечатан. Просто прикрыт, поэтому я вынимаю лист бумаги и расправляю его.

Фэллон,

Я потратил большую часть своей жизни, готовясь к написанию чего — то такого же важного, как это письмо. Но впервые я не чувствую, что в английском

алфавите хватит букв, чтобы адекватно выразить словами то, что я хочу тебе сказать.

Уехав в прошлом году, ты забрала в своих руках мою душу, а сердце в зубах, и я знал, что никогда не верну их назад. Можешь оставить их себе, они мне больше не нужны.

Я пишу это письмо, не надеясь, что ты простишь меня. Ты заслуживаешь лучшего. Всегда заслуживала. Я ничего не могу сказать, чтобы быть достойным ходить с тобой по одной земле. Я ничего не могу сделать, чтобы моё сердце было достойно разделить с твоим эту любовь.

Я не прошу тебя искать меня. Я просто прошу прочесть слова на страницах в этой коробке в надежде, что они смогут позволить тебе, а может, даже и мне, пройти через все с минимальными потерями, насколько это возможно.

Ты можешь мне не верить, но всё, что я хочу для тебя — это чтобы ты была счастлива. Это всё, что я когда — либо хотел. И я сделаю все, чтобы это произошло, даже если это означает помочь тебе забыть меня.

Слова, которые ты читаешь, никто никогда не читал, кроме тебя, и никогда не будут прочитаны никем, кроме тебя. Это единственный экземпляр. Когда закончишь, можешь делать с ним всё, что угодно. Знаю, ты мне ничего не должна, но я не прошу тебя прочитать эту рукопись ради меня. Я хочу, чтобы ты прочитала ее ради себя. Потому что когда ты любишь кого — то, ты обязан помочь ему стать лучше, чем он может быть. И как бы это ни было больно это признавать, ты станешь лучше без меня.

Бен

Я аккуратно кладу листы на стол рядом с коробкой.

Поднимаю руку к щеке, проверяя, есть ли слезы, потому что не могу поверить, что их нет. Я была уверена, что когда снова услышу о нем, я эмоционально сломаюсь.

Но этого не произошло. Мои руки не дрожат. Сердце не болит.

Прикладываю пальцы к горлу, проверить, если ли у меня пульс. Потому что в прошлом году я потратила не так много сил, создавая эмоциональную стену настолько высокой, что даже такие слова, как те, что он написал, не смогли ее преодолеть.

Но боюсь, что это именно то, что случилось. Не то, что Бен больше никогда не разрушит эти стены, боюсь, что он вынудил меня построить их настолько прочными и высокими, что я всегда буду за ними прятаться.

Он прав только в одном. Я ничем ему не обязана.

Я иду в спальню и заползаю в постель, оставляя непрочитанной каждую страницу на кухонном столе.

• • •

Сейчас одиннадцать пятнадцать.

Я шурю, значит, светит солнце. А это значит, что сейчас одиннадцать пятнадцать утра.

Прикрываю рукой лицо и закрываю глаза. Жду несколько секунд, а затем беру свой сотовый телефон.

Девятое ноября.

Дерьмо.

Я имею в виду, это не удивительно, что я не проспала двадцать четыре часа, поэтому не знаю, почему я расстроена. Особенно, учитывая, что я получила одиннадцать часов сна. Не уверена, что спала столько с тех пор, как была подростком. И тем более я не спала так долго в день годовщины. Обычно я вообще не сплю.

Встаю посреди спальни и обдумываю, как провести сегодняшний день. За дверью номер один находится моя ванная комната, зубная щетка и душ.

За дверью номер два — диван, телевизор и холодильник.

Я выбираю дверь номер два.

Когда я ее открываю, мне сразу хочется, чтобы я выбрала дверь номер один.

На диване сидит моя мама.

Дерьмо. Я забыла, что она должна была принести мне завтрак. Теперь она подумает, что я ничего не делаю, а только сплю целыми днями.

— Привет, — здороваюсь я, выходя из спальни. Она поднимает глаза, и меня сбивает с толку выражение ее лица.

Она плачет.

Первая моя мысль — что случилось и кто это сделал? Отец? Бабушка? Двоюродные братья? Тети? Дяди? Бодл, мамин пес?

— Что случилось? — спрашиваю её.

Но потом я смотрю вниз на её колени, и понимаю, что случилось всё. Мама читает рукопись.

Рукопись Бена.

Нашу историю.

С каких это пор она начала лезть в частную жизнь? Я указываю на рукопись и смотрю на нее обиженным взглядом.

— Что ты делаешь?

Мама подбирает выброшенный платок и вытирает глаза.

— Прости, — извиняется она, всхлипывая. — Я увидела письмо. И я бы никогда не стала читать твои личные вещи, но оно было открыто, когда утром я принесла завтрак, и просто... Прости. А потом, — она поднимает несколько листов рукописи и размахивает ими, — я прочитала первую страницу и, просидев здесь уже четыре часа, не могу остановиться.

Она читала это в течение четырех часов?

Я подхожу к ней и хватаю стопку страниц с её колен.

— Сколько ты прочитала? — я беру рукопись и отношу обратно на кухню. — И зачем? Ты не имела права читать это, мама. Боже, не могу поверить, что ты это сделала, — я заталкиваю рукопись обратно в картонную коробку и отношу к мусорному ведру. Наступаю на кнопку, чтобы открыть крышку ведра, но мама оказывается рядом со мной быстрее. Она никогда так быстро не двигалась.

— Фэллон, не смей это выкидывать! — восклицает она, выхватив коробку из моих рук и прижав к груди. — Зачем ты это делаешь? — она ставит коробку на стойку, прикрывая ее рукой, как будто это что — то ценное, что я чуть не сломала.

Я в замешательстве, почему она так реагирует на то, что должно её злить.

Мама быстро выдыхает, а затем твердо смотрит мне в глаза.

— Милая, — говорит она. — Это все правда? Все это происходило на самом деле?

Даже не знаю, что ей ответить, потому что понятия не имею, что она имеет в виду под словом «все». Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Я еще ничего не читала, — прохожу мимо нее и направляюсь к дивану. — Но если ты имеешь в виду Бентона Джеймса Кесслера и тот факт, что он позволил мне окончательно влюбиться в его вымышленную версию, то да. Это произошло. — я поднимаю одну из диванных подушек в поисках пульта от телевизора. — И если ты имеешь в виду то, что я узнала, что он каким — то образом был причастен к пожару, который чуть не убил меня, но не рассказал такую незначительную деталь, когда я была влюблена в него, тогда да, это тоже произошло. — я нахожу пульт.

Сажусь на диван и скрещиваю ноги, готовясь к двенадцати — часовому марафону реалити — шоу. Сейчас для мамы самое прекрасное время, чтобы уехать, но вместо этого она подходит к дивану и садится рядом со мной.

— Ты это не читала? — спрашивает она, опуская коробку на кофейный столик перед нами.

— Я прочитала пролог в прошлом году. Этого для меня было достаточно.

Я чувствую тепло её руки, накрывающей мою. Медленно поворачиваю голову, чтобы увидеть, что мама ласково мне улыбается.

— Милая...

Моя голова откидывается на спинку дивана.

— *Пожалуйста*, твои советы могут подождать до завтра?

Мама вздыхает.

— Фэллон, посмотри на меня.

И я смотрю, потому что она моя мама, и я люблю ее, и по какой — то причине, хоть мне уже двадцать три, я все еще делаю то, что она говорит.

Она подносит руку к моему лицу и убирает прядь волос за левое ухо. Её большой палец касается шрамов на моей щеке, и я вздрагиваю, потому что это первый раз, когда мама намеренно прикасается к ним. Кроме Бена, я никогда никому не позволяла их трогать.

— Ты любишь его? — спрашивает она.

В течение нескольких секунд я не двигаюсь. Горло будто горит, поэтому вместо того, чтобы сказать "да", я просто киваю.

Ее губы дергаются, и она дважды быстро моргает, пытаюсь не заплакать. Мама всё еще водит большим пальцем по моей щеке. Она отводит взгляд и осматривает мои шрамы на лице и шее.

— Я не собираюсь притворяться, что знаю, через что ты прошла. Но после прочтения этих страниц, я могу заверить тебя, что ты не единственная, кто был изранен в том пожаре. Просто потому что он не показывал тебе свои шрамы, не значит, что их не существует, — мама берет коробку и ставит ее на мои колени. — Вот они. Он выставил свои шрамы на всеобщее обозрение ради тебя, и ты должна не отворачиваться от них и проявить к нему уважение, которое он проявил к тебе.

По щеке скатывается первая слеза за сегодняшний день. Я должна была догадаться, что не смогу не плакать сегодня.

Мама встает и собирает свои вещи. Она покидает мою квартиру так больше ничего не

сказав.

И я открываю коробку, потому что она моя мама, и я люблю ее, и по какой — то причине, хоть мне уже двадцать три, я все еще делаю то, что она говорит.

Я бегло просматриваю пролог, который читала в прошлом году. Ничего не изменилось. Открываю первую главу и начинаю с самого начала.

Девятое ноября

16 лет

«Сломи солнце до рассвета, и смерть не будет иметь власти».

— Дилан Томас

Большинство людей не знают, что такое смерть.

Я знаю.

Смерть — это отсутствие шагов по коридору. Это как утренний душ, который не приняли. Смерть — это отсутствие голоса, который должен звать с кухни, чтобы разбудить меня. Смерть — это отсутствие стука в дверь моей комнаты, который обычно звучит за секунду сигнала будильника.

Некоторые люди говорят, что глубоко внутри у них появляется предчувствие, когда должно произойти что-то плохое.

Прямо сейчас я чувствую это не глубоко внутри.

Я чувствую это всем проклятым телом. От волосков на руках через кожу это чувство проникает прямо в кости. И с каждой секундой, которая проходит без единого звука за моей дверью, это чувство становится тяжелее, и начинает медленно просачиваться в мою душу.

Я лежу в постели ещё несколько минут, ожидая услышать, как хлопнет дверца кухонного шкафа или музыку, которую она всегда включает в гостиной. Но ничего не происходит, даже после звонка моего будильника.

Я тянусь, чтобы выключить его, и мои пальцы дрожат, пока я пытаюсь вспомнить, как заставить замолчать этот дурацкий будильник, который я без проблем выключал на протяжении двух лет. Когда он замолкает, я заставляю себя одеться. Поднимаю свой сотовый с комода, но там у меня только одно сообщение от Абиты.

Привет, сегодня практика после школы. Увидимся в пять?

Кладу телефон в карман, но потом снова его вынимаю и оставляю в своих руках. Не спрашивайте меня, откуда я это знаю, но, возможно, он мне понадобится. И время, которое я потрачу на то, чтобы вытащить телефон из кармана, может быть драгоценным, потраченным в пустую.

Её комната находится на первом этаже. Я спускаюсь вниз и стою перед дверью. Прислушиваюсь, но всё, что я слышу — это тишина. Такая громкая, насколько вообще может быть громкой тишина.

Я сглатываю страх, образовавшийся у меня в горле. Говорю себе, что еще посмеюсь над этим спустя несколько минут. После того как открою её дверь и увижу, что она уже ушла на работу. Возможно, её вызвали с утра, и она просто не хотела будить меня.

На лбу появляются капли пота появляются. Я стираю их рукавом рубашки.

Поднимаю руку и стучу в дверь, но прежде чем получаю ответ, моя рука уже на дверной

ручке.

Но она не может ответить мне. Когда я открываю дверь, её там нет.

Она ушла.

Единственное, что я нахожу — это её безжизненное тело, лежащее на полу ее спальни, с лужей крови вокруг головы.

Но ее там нет.

Нет. Моя мать ушла.

* * *

С момента, когда я нашёл её, до момента, когда они вышли из дома с её телом прошло три часа. Им пришлось много чего сделать, начиная от фотографирования всего в её комнате, вне комнаты и во всём доме, до моего допроса и поиска вещественных доказательств.

Три часа это не так уж и долго, если вы подумали об этом. Если бы они думали, что это убийство, они бы оцепили весь дом. Они бы попросили меня найти место, где я мог бы остаться во время проведения их расследования. Они отнеслись бы к этому гораздо серьезнее.

Как бы там не было, если женщина найдена мёртвой на полу своей спальни с пистолетом в руках и предсмертной запиской на кровати, трех часов вполне достаточно, чтобы определить, что это самоубийство.

Кайлу потребуется три с половиной часа, чтобы добраться сюда из своего общежития, поэтому через полчаса он будет здесь.

Тридцать минут — это достаточно долго, чтобы сидеть и смотреть на кровавое напоминание, оставшееся на ковре. Если я наклоняю голову влево, оно выглядит как бегемот с широко открытым ртом, пожирающий добычу. Но если я наклоняю голову вправо, оно выглядит как профиль лица актера Гарри Бьюзи.

Интересно, она бы сделала это, если бы знала, что её кровавое пятно будет напоминать Бьюзи?

Я недолго пробыл в комнате с её телом. Я позвонил в службу 911 и ждал помощи, которая, несмотря на ощущение вечности, прибыла в течение нескольких минут. Но за эти несколько минут я узнал о своей матери больше, чем думал, можно узнать за такой короткий промежуток времени.

Когда я нашёл её, она лежала на животе. На ней была майка, что открывала часть татуировки, которую она сделала несколько месяцев назад. Я знал только то, что это была цитата о любви, и ничего больше. Возможно, Дилана Томаса, но я никогда даже не спрашивал её.

Я протянул руку и оттянул край майки в сторону, чтобы прочитать цитату полностью.

Теряют любящие, но любовь цела.

Я встал и отошёл от неё на несколько шагов, надеясь, что озноб пройдет так же быстро как и начался. До этого момента эта цитата никогда ничего не значила. Когда мама сделала татуировку, я предположил, что она означает, что если два человека перестали любить друг друга не значит, что их любовь никогда не существовал. Раньше я не придавал этому значение, но теперь мне кажется, что татуировка была ее предвестием. Что она сделала её,

потому что хотела показать мне, что даже если она ушла, её любовь осталась.

И это взбесило меня, потому что я не знал, что означают слова на её теле, пока оно не стало просто телом.

Потом я заметил тату на её левом запястье — ту, которая была там ещё до моего рождения. Это слово «*поэтический*», написанное внутри нотного стана. Я знал ее значение, потому что она рассказала мне об этом несколько лет назад, когда мы вдвоем ехали в машине. Мы говорили о любви, и я спросил ее, как понять, что ты действительно в кого — то влюблён. Сначала она дала стандартный ответ, «Ты просто поймешь это». Но когда мама взглянула на меня и увидела, что ее ответ не удовлетворил меня, выражение её лица стало серьезным.

— Оу, — сказала она. — Ты серьезно спрашиваешь об этом? Не как любопытный ребенок, а как человек, нуждающийся в совете? Ну что ж, позволь дать тебе реальный ответ.

Я мог чувствовать, что моё лицо пылает, потому что не хотел, чтобы она подумала, будто я влюблён. Мне было только тринадцать и эти чувства были новыми для меня, но я был уверен, что Бринн Фэллоус станет моей первой настоящей девушкой.

Мама оглянулась на дорогу, и я увидел как ее губы расплылись в улыбке.

— Я говорю, что ты поймешь, потому что именно так и будет. Ты не поставишь это под сомнение. Ты не будешь гадать, чувствуешь ли ты настоящую любовь, потому что, когда ты ее почувствуешь, ты очень сильно испугаешься. И когда это произойдет, твои приоритеты изменятся. Ты перестанешь думать о себе и о своём собственном счастье. Ты будешь думать только об этом человеке, и о том, что ты можешь сделать, чтобы видеть его счастливым. Даже если это означает уйти от него и пожертвовать своим счастьем ради него.

Она искоса взглянула на меня.

— Вот что такое любовь, Бен. Любовь — это жертва, — мама постучала пальцем по татуировке на своём левом запястье — татуировке, которая была там ещё до моего рождения. — Я сделала эту тату в тот день, когда поняла, что полюбила твоего отца. И я выбрала ее, потому что если бы в тот день мне пришлось описать свою любовь, я бы сказала, что это чувство, словно два самых моих любимых увлечений увеличились и соединились вместе. Как если бы мои любимые поэтические строки смешались со словами моих любимых песен. — она снова очень серьезно посмотрела на меня. — Ты поймешь, Бен. Когда ты будешь готов отказаться от всего, что наиболее значимо для тебя, ради того чтобы просто сделать другого человека счастливым. Это и есть настоящая любовь.

Некоторое время я смотрел на её татуировку, обдумывая, смогу ли я кого — то так полюбить. Я сомневался, что смогу отказаться от всего, что люблю больше всего, если это будет означать, что я ничего не получу в ответ. Я думал, что Бринн Фэллоус красивая, но я не был уверен, что отдам ей свой обед, если буду очень голоден. И конечно, я не хочу делать татуировку из — за неё.

— Зачем ты сделала тату? — спросил я. — Чтобы мой отец знал, что ты любишь его?

Мама покачала головой.

— Я сделала ее не для твоего отца или даже не из — за твоего отца. Я сделала ее в основном для себя, потому что я знала со стопроцентной уверенностью, что я научилась любить бескорыстно. Это был первый раз, когда я хотела больше счастья для человека, с

которым была, чем для себя. И единственным способом, которым я могла бы описать своё чувство любви — это смесь двух моих любимых увлечений. Я хотела запомнить это чувство навсегда, на случай, если я никогда больше не почувствую это снова.

Я не прочитал предсмертную записку, которое мама оставила, но мне было любопытно, поменяла ли она свое мнение о бескорыстной любви. Или, может, она бескорыстно любила только моего отца, но никогда своих собственных детей. Потому что самоубийство это самый эгоистичный поступок, на который способен человек.

После того, как я нашёл её, я проверил, что она действительно ушла, и только потом позвонил в службу 911. Я должен был оставаться на линии с оператором до приезда полиции, так что у меня не было шанса искать её предсмертную записку. Полицейские нашли её и с помощью пинцета переложили в прозрачный конверт. И когда они запечатали её в качестве доказательства, я просто не смог попросить их дать мне её прочитать.

Один из моих соседей, мистер Митчелл, был в нашем доме, когда они уехали. Он сказал офицеру, что побудет со мной, пока не приедут мои братья, поэтому я остался под его присмотром. Но как только они уехали, я сказал ему, что со мной всё будет хорошо, и мне нужно сделать несколько звонков членам семьи. Мистер Митчелл сказал, что ему в любом случае необходимо на почту, и он вернётся проведать меня позже.

Он говорил так, словно умер мой щенок, и все будет хорошо, потому что я смогу завести себе другого.

Я бы выбрал йорка, потому что именно так выглядит кровавое пятно, когда я прикрываю правый глаз и смотрю искоса.

Интересно, я сейчас пребываю в шоковом состоянии? Поэтому я не плачу?

Моя мать была бы зла из — за того, что я не плачу сейчас. Уверен, внимание играло роль в её решении, пусть и небольшую. Она любила внимание, не в плохом смысле. Это просто факт. И я не уверен, что уделяю достаточно внимания её смерти, учитывая, что до сих пор не заплакал.

Думаю, я просто запутался. Мама казалась счастливой большую часть моей жизни. Конечно, были дни, когда она грустила. Из-за отношений, которые заканчивались. Моя мать любила любовь, и до момента, когда она разнесла в клочья своё лицо, она была привлекательной женщиной. Многие мужчины так думали.

Но мама так же была и умной. И даже если она думала что через несколько дней ее отношения должны закончиться, она не была похожа на человека, который готов расстаться с жизнью, чтобы доказать мужчине, что он должен был остаться с ней. И она никогда не любила мужчину так сильно, чтобы чувствовать, что не может жить без него. В любом случае такая любовь нереальна. Если родители могут пережить потерю детей, то мужчины и женщины могут легко пережить потерю отношений.

После пятнадцатиминутных размышлений о причинах ее поступка я не приблизился к ответу ни на шаг.

И тогда я решил провести расследование. Я чувствовал себя немного виноватым, ведь она моя мать, и заслуживает право на личную жизнь. Но если у человека нашлось время на предсмертную записку, безусловно, у него было время, чтобы уничтожить всё, что никогда не должны были найти его дети. Следующие полчаса я провел, копаясь в её вещах. И почему Кайла всё ещё нет?

Я просмотрел её телефонную книгу и почту. Прочитав несколько текстовых сообщений и электронных писем, я был убеждён, что точно знаю, почему моя мать покончила с собой.

Его зовут Донован О'Нил.

Я роняю страницу с именем своего отца. Она падает на пол к остальным страницам, которые я только что прочла.

Скидываю рукопись с коленей и быстро встаю на ноги. Я спешу в свою спальню и захожу в ванную. Принимаю душ, в надежде успокоиться достаточно, чтобы продолжить чтение, но я плачу всё это время. Шестнадцатилетний парень не должен проходить через то, что пережил Бен, но я по-прежнему не получила ответ на вопрос: какое это имеет отношение ко мне. Зато теперь я знаю, что мой отец каким-то образом был связан с матерью Бена, и я очень скоро все узнаю. Не уверена, что хотела продолжать читать, но теперь, когда уже начала, не могу остановиться. И несмотря на то, что меня тошнит, и руки дрожат уже в течение пятнадцати минут, из-за страха прочитать, как мой отец связан со всем этим, я заставляю себя идти вперёд.

Проходит, около часа, прежде чем я набираюсь мужества, чтобы вернуться к рукописи. Я сажусь обратно на диван и продолжаю читать с того места, где остановилась.

16 лет

Когда сжигаешь мосты — какое славное занимается пламя.

— Дилан Томас

Наконец, Кайл добирается до дома. И Йен тоже. Мы сидим за столом и разговариваем обо всем, кроме того, почему наша мать ненавидела свою жизнь больше, чем любила нас. Кайл говорит, что сегодня я проявил храбрость. Он обращается со мной так, словно мне все еще двенадцать, хотя я был хозяином в этом доме с тех пор как он съехал шесть месяцев назад.

Йен вызывает одну из тех компаний, что предоставляют услуги по уборке дома после смерти. Должно быть, это один из офицеров оставил их визитку на стойке, зная, что нам понадобятся помощь. Я даже не знал, что существует такие фирмы, но Йен упомянул про фильм "Чистка до блеска", который он смотрел пару лет назад, где несколько женщин, занимались уборкой ради выживания.

Компания отправляет к нам двух мужчин. Один из них не говорит по-английски, а другой не говорит вообще. Он все записывает у себя в блокноте, который лежит в переднем кармане его униформы.

Когда мужчины заканчивают, они приходят ко мне на кухню и передают записку.

Не заходите в спальню не меньше четырех часов, чтобы ковер мог высохнуть. С вас двести долларов.

Я нахожу Кайла в гостиной.

— Мы должны заплатить двести долларов.

Мы оба ищем Йена, но его нигде нет. Его машина пропала, а он единственный, у кого есть такие деньги. На кухонном столе я нахожу мамин кошелек.

— В ее кошельке достаточно денег. Как считаешь, это нормально, если мы ими воспользуемся?

Кайл выхватывает деньги у меня из рук и выходит из кухни, чтобы заплатить рабочим.

Йен возвращается только во второй половине дня. Они с Кайлом спорят о том, что Йен не предупредил нас, что уехал в полицейский участок, потому что Кайл не помнит, как уезжал Йен, а Йен доказывает, что Кайл просто не обратил внимание.

Никто не спрашивает, зачем вообще Йен поехал в полицейский участок. Я думаю, что, возможно, он захотел прочитать предсмертную записку, но не спрашиваю его об этом. После того, как я прочел, что мать была влюблена в этого парня, Донована, последнее, что я хочу прочитать — что она не смогла жить без него. Меня бесит, что мама позволила расставанию с мужчиной опустошить ее больше, чем мысль никогда больше не увидеть своих сыновей. Она не должна была даже выбирать.

Я почти вижу, как происходила эта дискуссия. Я представляю, как прошлой ночью она

сидит на кровати и плачет из-за этого жалкого ублюдка. Представляю, как в правой руке она держит его фотографию, а в левой — фотографию со мной, Кайлом и Йеном. Она смотрит то на одну, то на другую фотографию, и останавливаясь на Доноване, спрашивает себя: *"Мне просто покончить с этим сейчас, чтобы ни дня не пришлось жить без этого человека?"* А потом она смотрит на наш снимок. *"Или продолжать страдания, чтобы провести остаток жизни с тремя мужчинами, которые благодарны мне, как матери?"*

Что я не могу представить, так это что именно заставило ее выбрать фотографию в правой руке вместо той, что в левой?

Я знаю, что если лично не увижу, что такого особенного было в этом человеке, это будет съедать меня изнутри. Медленно и мучительно грызть, добираясь до самых костей, до тех пор, пока я не почувствую то же, что и она, когда обхватывала губами дуло пистолета.

Я жду несколько часов, пока Кайл и Йен не расходятся по своим спальням, а потом иду в ее комнату. Перебираю все то, что читал ранее, любовные записки, доказательства того, что их отношения были бурными как ураган. Когда я, наконец, нахожу достаточно информации о нем, я вбиваю в поисковик Гугл его адрес, и выхожу из дома.

Я странно себя чувствую, когда беру ее машину. Мне исполнилось шестнадцать всего четыре месяца назад. Мать откладывала деньги, чтобы помочь мне купить мой первый автомобиль, но мы не успели накопить, поэтому я просто пользовался ее автомобилем, когда он ей не был нужен.

Это хороший автомобиль. Кадиллак. Я иногда удивлялся, почему она просто не продала его, чтобы купить две машины подешевле, но потом чувствовал себя виноватым за эти мысли. Я был шестнадцатилетним ребенком, а она матерью-одиночкой, которая упорно трудилась, чтобы добиться того, что имеет. С моей стороны было несправедливо думать, что мы даже отдаленно не заслуживали подобной вещи.

Уже больше десяти вечера, когда я останавливаюсь около района Донована. Этот квартал гораздо приятнее, чем тот, в котором живем мы. Не то, что бы наш район неприятный, но здесь есть личные ворота. Хотя, не такая уж это и частная территория, потому что ворота заклинило в открытом положении. Я раздумываю, не развернуться ли, но потом вспоминаю, что я здесь не для того, чтобы сделать что-то противозаконное. Все, что я сделаю — осмотрю дом человека, ответственного за самоубийство моей матери.

Поначалу трудно разглядеть сами дома. У каждого из них очень длинные подъездные дорожки и между участками очень много места. А чем дальше я еду, тем реже встречаются деревья. Когда я приближаюсь к нужному дому, мой пульс начинает отдаваться в ушах. Я чувствую себя жалким из-за того, что нервничаю, даже не увидев дом, а рука скользит по рулю из-за пота.

Когда я, наконец, добираюсь до дома, я не впечатлён. Он, такой же как все. Высокий с наклоном, заостренная крыша. Два гаража для машин. Ухоженный газон и почтовый ящик, оформленный под камень, как и стены дома.

Ожидал большего от Донована.

Я впечатлён собственной храбростью, когда проезжаю мимо дома, разворачиваюсь, а затем проезжаю несколько домов, чтобы наблюдать за его домом издалека. Глушу двигатель, а затем выключаю фары.

Интересно, он уже знает?

Не уверен, откуда он может узнать, если у них не было общих друзей.

Наверняка знает. Уверен, у мамы было множество друзей и коллег, из жизни о которой

я ничего не знал.

Интересно, плакал ли он, когда узнал. Сожалел ли. Если бы у него была возможность повернуть время вспять и восстановить ее сердце, он бы это сделал?

А теперь я напеваю Тони Брэкстон. Да пошел ты, Донован О'Нил.

Мой мобильник вибрирует на сиденье. Пришло смс от Кайла.

Кайл: Ты где?

Я: Мне нужно было сбежать в магазин.

Кайл: Уже поздно. Возвращайся побыстрее. Мы должны быть в похоронном бюро завтра к девяти утра.

Я: Ты что, моя мать?

Я жду, что он что-нибудь ответит, вроде слишком рано, чувак. Но он этого не делает. Я смотрю на телефон немного дольше, желая, чтобы он отреагировал. Не знаю, почему я отправил такое сообщение. Теперь я чувствую себя виноватым. Здесь должна быть кнопка вернуть.

Отлично. Теперь вместо «не разбивай мне сердце» я пою «верни мое сообщение».

Да пошла ты, Тони Брэкстон.

Я опускаюсь ниже на сиденье, когда замечаю приближающийся ко мне свет фар. Опускаюсь еще ниже, когда вижу, как машина сворачивает к дому Донована.

Прекращаю петь и прикусываю щеку изнутри, пока жду, когда он выйдет из машины. Ненавижу, что здесь так темно. Я хочу, по крайней мере, увидеть, симпатичный ли он. Не то, что бы уровень его привлекательности должен был сыграть какую-то роль в решении моей матери покинуть этот мир.

Открываются двери одного из его гаражей. Когда он заезжает, другие двери также начинают открываться. Свет ламп освещает в гараже две машины. Он выключает двигатель Ауди, на которой приехал, а затем выходит из машины.

Он высокий.

Вот и все. Это единственное, что я вижу с такого расстояния. Вроде у него темно-каштановые волосы, но я даже не уверен в этом.

Он вывозит из гаража вторую машину. Какой-то классический автомобиль, но я не разбираюсь в марках. Машина красная и гладкая, а когда он выходит из нее, то залезает под капот.

Я наблюдаю за ним, пока в течение нескольких минут он ковыряется под капотом. Внимательно разглядываю его. Уверен, что он мне не нравится, но это само собой разумеющееся. Я также уверен, что он, скорее всего, не женат. Обе машины кажутся мужскими и в гараже нет места для еще одного автомобиля, поэтому он, вероятно, живет один.

Скорее всего, он развелся. Моей маме, наверное, понравился его район и перспектива переезда к нему, чтобы в моей жизни появился отец. Возможно, она спланировала их жизнь, и ждала его предложения, но вместо этого он разбил ей сердце.

Он проводит следующие несколько минут натирая свою машину, что мне кажется странным, ведь сейчас поздняя ночь. Может быть, он постоянно уезжает на весь день. Это, должно быть, раздражает соседей, хотя соседние дома расположены достаточно далеко друг от друга, чтобы никто даже не заметил, что творится по соседству, если только сами не захотят этого.

Он достает из гаража баллон с газом и заправляет машину. Не удивлюсь, если это

какой-то особый вид газа, ведь он не заправляет машину на заправке.

Он в спешке откладывает баллон в сторону, а потом достает сотовый телефон. Смотрит на экран и подносит телефон к уху.

Интересно, с кем он говорит. Это другая женщина, из-за которой он оставил мою мать?

Но потом я все понимаю — по тому, как его рука сжимает затылок. Его плечи опускаются, и он начинает качать головой туда-сюда. Он начинает тревожно расхаживать у дома.

Человек, на другом конце провода, только что сказал ему, что моя мать умерла.

Я крепче хватаюсь за руль и поддаюсь вперед, впитывая в себя каждое его движение. Будет ли он плакать? Она стоит того, чтобы ради нее упасть на колени? Я смогу услышать отсюда, как он будет кричать в агонии?

Он облокачивается на свою драгоценную машину и заканчивает разговор. Смотрит на телефон в течение семнадцати секунд. Да, я считал.

Засовывает телефон обратно в карман, а потом, блестяще демонстрируя горе — бьет кулаком в воздух.

Не в воздух, Донован. Ударь свой автомобиль и будешь чувствовать себя намного лучше.

Он хватается тряпку, которой до этого натирал машину и бросает на землю.

Нет, Донован. Не тряпку. Ударь свой автомобиль. Покажи мне, что ты любил ее больше, чем свою машину и тогда, возможно, я больше не буду так сильно тебя ненавидеть.

Он замахивается ногой и пинает газовый баллон, откинув его на несколько метров вперед.

Ударь свой гребаный автомобиль, Донован. Возможно, прямо сейчас она наблюдает за нами. Покажи ей, что твое сердце настолько разбито, что ты больше не беспокоишься даже о своей собственной жизни.

Донован подводит нас обоих, когда несется в дом, так ни разу и не прикоснувшись к своему автомобилю. Мне жаль маму из-за того, что он не бурно отреагировал. Я даже не уверен, плакал ли он, ведь я слишком далеко, чтобы это увидеть.

Свет в гараже гаснет.

Двери начинают опускаться.

По крайней мере, он слишком расстроен, чтобы загнать машину обратно.

Я слежу за домом еще несколько минут, задаваясь вопросом, вернется ли он снова на улицу. Когда этого не происходит, я начинаю беспокоиться. Огромная часть меня хочет прогнать эти мысли и больше не думать об этом человеке, но есть еще и небольшая часть, любопытство которой с каждой секундой только растет.

Что такого, блять, особенного в этой чертовой машине?

Любой, кто о узнал бы столь ужасную новость как он, захотел бы наброситься на самую ближайшую вещь. Любой нормальный влюбленный мужчина ударил бы кулаком по капоту машины. Или, в зависимости от того, насколько сильно любил эту женщину, может быть, даже разбил бы кулаком лобовое стекло. Но этот мудака просто бросил тряпку на землю. Он решил выплеснуть агрессию на старой, невесомой тряпке.

Ему должно быть стыдно.

Мне нужно помочь ему горевать должным образом.

Я должен разбить капот машины за него. И несмотря на то что я знаю, что из этого не

выйдет ничего хорошего, я выхожу из машины, и прохожу половину дороги, когда напоминаю себе, что это не очень хорошая идея. Но когда дело доходит до битвы между адреналином и совестью, адреналин всегда выигрывает.

Я подхожу к автомобилю и даже не смотрю по сторонам, чтобы проверить, если ли кто-нибудь на улице. Знаю, что никого нет. Сейчас уже больше одиннадцати вечера. Никто, скорее всего, даже не проснется на этой улице, а даже если такое и случится, меня это не волнует.

Я беру тряпку и смотрю на нее в надежде, что в ней есть что-то особенное. Ничего нет, но я решаю воспользоваться ею, чтобы открыть дверь автомобиля. Не хочу оставлять отпечатки пальцев если случайно поцарапаю машину.

Внутри автомобиль еще приятнее, чем снаружи. В идеальном состоянии. Вишнево-красные кожаные сиденья. Отделка деревом. На панели лежит пачка сигарет и спички, и меня разочаровывает, что мама любила курильщика.

Оглядываюсь на дом, а потом снова смотрю на спички. Кто сейчас пользуется спичками? Клянусь, я продолжаю находить все больше и больше причин, чтобы его ненавидеть.

Возвращайся в машину, Бен. Для одного дня уже достаточно переживаний.

Адреналин в очередной раз берет верх над моей совестью. Я бросаю взгляд на баллон с газом.

Интересно...

Донован расстроится сильнее из-за своего драгоценного маленького классического автомобиля, объятых пламенем, чем из-за смерти моей матери?

Думаю, скоро мы это узнаем, потому что адреналин подталкивает меня взять баллон и вылить жидкость на машину и вокруг нее. По крайней мере, моя совесть все-таки заставляет меня вернуть баллон на то место, куда он его пнул. Я вытаскиваю одну и только одну спичку, и бросив её — прямо как в кино — возвращаюсь обратно к своей машине.

За моей спиной воздух наполняет быстрый свистящий звук. Ночь становится такой светлой, будто кто-то зажег рождественские огни.

Когда я подхожу к своей машине, я улыбаюсь. Первый раз за сегодняшний день я улыбаюсь.

Завожу двигатель и неторопливо еду, в каком-то смысле чувствуя, что оправдал ее за то, что она сделала с собой. За то, что она сделала со мной.

И, наконец, впервые с того момента, как сегодня утром я нашел ее тело, по моей щеке скатывается слеза.

А затем еще одна.

И еще.

Я начинаю плакать так сильно, что становится слишком сложно видеть дорогу. Я останавливаюсь на холме. Заваливаюсь на руль и мои крики превращаются в рыдания, потому что я скучаю по ней. Еще даже и дня не прошло, а я уже так чертовски сильно скучаю по ней и не понимаю почему она поступила так со мной. Это кажется таким личным, и я ненавижу себя, за то что настолько эгоистичен, чтобы полагать, что это было как-то связано со мной, но разве не так? Я жил с ней. Я был единственным, кто остался в этом доме. Она знала, что я единственный кто найдет ее. Она знала, что со мной будет, но все равно сделала это. И я никогда не любил кого-то, кого так сильно ненавижу, и никогда не ненавидел того, кого так сильно люблю.

Я плачу так долго, что мышцы в животе начинают болеть. Челюсть болит от напряжения. Уши болят от рева, проносающихся мимо сирен.

Я смотрю в зеркало заднего вида и слежу, как пожарная машина спускается вниз по склону.

Позади себя я вижу оранжевое свечение на фоне темного неба и оно намного ярче, чем я ожидал.

Пламя намного выше, чем должно было быть.

Мой пульс бьется сильнее, чем мне бы хотелось.

Что я сделал?

Что я наделал?

Руки дрожат так сильно, что я не могу повернуть ключ в замке зажигания, чтобы завести машину. Я не могу отдышаться. Нога соскальзывает с тормоза.

Что я наделал?

Завожу машину. Начинаю ехать. Пытаюсь вдохнуть, но, кажется, будто мои легкие заполнены густым, черным дымом. Хватаю телефон. Хочу сказать Кайлу, что у меня, наверное, началась паническая атака, но не могу успокоить свои руки, чтобы набрать его номер. Телефон выскользывает из рук и приземляется на пол.

Мне нужно проехать всего две мили. Я могу это сделать.

Считаю до семнадцати ровно семнадцать раз, а затем поворачиваю на нашу подъездную дорожку.

Заваливаюсь в дом, чувствуя облегчение, что Кайл еще бодрствует и на кухне. Мне не придется подниматься наверх в его комнату.

Брат кладет руки мне на плечи и ведет к стулу. Я жду, что он начнет паниковать, когда увидит на моем лице широко раскрытые глаза, полные слез, но вместо этого он приносит мне стакан воды. Он спокойно со мной разговаривает, но я понятия не имею, что он говорит. Он постоянно твердит, чтобы я сфокусировался на его глазах, сфокусировался на его глазах, сфокусировался на его глазах,

— Сфокусируйся на моих глазах, — снова повторяет он. Это первый звук, который я понимаю.

— Дыши, Бен.

Его голос становится громче.

— Дыши.

Мой пульс постепенно начинает приходить в норму.

— Дыши.

Легкие начинают получать и выпускать воздух, как им и полагается делать.

Я делаю вдох и выдох, вдох и выдох, еще один глоток воды, а потом, когда снова могу говорить, я ничего не хочу сильнее, чем выложить этот секрет, пока не взорвался.

— Я облажался, Кайл, — я встаю и начинаю расхаживать по кухне. Чувствую слезы на щеках и слышу дрожь в своем голосе. Сжимаю руками голову. — Я не хотел этого делать, клянусь. Не знаю, почему я это сделал.

Кайл меня перебивает. Он сжимает мои плечи и опускает голову, грозно глядя мне в глаза.

— Что ты сделал, Бен?

Я делаю еще один огромный глоток воздуха и выдыхаю, когда отстраняюсь от него. А потом я все ему рассказываю. Я рассказываю о том, что пятно от ее крови выглядело как

голова Гарри Бьюзи, и как я прочитал все письма, которые Донован ей написал, и как я просто хотел понять, почему она любила этого человека больше, чем нас, и что он не достаточно разозлился, когда узнал, что она умерла, и что я не хотел поджигать его дом, я даже не собирался поджигать его автомобиль, это не то, зачем я поехал туда.

Теперь мы сидим. За кухонным столом. Кайл не сказал об очень многих вещах, но следующее, что он говорит, наполняет меня таким страхом, который я никогда не испытывал в своей жизни.

— Бен, кто-нибудь пострадал?

Я хочу отрицательно покачать головой, но она не двигается. У меня нет ответа, потому что я не знаю. Конечно, никто не пострадал. Донован проснулся, он бы успел выйти.

Ведь так?

Я делаю еще один вдох, когда вижу волнение в глазах Кайла. Он быстро отталкивается от стола и бежит в сторону гостиной. Я слышу, как включается телевизор, и на секунду думаю, что это, наверное, последний раз, когда телевизор включился на канале "Браво", и моя мама его больше никогда не увидит.

А потом я слышу, как переключаются и переключаются каналы. И после доносятся слова "огонь", "переулок Хайсинг", и "один раненный".

Раненный. Он, наверное, выбежал, споткнулся и порезал палец или что-то такое. Не так уж и страшно. Уверен, его дом застрахован.

— Бен.

Я встаю, чтобы присоединиться к Кайлу в гостиной. Уверен, он зовет меня, чтобы сказать, что все в порядке, что все хорошо, и мне следует идти спать.

Когда я подхожу к гостиной, мои ноги немеют. В правом верхнем углу экрана фотография. Девушка. Она кажется знакомой, но я не могу сразу понять, откуда ее знаю, хотя мне и не нужно, потому что журналист делает это за меня.

— Последние отчеты указывают на то, что Фэллон О'Нил, шестнадцатилетняя главная героиня в знаменитом сериале Сыщик, была эвакуирована с места происшествия. О ее состоянии пока ничего не известно, но мы будем держать вас в курсе новостей.

Кайл не говорит, что все будет в порядке.

Он вообще ничего не говорит.

Мы стоим перед телевизором, впитывая новости, прерывающиеся на рекламу. Чуть позже часа ночи, мы узнаем, что девочка была доставлена в ожоговый центр в Саут-Бэй. Десять минут спустя узнаем, что она в критическом состоянии. В половину первого ночи — что она получила ожог четвертой степени, с повреждением более тридцати процентов кожи. В час сорок пять — она выживет, но потребуются серьезная реконструктивная хирургическая операция и реабилитация. В час пятьдесят репортеры утверждают, что хозяин дома признался, что разлил топливо около автомобиля, припаркованного у его гаража. Следователи полагают, что нет оснований утверждать, что пожар был вызван намеренно, но будет полное расследование, чтобы подтвердить заявление домовладельца.

Один репортер намекает, что карьера жертвы может быть отложена на неопределенный срок. Другой говорит, что продюсерам предстоит принять важное решение, когда речь заходит о поиске новой актрисы на роль, либо заморозке проекта до тех пор, пока жертва не придет в себя. Новости переходят от обновления о состоянии жертвы к тому, на сколько премий Эмми Донован О'Нил был номинирован на пике его карьеры.

Кайл выключает телевизор примерно в два часа ночи и осторожно — тихо — кладет

пульт на подлокотник кресла.

— А кто-нибудь видел, что случилось? — глаза брата пристально смотрят на меня, и я тут же качаю головой.

— Ты оставил что-нибудь? Любые возможные доказательства?

— Нет, — шепчу я. Прочищаю горло. — Он прав. Он пнул газовый баллон, а потом ушел в дом. Никто не видел, что я сделал после этого.

Кайл кивает и потирая шею сзади, делает шаг ко мне.

— Значит, никто не знает, что ты был там?

— Только ты.

Затем он сокращает расстояние между нами. Думаю, он хочет меня ударить. Не знаю точно, но то, с какой злостью он сжимает челюсть, указывает, что он очень этого хочет. Я бы не стал его винить.

— Я хочу, чтобы ты внимательно послушал меня, Бен, — голос Кайла низкий и твердый. Я киваю. — Сними всю одежду, что сейчас на тебе и положи в стиральную машину. Прими душ. А потом иди в постель и забудь об этом, хорошо?

Я снова киваю. Еще секунда, и меня наверное бы стошнило, не уверен.

— Ты никогда не покажешь ни малейшего намека, указывающего на то, что случилось сегодня ночью. Никогда не будешь искать этих людей в интернете. Никогда больше не поедешь к их дому. Держись подальше от всего, что может вызвать подозрения, что ты связан с ними. И никогда, никогда не произноси ни единого слова об этом происшествии. Ни мне... ни Йену... никому. Ты меня понял?

Меня наверняка вот-вот стошнит, но мне все же удается кивнуть.

С минуту он изучает мое лицо, убеждаясь, что может мне доверять. Я не двигаюсь. Хочу, чтобы Кайл знал, что может доверять мне.

— Завтра нам нужно многое сделать, чтобы подготовиться к ее похоронам. Постарайся немного поспать.

Я не киваю, потому что Кайл уходит, по пути выключая света.

Я стою в темноте в течение нескольких минут. Молча... все еще... один.

Я, наверное, должен бояться, что меня поймают. Наверное, должен быть расстроен, что начиная с этого момента, я всегда буду испытывать чувство вины всякий раз, когда Кайл будет смотреть на меня. Наверное, я должен бояться, что эта ночь — вместе с утром и тем, что я нашел маму — в каком-то роде испортит меня. Возможно, я буду страдать от посттравматического стресса или депрессии.

Но все это не важно.

Потому что когда я бегу вверх по лестнице, распахиваю дверь ванной и выплевываю все содержимое желудка в унитаз, единственное, что заполняет мои мысли — та девушка, и как я только что полностью разрушил её жизнь.

Прижимаюсь лбом к руке, и сижу, мертвой хваткой удерживая унитаз.

Я не заслуживаю жить.

Я не заслуживаю жить.

Интересно, следы от моей крови будут похожи на профиль Гарри Бьюзи.

Едва добежав до туалета, меня начинает рвать, а по лбу стекает пот.

Не могу.

Не могу больше это читать.

Это — слишком. Это слишком и очень тяжело. И меня слишком тошнит чтобы продолжать читать. С трудом заставляю себя подняться и подойти к раковине. Мою руки. Подставляю ладонь под струю, набираю воду и подношу ко рту, чтобы его прополоскать. Повторяю, несколько раз, пытаюсь смыть вкус желчи.

Смотрю в зеркало на шрамы от щеки до шеи. Сняв рубашку, рассматриваю рубцы на руке, груди, талии. Пробегаюсь пальцами по правой руке — от запястья к шее, до щеки и обратно, затем, от правой груди вниз до талии. Прислоняюсь ближе, пока не упираюсь в раковину... как можно ближе к зеркалу. И по-настоящему смотрю на шрамы. Разглядываю их так внимательно, как никогда раньше не рассматривала, поэтому мои ощущения сбивают меня с толку.

Впервые я смотрю на свои шрамы без привычной тени гнева.

Я никогда не замечала, как часто обвиняла своего отца в том, что со мной произошло, пока не прочитала слова Бена. Я так долго ненавидела его, сама не позволяя горевать над произошедшим вместе со мной. В каждом его слове, я находила только вину. Каждый наш разговор превращался в ссору.

Да, нет оправдания тому, что он может вести себя как бесчувственный мудака. Отец всегда был бесчувственным мудаком. Но он так же всегда любил меня, и теперь, когда у меня есть четкое представление о том, что произошло той ночью, я больше не должна обвинять его за то, что он забыл про меня.

Я ночевала у отца, всего лишь раз в неделю, и он только что узнал о смерти своей возлюбленной. Должно быть, в тот момент в его голове произошел взрыв. И ожидая необходимой реакции — когда горел дом, я ждала от него слишком многого. За считанные минуты отец почувствовал скорбь, злость, а потом и панику из-за пожара. Ожидать от него, что он немедленно вспомнит о том, что я писала ему двенадцать часов назад, предупреждая, что останусь с ночевкой, совершенно нереально. Я не жила с ним, это не мама, с которой я жила, и которая, в порыве паники вспомнит сначала обо мне. У моего отца была совершенно другая ситуация, и мне нужно было принять ее. И хотя мы поддерживаем связь последние несколько лет, у нас не такие отношения как раньше. Мне придется взять половину его вины на себя. Мы не можем выбирать себе родителей, и родители не могут выбирать себе детей. Но только мы сами можем сделать выбор, как усердно мы готовы работать, чтобы получить самое лучшее из того, что предложено жизнью.

Вынимаю из кармана телефон и пишу папе смс.

Я: Привет, пап. Хочу позавтракать с тобой завтра. Скучаю.

Отправив сообщение, я надеваю рубашку и возвращаюсь в гостиную. Смотрю на рукопись на полу и хочу понять сколько мне под силу выдержать. Это так тяжело читать, представить не могу как Бен и его братья пережили все это.

Я произношу короткую молитву за братьев Кесслеров, словно то, что я читаю, происходит сейчас и Кайл все еще с нами, и моя молитва поможет ему.

А потом возвращаюсь к тому, на чем остановилась:

16 лет.

*"Власть всемогущей руки над человеком безмерна:
Стоит нацарапать имя — и свободу твою отберут".*

Знаете, что может быть хуже, чем день, когда ваша мать покончила с собой?
Следующий день *после* самоубийства матери.

Говорят, что, когда человек чувствует сильнейшую физическую боль, скажем, когда случайно получает глубокий порез, человеческое тело вырабатывает эндорфины. Эти эндорфины очень схожи с наркотиками, такими как морфин или кодеин. Поэтому это нормально, когда мы не чувствуем сильной боли сразу после получения раны.

Должно быть, душевная боль действует так же, потому что сегодня, все болит намного сильнее чем вчера. Вчера я словно пребывал в сказочной стране, как если бы мое сознание не позволяло мне в полной мере осознать, что она действительно ушла. В своем сознании я держался за эту тонкую ниточку надежды, внушая себе что каким-то образом этот день никогда не наступит.

Но эта ниточка исчезает, независимо от того как отчаянно ты пытаешься ухватиться за нее.

Она умерла.

И если бы у меня были связи и деньги, я бы заглушил эту боль какими-нибудь наркотиками.

Сегодня утром я отказался вставать с постели. Йен и Кайл пытались заставить меня поехать с ними на похороны, но я победил.

Вообще-то я побеждал весь этот день:

"Съешь что-нибудь", — говорил Кайл на ланч.

Я не ел: я — победил.

"Тетя Шелли и дядя Эндрю здесь", — говорил Йен в два часа дня.

Но они уже ушли, а я до сих пор в постели, — снова победа.

"Бен, идем ужинать. Еда пропадает, люди приносили ее весь день", — звал меня Кайл, просунув голову в дверь, где-то в шесть вечера.

Но я предпочел остаться в постели и не прикасаться к этим сочувственным контейнерам, и это делало меня победителем в очередной раз.

"Поговори со мной", — просит Йен.

Хотел бы я сказать, что выиграл и этот раунд, но он по-прежнему сидит на моей кровати, отказываясь уходить.

Я натягиваю на голову одеяло. Йен стягивает его.

— Бен. Если ты не вылезешь из постели я приму крайние меры. Ты же не хочешь, чтобы я позвонил психотерапевту, не так ли?

Гребанный Иисус Христос!

Я сажусь в кровати и бью кулаком подушку.

— Просто, блядь, дай мне поспать, Йен! *Черт тебя подери!*

Он не реагирует на мой крик. Просто самодовольно смотрит на меня.

— Я дал тебе поспать. Почти двадцать четыре часа. Тебе нужно встать с постели и почистить зубы, принять душ и съесть *чего-нибудь*.

Ложусь на спину и снова накрываю лицо одеялом. Йен вскакивает с кровати и кричит.

— Бентон, посмотри на меня!

Йен никогда не кричал на меня, и только по этой причине, я стягиваю с головы одеяло и смотрю на него.

— Ты не единственный кому больно, Бен! Мы должны справиться с этим дерьмом вместе! Тебе шестнадцать лет, ты не сможешь жить тут один. И если ты не спустишься вниз и не докажешь нам с Кайлом, что ты не в полной жопе, тогда, вероятно, нам придётся принять неверное решение относительно тебя!

Он так зол, что у него аж челюсть трясется.

Секунду я думаю об этом: о том, что никто из них тут не живет. Йен учится в школе пилотов. Кайл только поступил в колледж. Моя мама мертва.

Кому-то из них придется вернуться домой, потому что я несовершеннолетний.

— Думаешь, мама думала об этом? — спрашиваю я, снова садясь в кровати.

Йен разочаровано качает головой и опускает руки.

— О *чем* думала?

— Что ее решение убить себя, заставит одного из вас отказаться от своей мечты? Что тебе придется вернуться домой чтобы присматривать за своим младшим братом?

Йен обескуражено качает головой.

— *Конечно* она думала об этом.

— Нет. Не думала. Она эгоистичная сука, — смеюсь я.

Челюсть Йена напрягается.

— Прекрати.

— Я ненавижу ее, Йен. *Ирад*, что она умерла. Рад, что это я нашел ее, потому что теперь перед моими глазами всегда будет всплывать черная дыра на ее лице, такая же черная, как и ее сердце.

Он подбегает ко мне и схватив за ворот рубашки, отбрасывает меня на кровать. Близко приближает свое лицо к моему, и шипит сквозь сжатую челюсть:

— Закрой свой гребанный рот, Бен. Она любила тебя и была хорошей матерью для нас, и ты будешь уважать ее, ты понял меня? Мне плевать на земле она сейчас или нет, но ты будешь уважать ее в этом доме до самой своей смерти.

Мои глаза наполняются слезами, и я начинаю задыхаться от ненависти. Как он может защищать ее?

Наверно ему проще, ведь его память о ней не запятнана той картиной, которая предстала передо мной, когда я зашел в ее комнату.

Из глаза Йена падает слеза и капает мне на щеку.

Его хватка слабеет, он отворачивается от меня и хватается руками голову.

— Прости, — извиняется он, голосом полным боли. — Прости меня, Бен.

Но я не прощаю.

Он оборачивается и смотрит на меня, даже не пытаюсь скрыть слез.

— Просто я... Как ты можешь такое говорить? Зная, как она переживала...

Я усмехаюсь себе под нос: — Она рассталась со своим парнем, Йен. Это вряд ли можнс

назвать невыносимым страданием.

Теперь Йен полностью поворачивается ко мне и склоняет голову.

— Бен... разве ты не читал?

— Не читал что? — дергаю плечом.

Йен тяжело вздыхает и встает.

— Ее записку. Разве ты не прочел оставленное ею письмо, до того, как полиция забрала его?

С трудом сглатываю. Я знал, что он ездил туда вчера. Знал.

Он запускает руку в волосы.

— О, Боже. Я думал, ты прочел ее, — Йен выходит из моей спальни. — Я вернусь через полчаса.

Брат не солгал. Проходит ровно тридцать три минуты, когда он возвращается к двери моей комнаты. Все это время я гадал, что в этом письме такого, что отличает мою ненависть от жалости Йена к ней.

Он достает из кармана листок бумаги.

— Полиция пока не может отдать оригинал записки. Но они сфотографировали ее и распечатали, так что ты можешь прочитать, — Йен протягивает мне листок.

Он выходит из моей спальни, и закрывает за собой дверь.

Я возвращаюсь в постель и начинаю читать последние слова матери, которые она больше никогда не сможет произнести вслух.

«Моим мальчикам.

Всю свою жизнь я училась писать. Но никакие курсы писательского мастерства... никакой колледж... ни жизненный опыт, не сможет подготовить человека написать адекватную предсмертную записку для своих детей. Но я безусловно собираюсь попробовать.

Во-первых, я хочу объяснить, почему я это сделала. Знаю, вы не поймете. И Бен, ты наверняка прочтешь это первым, поскольку я уверена, что ты первый меня найдешь. Так что, пожалуйста, прочти это письмо до конца, прежде чем решишь возненавидеть меня.

Четыре месяца назад я узнала, что больна раком яичников. Безжалостный, неизлечимый, молчаливый рак, который полностью поразил меня до того, как я смогла распознать симптомы. И прежде, чем ты разозлишься и скажешь, что я сдалась, это последнее что я бы сделала. Если бы я могла хоть как-то бороться со своей болезнью, вы мальчики знаете, я бы боролась с ней всеми возможными способами. Но мы говорим о раке. Борьбой называется то, когда сильные побеждают, а слабые проигрывают, но это нельзя сравнивать с раком.

Рак — это не один из игроков в игре. Рак — это и есть игра.

Не имеет значения, насколько вы выносливы. Не имеет значения, сколько вы тренировались. Рак — это главный и основополагающий принцип спорта, и единственное, что ты можешь сделать, это вступить в игру, одетый в свою форму. Ведь вы не знаете наверняка... Возможно вам придется всю игру сидеть на скамейке запасных. Вам могут не предоставить шанса на борьбу.

И это я. Вынуждена сидеть на скамейке запасных пока игра не закончится,

потому что нет ничего, что может спасти меня. Я могла бы погрузиться в тщательные изучения методов борьбы, но врачи слишком поздно выявили болезнь.

И теперь переходим к самой сложной части.

Должна ли я ждать конца? Позволить раку медленно забрать все, что у меня есть? Вы же помните дедушку Дуайта? И то, как эта страшная болезнь полностью поглотила его, а он в течение нескольких месяцев скрывал это от нас. Бабушке пришлось изменить всю свою жизнь, чтобы заботиться о нем. Она потеряла свою работу, а счета на медикаменты только росли из-за чего в итоге они потеряли свой дом. Бабушку выселили через две недели после смерти дедушки. Все потому, что рак забрал самое драгоценное вместе с ним.

Я не хочу этого. И не могу даже допустить мысли, что мои мальчики будут ухаживать за мной. Знаю, что, если не прерву свою собственную жизнь, мне повезет если я смогу прожить на этой земле хотя бы шесть месяцев. Может девять. Но эти месяцы отобрали бы у каждого из вас ту мать, которую вы знали. А потом, когда моего достоинства и плоти станет недостаточно раку, он заберет и все остальное. Дом. Ваши деньги на учебу. Все наши общие счастливые воспоминания.

Я знаю, что как бы я не пыталась оправдать свое решение, мой поступок все равно ранит вас троих больше, чем что-либо могло ранить в вашей жизни. Но также я знаю, что, если бы я вам рассказала о том, что хочу сделать, вы бы меня отговорили.

Больше всего мне жаль тебя, Бен. Мой сладкий, сладкий мальчик. Прости меня. Уверена, что могла бы сделать это лучшим способом, потому что ни один ребенок не должен видеть свою мать в таком состоянии. Но я знаю, что, если не сделаю этого сегодня, до твоего пробуждения, я никогда не решусь снова. И для меня это решение будет одним из самых эгоистичных. Я знаю, что ты найдешь меня утром, и знаю, что это опустошит тебя, потому что со мной происходит то же самое, когда я думаю об этом. Но так или иначе, я бы все равно была мертва до твоего семнадцатилетия. По крайней мере, в данном случае все пройдет легко и быстро. Ты можешь позвонить в службу спасения 911, они заберут мое тело спустя несколько часов. Несколько часов на мою смерть и вынос тела из дома — это гораздо лучше, чем несколько месяцев, которые потребуются раку, выполнить ту же работу.

Тебе придется нелегко решить вопрос с телом, поэтому я постаралась облегчить эту задачу, насколько это возможно. Кому-то нужно будет убраться, как только мое тело увезут, так что на кухонном столе я оставила визитку, куда тебе нужно будет позвонить. В моем кошельке осталось немного наличных, его я тоже оставила на столе.

Если ты заглянешь в мой кабинет, в правом ящике — в третьем снизу —, ты найдешь все необходимые документы, для подачи на выплату пенсии из-за потери кормильца семьи. Обязательно сделай это прямо сейчас. После подачи документов, ты в течение недели получишь чек. Есть еще закладная на дом, но выплат будет достаточно чтобы покрыть расходы на вашу учебу. Я все вопросы уже решила с нашим юристом.

Пожалуйста, не продавай дом, пока вы все не вырастите и не устроитесь в

жизни. Это хороший дом и несмотря на мою смерть, у нас осталось много хороших воспоминаний здесь.

Пожалуйста, знайте, что вы все трое всегда наполняли каждую секунду моей жизни смыслом. И если бы я могла избавиться от болезни, я бы это сделала. Я бы повела себя очень эгоистично, и, наверное, пожелала кому-то другому испытать это, если бы это, помогло провести больше времени с каждым из вас. Вот как сильно я вас люблю.

Пожалуйста, простите меня. Передо мной стоял выбор между двух плохих вариантов, и ни один из них я не хотела принимать. И просто приняла тот, который был бы выгоден для всех нас. Надеюсь, однажды вы сможете меня понять. И надеюсь, что своим выбором, я не испортила сегодняшнюю дату. Девятое ноября очень много значит для меня, потому что, это день смерти Дилана Томаса. И вы все знаете, что значила для меня поэзия этого автора. Она помогла пережить мне многое в жизни, особенно после смерти вашего отца. Но я надеюсь, что в будущем, эта дата будет для вас всего лишь маленьким поводом для скорби.

И пожалуйста, не переживайте за меня. Мои страдания закончатся. Как говорится в мудром изречении Дилана Томаса... После первой смерти, нет никакой другой.

*Со всей своей любовью,
Мама.»*

Я едва могу прочесть подпись мамы сквозь слезы. Йен возвращается в комнату через несколько минут и садится рядом.

Мне хочется поблагодарить его за то, что он дал мне прочесть это, но я в таком шоке, что не могу произнести и слова. Если бы я смог прочесть письмо до того, как его забрал полицейский, я бы все знал уже тогда. Последние два дня были бы совсем другими. Я бы не пребывал в таком шоковом состоянии, если бы прочитал письмо и смог бы все правильно истолковать, а не предположил бы, что кто-то виноват в ее решении.

И остался бы дома прошлой ночью, вместо того чтобы сесть в ее машину, поехать в дом незнакомца и устроить пожар, который вышел из-под контроля.

Когда я согнулся из-за рыданий, Йен притянул меня к себе и обнял. Я знаю, он думает, что я плачу из-за того, что только что прочитал, и частично он прав. Он так же наверно полагает что я плачу из-за того, что произнес ненавистные слова о матери, он так же частично прав.

Но он не знает, что большая часть моих слез, это слезы сожаления.

Это слезы вины за то, что я разрушил жизнь невинной девушки.

Перевернув страницу, я беру еще одну салфетку. Не думаю, что прекращала плакать с тех пор, как начала читать.

Проверяю телефон и вижу ответ от отца:

«Привет! С удовольствием, тоже скучаю по тебе. Напиши, когда и где, я подъеду».

Стараюсь не расплакаться, читая его сообщение, но ничего не получается, потому что понимаю — моя обида лишила нас приятных воспоминаний, которые могли у нас быть. Нам нужно будет все наверстать в ближайшие несколько лет.

Я делаю перерыв, чтобы поесть. И подумать. Сделать вдох. Уже почти семь вечера, а я прочла только половину рукописи. Обычно я прочитываю целую книгу в течение нескольких часов, но это самое тяжелое, что я когда-либо читала в своей жизни. Не могу даже представить, как было трудно Бену это писать.

Кидаю взгляд на следующую страницу, раздумывая: нужен ли мне еще один перерыв, перед началом прочтения? Но замечаю, что следующая глава описывает нашу первую встречу в ресторане, поэтому решаю читать дальше. Мне нужно знать, что побудило его появиться там в тот день. И самое главное, почему он решил войти в мою жизнь.

Расслабившись, сидя на диване, я глубоко вдыхаю. А потом начинаю читать четвертую главу рукописи Бена.

18 лет

"Кое-кто надоел мне. Думаю, это — я сам".

— *Дилан Томас*

Моя рука свисает с матраса и по тому, как ладонь упирается в ковер, я понимаю, что у кровати нет основы. Матрас просто лежит на полу.

Я лежу на животе. Половину моего тела прикрывает простыня, а лицо зарыто в подушку.

Ненавижу такие моменты: когда я просыпаюсь после пьянки и не знаю где нахожусь или кто лежит рядом со мной. Обычно я лежу в постели достаточно долго, для того, чтобы сообразить где нахожусь, прежде чем начинаю жалеть, что вообще проснулся, независимо от того, кто со мной в комнате. Но сегодняшнее утро не стандартное, потому что тот, кто спал со мной в постели уже проснулся — слышу, как в ванной течет вода.

Пытаюсь сосчитать сколько раз это уже случилось со мной: когда я напивался до такой степени, что ничего не мог вспомнить на следующий день. Минимум пять раз за этот год, но сегодня самый худший случай. Как правило, я хотя бы помнил с кем из друзей и на какой вечеринке был. С какой девушкой я флиртовал прежде, чем все вокруг погружалось во тьму. Но сейчас в моей голове пусто.

Сердце начинает пульсировать так же, как и в висках. Понимаю, что нужно встать и найти свою одежду. Нужно осмотреться вокруг и попытаться выяснить где я. Нужно вспомнить где оставил свою машину. Возможно, даже придется снова звонить Кайлу. Но это будет самым последним вариантом, потому что сегодня я не в настроении слушать очередную нотацию.

Сказать, что он разочарован, тем до чего я опустился, будет большим преуменьшением. В доме все изменилось с того дня как два года назад нашей матери не стало.

Что ж... Я тоже изменился. Кайл с Йеном надеются, что моя тенденция к «спуску» скоро сменит курс вверх. Они думали, что как только я закончу школу, то начну серьезнее относиться к колледжу, но все получилось не так как они, наверно, рассчитывали. На самом деле, мои оценки настолько плохи из-за многочисленных прогулов, что я даже не уверен, смогу ли закончить этот семестр.

Но я стараюсь. *Господь* свидетель, я — стараюсь. Каждый день я просыпаюсь и говорю себе, что сегодня будет лучше. Сегодня будет тот день, когда я избавлюсь от чувства вины. Но потом что-то такое происходит, от чего у меня возникает желание как можно скорее заглушить все чувства до их появления. И это именно то, что я делаю: заглушаю все алкоголем, друзьями и девушками. Так, по крайней мере, остаток ночи мне не нужно думать о совершенных ошибках, о жизни, которую я разрушил.

От этих размышлений мои глаза открываются и встречаются с солнечным светом, заполняющим комнату. Щурясь, я прикрываю ладонью глаза. Жду пару секунд, после чего

пытаюсь встать и найти свою одежду. Когда наконец я стою на ногах, нахожу свои штаны. Потом футболку, помню, как надевал ее вчера перед учебой.

Ну а после этого? Ничего. Абсолютно ничего не помню.

Нахожу свои ботинки и обуваюсь. Когда я полностью одет, трачу около секунды чтобы осмотреть комнату. Она не кажется мне знакомой. Подхожу к окну и выглядываю на улицу, чтобы понять, что это многоквартирный дом. Но ничего не узнаю вокруг, может еще и потому, что не могу полностью открыть глаза, чтобы нормально оглядеться вокруг. Все болит.

Очень скоро, я узнаю где нахожусь, потому что позади меня открывается дверь ванной. Плотно закрыв глаза, морщусь, потому что понятия не имею кто она или что от нее ждать.

— Доброе утро, дорогой!

Ее знакомый голос наполняет комнату и с молниеносной скоростью врывается в мое сердце. Колени становятся ватными, словно готовы уронить меня на пол. Собственно, именно это почти и происходит. Я хватаюсь за ближайший стул и быстро сажусь, опустив голову на руки. Не могу даже взглянуть на нее.

Как она могла так поступить с Кайлом?

Как она могла позволить мне так поступить с Кайлом?

Джордин подходит ближе, но я до сих пор отказываюсь смотреть на нее.

— Если ты собираешься блевать, то лучше сделать это в ванной.

Я качаю головой, желая заглушить ее голос, желая свалить из ее квартиры, желая стереть свой второй самый худший поступок. — Джордин, — когда я слышу, как слабо звучит мой голос, понимаю, с чего она решила, что меня тошнит. — Как это произошло?

Слышу, как она плюхается на матрас, в нескольких шагах от меня.

— Ну... — произносит она. — Уверена, что все началось с шота, а может и двух, потом было несколько кружек пива и парочка симпатичных девчонок. Ну а закончилось все, твоим звонком мне в полночь. Ты плакал и говорил что-то непонятное о важной дате, и что тебе очень нужно уехать домой, но ты слишком пьян и не хочешь звонить Кайлу, потому что он разозлится на тебя. Джордин встает и идет в сторону гардеробной. — И поверь мне, он бы очень сильно разозлился. И если ты расскажешь ему, что я позволила тебе здесь переночевать, когда он об этом не знал, то Кайл разозлится и на меня. Так что советую тебе, не сдавать меня, Бен. Иначе, я тебя убью.

Мой мозг пытается переварить информацию, но Джордин слишком быстро говорит.

Так значит, я позвонил ей? За помощью?

Мы не...

Боже, нет. Она бы так не поступила. Но я ведь не могу контролировать себя, когда нахожусь в таком состоянии. Хотя с другой стороны, я позвонил Джордин, до того, как совершил какую-нибудь глупость. Они с Кайлом довольно долго встречаются, поэтому она мне как сестра, и мне следует верить ей и не рассказывать Кайлу. Но один вопрос все-таки остается открытым... *почему я спал голым? В ее постели?*

Джордин выходит из гардеробной, и я впервые за сегодняшний день смотрю на нее. Она выглядит обычно. Вовсе не виноватой. Может, немного уставшей, но как всегда улыбчивой.

— Сегодня утром я видела твою голую задницу, — говорит она, смеясь. — Что черт возьми ты делал? Я попросила тебя принять душ, но ты мог бы одеться после этого, — она корчит лицо. — Теперь нужно будет стирать простыни.

Джордин начинает снимать постельное белье.

— Надеюсь, когда я перееду к Кайлу ты начнешь носить трусы или что-нибудь другое. Не могу поверить, что была вынуждена спать на диване, пока твоя пьяная задница заняла мою кровать.

Я хочу попросить ее чтобы она говорила медленнее, но с каждым словом я чувствую нарастающее облегчение.

— Ты мой большой должник.

Джордин перестает улыбаться, когда снова садится передо мной на матрас. Она поддается вперед и смотрит на меня с искренностью в глазах.

— Я не хочу вмешиваться в твою жизнь. Но я люблю твоего брата и как только договор аренды квартиры будет расторгнут, мы все будем жить вместе. Поэтому, я скажу это только один раз. Ты слушаешь меня?

Я киваю.

— С рождением нам дается только одно тело и одна душа. И это единственное, что у нас есть, так что только мы сами можем заботиться о них. Мне неприятно это говорить тебе, Бен, но сейчас ты в самой *худшей* форме, в какой вообще можешь существовать. Ты в депрессии. Все время угрюмый. Тебе только восемнадцать, и я даже не знаю откуда ты берешь алкоголь, но ты пьешь слишком много. И как бы твои братья не старались помочь тебе, никто не сможет заставить тебя захотеть стать лучше. Только ты сам это сможешь сделать, Бен. Если в твоей душе осталась хоть какая-то надежда, советую поискать ее в глубине своего сердца, потому что, если ты не найдешь ее, ты никогда не станешь лучше того, кем являешься сейчас. И ты потянешь за собой вниз и своих братьев, потому что они очень тебя любят.

Джордин смотрит на меня столько, сколько нужно, чтобы ее слова обрели смысл в моей голове. Она говорит, как моя мама, и эта мысль наносит сильный удар в голову.

Я встаю.

— Ты закончила? Потому что я бы хотел отыскать свою машину.

Джордин разочарованно вздыхает, и я чувствую себя виноватым, но делаю все, чтобы она не заметила, что в данный момент я думаю только о своей матери и о том, что бы она подумала, увидев меня сегодня в таком состоянии.

* * *

После нескольких сообщений друзьям, я нахожу местоположение своей машины. Пока Джордин везет меня до машины, я обдумываю как извиниться перед ней. Выхожу из машины и замираю у двери, готовый ее закрыть, и гадаю, что ей сказать. Наконец, я наклоняюсь и смотрю в глаза Джордин.

— Прости за реакцию на твои слова. Я ценю твою помощь прошлой ночью, и спасибо за то, что подбросила. Закрываю дверь, но Джордин окликает меня и выходит из машины, она смотрит на меня с другой стороны капота.

— Прошлая ночь... когда ты позвонил. Ты все время повторял что-то о сегодняшней дате, и... Не хочу совать нос в чужие дела, но я знаю, что это годовщина, связанная с твоей мамой. И я подумала, что может тебе станет лучше, если ты съездишь повидаться с ней, — Джордин опускает взгляд и барабанит пальцами по капоту. — Подумай об этом, ладно?

Секунду я смотрю на нее, а затем быстро киваю прежде, чем сесть в свою машину.

Это было два года назад, и я об этом знаю. Не нужно мне напоминать. Каждый день, когда я просыпаюсь и делаю первый вдох, я вспоминаю об этом дне.

* * *

Сжимая руль, я не решаюсь выйти из машины. Довольно и того, что я в принципе приехал на кладбище. Никогда раньше не приезжал на ее могилу. Просто я не чувствовал в этом необходимости, потому что до сих пор не верю, что она действительно там. Иногда я разговариваю с мамой. И пусть я веду только монологи — все равно продолжаю говорить с ней и не считаю, что мне нужно в это время смотреть на надгробие.

Так почему же я здесь?

Может, потому что, надеюсь это поможет. Все дело в том, что я смирился со смертью матери. Понял, почему она это сделала. И я знаю, что, если бы она не решилась на самоубийство, рак все равно бы забрал ее жизни только позже. Но кажется, все в моей семье считают, что я не могу двигаться дальше и так сильно скучаю по маме, что это отравляет мне жизнь.

Да, я скучаю по ней, но это не мешает мне жить... Единственное, что не дает мне двигаться дальше — это то, что я сделал той ночью.

Я послушал Кайла, когда он попросил никогда больше не упоминать о Фэллон и ее отце.

Я не слежу за ними через интернет, не приезжаю к дому, где они могут сейчас жить. Черт, я даже не знаю где они живут. И не собираюсь это выяснять. Кайл был прав, в том, что мне нужно держаться подальше от них. Они назвали это несчастным случаем, и последнее, что мне нужно, это чтобы у кого-то появились подозрения.

Но я по-прежнему думаю о той девушке каждый день. Из-за меня она лишилась своей карьеры. Прекрасной карьеры. О которой большинство людей могут только мечтать. И то, что я сделал той ночью, преследует ее всю жизнь.

Иногда мне хочется узнать, чем она сейчас занимается. Пару раз я хотел найти ее, может даже и увидеть вблизи, просто чтобы проверить, как сильно она пострадала при пожаре. Не знаю почему. Может я думаю, что это поможет мне в каком-то смысле двигаться дальше, если увижу, что она живет хорошей жизнью. Только одно останавливает меня найти ее — это вероятность того, что все может быть плохо. Что ее жизнь может быть гораздо хуже, чем я представлял, и я боюсь того, что произойдет со мной, если это окажется так.

Как только я собираюсь развернуться и уехать отсюда, рядом со мной паркуется чья-то машина. Открывается водительская дверь и до того, как он успевает выйти из машины, чувствую, как у меня пересыхает в горле.

Что он здесь делает?

Я сразу узнал его по его спине, росту, манерам. Donovan O'Neil очень узнаваемая личность, и учитывая, что я не отрываясь смотрел на него по всем каналам после ночи пожара, я до сих пор не могу стереть из памяти его лицо.

Оглядываюсь вокруг, гадая развернуть ли мне свою машину и уехать, до того, как он заметит меня. Но он ничего не замечает вокруг. В правой руке он держит букет гортензий и идет к ее могиле.

Он приехал навестить мою мать.

Неожиданно мысленно переношусь в ту ночь, когда я сидел в этой же машине и

наблюдал за ним на другой стороне улицы. Ощущения те же, только теперь я наблюдаю из любопытства, а не из-за ненависти. О'Нил не долго стоит у ее могилы. Меняет увядший букет на новый. Пару секунд смотрит на надгробие, а потом возвращается к своей машине.

Он выполняет все эти действия так, словно делает это регулярно. И на секунду я чувствую вину за то, что думал, будто ему всегда было наплевать на маму. Потому что ясно, что это не так, раз он продолжает навещать ее могилу спустя два года.

По дороге к машине он смотрит на часы, после чего ускоряет шаг. Видимо куда-то опаздывает. И по невероятным причинам, мне приходит в голову мысль, что это связано с его дочерью. Приказываю себе: "Не делай этого, Бен", произношу это вслух, в надежде услышать себя.

Но сегодня побеждает любопытство, потому что я выезжаю с территории кладбища вслед за его машиной и не имею никакого понятия зачем это делаю.

* * *

Я паркуюсь через несколько машин от его, у ресторана, к которому он подъехал. Наблюдаю, как он заходит в ресторан. Вижу, как кто-то встает и обнимает его: *какая-то девушка*, и до боли, крепко сжимаю челюсть.

Должно быть, это она.

Мои ладони начинают покрываться потом. Не уверен, действительно ли я хочу ее видеть. Но знаю точно, что ни за что не смогу уехать отсюда, когда она так близко, по крайней мере, пока не зайду в ресторан и не пройду мимо их стола. Мне нужно знать. Мне нужно увидеть, что я с ней сделал.

Захожу в ресторан, захватив с собой ноутбук, чтобы — пока буду сидеть один — можно было на чем-нибудь сосредоточиться. Или по крайней мере, делать вид, что я чем-то занят. Когда я захожу внутрь, не могу видеть ее лица, хотя бы для того, чтобы, просто убедиться, что это Фэллон. Она сидит ко мне спиной. Стараюсь не пялиться: не хочу, чтобы ее отец заметил мое внимание к ним.

— Столик или кабинка? — спрашивает официантка.

— Могу я занять вон ту? — киваю в сторону кабинки, что позади них.

Девушка мне улыбается и берет меню.

— Вы сегодня один?

Снова киваю, и она ведет меня к кабинке. Мое сердце бьется очень быстро, но мне не хватает смелости даже взглянуть на Фэллон, когда я прохожу мимо. Присаживаюсь на диванчик, спиной к ним, надеюсь, что наберусь смелости через пару минут. Ведь нет ничего плохого в том, что я здесь? Не знаю почему чувствую себя так, будто нарушаю закон. Хотя все что я делаю — это сижу за столом.

Вытянув перед собой руки, переплетаю пальцы и пытаюсь придумать множество причин, чтобы оглянуться через плечо, но боюсь, что когда я сделаю это, то уже не смогу отвернуться. Понятия не имею, какой ущерб я ей нанес, и мне страшно, что, если я посмотрю в ее глаза, то увижу в них грусть.

А еще мне страшно, что если я не посмотрю в ее глаза, то не узнаю что, возможно, она счастлива.

— Я опоздал всего на пол часа, Фэллон. Сделай поблажку, — оправдывается ее отец.

Он назвал ее имя, значит это точно она. Через несколько минут я смогу встретиться лицом к лицу с девушкой, у которой почти отобрал жизнь.

К счастью ко мне подходит официант и принимает заказ, отвлекая меня от собственных мыслей. Я вовсе не голоден, но все равно что-то заказываю: кто приходит в ресторан и не заказывает еду? Не хочу привлекать к себе внимание.

Официант пытается завязать со мной разговор, о том, что за моей спиной сидит мужчина, похожий на Донована О'Нила — актера, который сыграл Макса Экспотта. Я притворяюсь, что не знаю такого, и парень очень этому удивляется. Мне просто хочется, чтобы он ушел. Наконец-то, официант оставляет меня в покое. Прислонившись к спинке дивана, я пытаюсь расслышать, о чем они говорят.

— Так что, да: я немного ошарашен, но так и есть, — говорит ее отец.

Жду ее ответа. Я пропустил, что он ей сказал до этого, — спасибо болтливому официанту. Но ее молчание доказывает, что это не то, что она хотела услышать.

— Фэллон? Ты скажешь что-нибудь?

— Что я должна сказать?

Она не кажется счастливой.

— Мне что, поздравить тебя?

Чувствую, как ее отец прислоняется спиной к дивану.

— Ну, я надеялся, ты порадуешься за меня, — говорит он.

— *Порадуюсь за тебя?*

Ладно. Что бы он ей не сказал, это ее расстроило. Я бы даже сказал, что она разозлилась.

— Не знал, что еще способен стать отцом.

Не могу понять, что думаю по этому поводу. На секунду, я вспоминаю, что этот мужчина когда-то был влюблен в мою мать, и это могло произойти с ними, если бы рак не забрал ее.

В смысле... Я знаю, что не рак забрал ее. Это сделал пистолет. Но в любом случае, всему виной был рак.

— Спустить сперму во влагалище двадцати четырёхлетки, не значит стать отцом, — язвит Фэллон.

Я тихо смеюсь. Не знаю почему, но просто слушать, как она разговаривает с ним, немного облегчает мою вину. Может, потому что я всегда представлял ее кроткой и тихой девушкой, погрязшей в жалости к себе. Но она похожа на бунтарку.

И все равно... это безумие. Я не должен быть здесь. Кайл убьет меня, если узнает, что я делаю.

— Хочешь сказать, я не имею права называть себя отцом? Тогда кто я для тебя?

Мне не нужно подслушивать их личный разговор. Следующие несколько минут пытаюсь сосредоточиться на своем ноутбуке, но все что я делаю, это прокручиваю экран, создавая видимость работы, все время слушая, что говорит этот бесчувственный мудака.

Со своего места я даже слышу, как она вздыхает.

— Ты невыносим. Теперь понятно, почему мама ушла от тебя.

— Твоя мать ушла от меня, потому что я переспал с ее лучшей подругой. Мой характер тут не при чем.

Как моя мать могла любить этого мужчину?

Теперь, когда я обдумываю это, уже не уверен, что она любила его. Он похож на того,

кто любит писать письма и записки. Никогда не видел, чтобы она что-то ему писала, так что может это были короткие, односторонние отношения, которые он не может забыть.

Как бы то ни было, от этой мысли мне становится легче. Боюсь даже подумать, что моя мать была обычной женщиной, которая иногда принимала неправильные решения в отношениях с мужчиной, а не той всезнающей героиней, образ которой я сохранил в своей памяти.

Их разговор прерывает официант, принесший еду. Я закатываю глаза, когда тот притворяется, что только заметил, что их ресторан посетил сам Донаван О'Нил. Слышу, как официант просит Фэллон сфотографировать их двоих. Я замираю на месте от одной только мысли, что она сейчас поднимется со своего места и предстанет передо мной. Не уверен, что готов увидеть ее.

Но не имеет значения, готов ли я, потому что она советует им сделать селфи, после чего удаляется в туалет. Фэллон проходит мимо меня, и как только она появляется в поле моего зрения, на секунду мое дыхание прерывается.

Она уходит в противоположном направлении, поэтому мне опять не видно ее лица. Я увидел только ее волосы. Очень много волос: длинные, густые, прямые, темно-каштановые, такого же цвета, как и ее обувь, и они спадают до самой поясицы.

На ней джинсы, которые подходят ей идеально, словно были сшиты на заказ: облегают каждый изгиб от бедер до лодыжек. Они такие обтягивающие, что я невольно хочу узнать какие на ней сегодня трусики. Потому что я не вижу линию белья. Может на ней стринги, а может она вообще... *какого черта, Бен? Что, черт возьми, толкнуло тебя на эти мысли?*

Мой пульс ускоряется, так как я понимаю, что мне пора уходить. Нужно просто встать и уйти, приняв тот факт, что Фэллон вроде как в порядке. Может ее отец и засранец, но она в состоянии постоять за себя, так что мое близкое присутствие никому не принесло пользы.

Но, этот чертов официант клюнул на то, что Донаван О'Нил обменивается с ним приветствиями. Мне даже наплевать на свою еду, пусть он просто принесет мне счет, чтобы я смог расплатиться и свалить отсюда.

Я начинаю нервно трясти коленом. Фэллон уже долго находится в туалете, и я знаю, что через несколько секунд она выйдет оттуда. Не знаю, должен ли я посмотреть на нее, или отвернуться, или улыбнуться, или сбежать, *или, блядь, что мне сделать- то?*

Она выходит.

Смотрит под ноги, и я опять не вижу ее лица, но спереди ее тело еще идеальнее, чем сзади.

Когда она поднимает на меня взгляд, в моем животе ухает. Такое чувство, что мое сердце начинает плавиться изнутри. Впервые за два года, я вижу, что именно сделал с ней.

От верхней части ее левой щеки, возле глаза, до самой шеи тянутся шрамы. Шрамы, которые она получила из-за меня. Они гораздо светлее обычных рубцов, но достаточно заметные: розоватого оттенка, светлее и нежнее остальной кожи на лице. Но больше всего на лице выделяются не ее шрамы. А ее зеленые глаза, которые теперь смотрят на меня. Неуверенность, которая скрывается за ними, лучше всего остального показывает, сколько вреда я причинил ее жизни.

Фэллон поднимает руку и захватывает ртом прядь волос, прикрывая ими несколько шрамов. После, сразу же опускает взгляд на пол, позволяя волосам упасть на щеку и скрыть еще больше шрамов. Я продолжаю смотреть на нее, потому что сложно не делать этого. И думаю о том, какой для нее была та ночь. Как страшно ей было. Сколько мук ей пришлось

пережить за месяцы восстановления.

Я сжимаю руки в кулаки, потому что никогда до этого момента, не чувствовал большей необходимости все исправить. Мне хочется упасть на колени перед ней и просить прощения за то, что заставил пережить столько боли. За то, что разрушил ее карьеру. За то, что заставил ее считать необходимым скрывать лицо за волосами, когда она, так чертовски красива.

И она даже понятия не имеет: Фэллон не знает, что, подняв взгляд, она посмотрела в глаза парню, который разрушил ее жизнь. Она не знает, что я готов отдать все, чтобы прикоснуться губами к ее щеке, чтобы расцеловать шрамы, которые нанес ей, сказать, как мне безумно жаль.

Она не знает, что я на грани истерики, просто глядя на ее лицо, потому что оно в равной степени и изысканное и пропитанное муками. Я боюсь, что если не улыбнусь ей прямо сейчас, то расплачусь.

И когда это происходит, у меня в груди становится тесно. Я боюсь, что единственное чем мы обменялись, это лишь крошечная улыбка, и это больше никогда не повторится. А я не могу понять, почему меня это так беспокоит, ведь до сегодняшнего дня, я даже не был уверен, что когда-либо хотел увидеть Фэллон.

Но теперь, когда я увидел ее, не уверен, что хочу остановиться на этом. И тот факт, что ее отец, прямо сейчас подавляет ее и говорит, что она недостаточно красива, чтобы продолжать играть на сцене, вызывает во мне желание перепрыгнуть через кабинку и придушить его. Или по крайней мере перелезть в их кабинку и защитить ее.

И именно в этот момент официант приносит мне еду. Я пытаюсь есть. Правда пытаюсь, но меня все равно трясет от тона, с которым ее отец разговаривает с ней. Медленно я жую картофель фри, слушая, как ее отец все больше и больше лицемерит. Сначала, я успокаиваюсь, когда слышу, что она планирует переехать.

Какая молодец, думаю я.

Теперь, когда я знаю, что у нее достаточно смелости, чтобы переехать в другой конец страны и снова попробовать стать актрисой, я уважаю ее больше, чем уважал кого бы то ни было в своей жизни. Но когда слышу, как ее отец без остановки пытается внушить ей, что у нее нет шансов, я чувствую такое отвращение, которое никогда ни к кому не испытывал.

Слышу, как ее отец прочищает горло.

— Ты знаешь, я не это имел ввиду. Я не говорю, что ты растрачиваешь себя на аудиокниги. Я лишь стараюсь донести, что ты способна построить успешную карьеру в чем-то другом, раз уж играть ты больше не можешь. Аудиокниги низко оплачиваются. Как и Бродвей, собственно говоря.

Я не слышу, что она отвечает на это, потому что у меня перед глазами появляется красная пелена. Не могу поверить, что этот мужчина — отец, который вместо того чтобы защитить и помочь собственной дочери преодолеть тяжелые испытания, говорит ей такое. Может быть, он проявляет жестокость из лучших побуждений, но эта девушка достаточно натерпелась.

Разговор останавливается. Достаточно надолго, чтобы ее отец попросил наполнить стакан водой. Достаточно надолго, чтобы официант наполнил и мой стакан, и достаточно, чтобы я встал и пошел в туалет, в попытке успокоиться, а потом вернуться на свое место уже без желания придушить мужчину, сидящего за моей спиной.

— Из-за тебя мне хочется навсегда поставить крест на всех мужчинах, — говорит она.

Черт, из-за ее отца, *мне самому хочется*, чтобы она поставила крест на всех мужчинах. Если все мужчины действительно такие недалекие, как этот, то все женщины должны отречься от мужчин навсегда.

— Это не должно стать проблемой, — отвечает ее отец. — Насколько мне известно, ты сходила только на одно свидание, и то больше двух лет назад.

И в этот момент, все мое благоразумие вылетает в окно.

Неужели он забыл, какой сегодня день? Неужели он не имеет чертова понятия, что его дочь пережила за последние два года? Уверен, она провела отличный год восстановления, и благодаря секундному взгляду в ее глаза, я могу сказать, что у нее нет ни капли самоуверенности. И после этого, он напоминает ей о том, что у нее не было свидания после несчастного случая?

От злости у меня трясутся руки. Думаю, сейчас я даже злее, чем в ту ночь, когда поджег его машину.

— Да, папочка, — отвечает она с напряжением в голосе. — Я действительно не получаю такого же внимания от парней, какое привыкла получать раньше.

Я выскальзываю из своей кабинки, не в силах остановиться. Но будь я проклят, если позволю этой девушке провести еще хоть одну секунду без надлежащей поддержки.

Я сажусь рядом с ней:

— Извини, детка, опоздал, — говорю я, и обнимаю ее за плечи.

Фэллон напрягается под моей рукой, но я продолжаю. Прижимаюсь губами к ее виску, невольно вдыхая аромат ее цветочного шампуня.

— Чертовы калифорнийские пробки, — бормочу я.

Протягиваю руку ее отцу, и прежде чем представиться, жду, узнает ли он меня, раз он был знаком с моей матерью. Через несколько лет после смерти отца, мама вернула себе девичью фамилию, так что он может и не знать, кто я. Надеюсь.

— Я Бен. Бентон Джеймс Кесслер. Парень вашей дочери.

В выражении его лица нет ни единого намека, на то что он узнал меня. Он понятия не имеет, кто я.

Ее отец пожимает мне руку и мне хочется притянуть его к себе и двинуть ему по зубам. Наверняка бы сделал это, если бы не почувствовал нарастающее напряжение рядом. Я откидываюсь на спинку и притягиваю ее к себе, шепча в ухо:

— Просто подыграй мне.

И в этот момент в ее голове словно загорается лампочка, потому что замешательство на лице Фэллон сменяется восторгом. Она с любовью улыбается мне и, прислонившись ближе, говорит:

— Не думала, что ты приедешь.

"Да" — хочу сказать я в ответ.

«Я тоже не думал, что буду сидеть здесь. Но поскольку, я не смогу сделать твою жизнь еще хуже в этот день, меньшее, что я могу, это попытаться сделать его чуточку лучше».

Я складываю прочтенные страницы в отдельную стопку и в недоумении смотрю на рукопись. Знаю, я должна злиться за то, что он так долго лгал мне, но читая его мысли, я каким-то образом оправдываю его поступки. Но не только его, я так же оправдываю поступки своего отца.

Бен прав: теперь, возвращаясь к тому дню, я могу понять, что мой отец не виноват. Он высказывал свое собственное мнение по поводу моей карьеры, и на это имеет право каждый родитель. Кроме того, я сразу набросилась на отца, как только он сел в кабинку: он перешел в режим обороны, я — в режим нападения, поэтому все сразу пошло наперекосяк.

Мне нужно помнить, что люди демонстрируют свою любовь разными способами. И несмотря на то, что наши способы полностью противоположны, это все равно любовь.

Перехожу к следующей главе, но из страниц, между пятой и шестой главой, выпадает несколько листков. Откладываю рукопись и беру письмо. Это еще одна записка от Бена.

Фэллон,

Все что описано в рукописи после этого момента ты и так знаешь. Здесь все. Каждый день, что мы провели вместе и даже несколько дней, что провели врозь. Каждая мысль, которая приходила мне в голову, когда ты была рядом... ну или почти каждая.

По только что прочитанной главе, ты можешь понять, что, когда мы познакомились, я пребывал в глубокой депрессии. Два года моей жизни после пожара были настоящим адом, и я делал все что мог, чтобы заглушить чувство вины. Но тот первый день, который я провел с тобой, был первым днем за очень долгое время, когда я почувствовал счастье. И мне показалось, что я сделал и тебя счастливой, а это то, на что я никогда не надеялся. Несмотря на то, что ты переезжала, я знал, что, если бы у нас был повод с нетерпением ожидать девятое ноября, это могло бы коренным образом изменить наши жизни. Поэтому я поклялся себе, что позволю себе наслаждаться проведенными с тобой днями. И не буду думать о пожаре, не буду думать, что я сотворил с тобой. Один день в каждом году, я хотел быть парнем, который влюбился в девушку, потому что ты полностью пленила меня. Я знал, что если позволю своему прошлому поглотить себя, когда ты будешь рядом, то смогу как-нибудь проколоться. Что ты узнаешь, что я сделал с тобой. Знал, что, если ты когда-нибудь узнаешь правду, ты ни за что на свете не простишь меня.

И хоть я и должен чувствовать огромную вину, я не жалею ни минуты, проведенной с тобой. Конечно же, я хотел, чтобы все произошло по-другому. Может, если бы я подошел к тебе и твоему отцу в тот день и просто рассказал всю правду я бы уберег тебя от всех этих страданий. Но я не смог долго думать над вариантами, как поступить иначе, когда для меня это была наша судьба. Нас притягивало друг к другу. Мы сделали друг друга счастливыми. И я знаю без сомнений, что во время последних нескольких лет пару раз мы были безумно влюблены друг в друга. Не каждому дано испытать подобное, Фэллон, и я бы

солгал если сказал, что жалею об этом.

Но больше всего я боюсь, что ты прожила последний год, предполагая, что я солгал тебе больше чем один раз, но это не так. Единственная ложь, которую я когда-либо говорил тебе, это то, когда я опустил часть своей жизни, в которой был виновен в пожаре. Каждое слово, которое выходило из моего рта в твоём присутствии было абсолютной правдой. Когда я сказал, что ты красивая, я имел ввиду именно это.

Если ты зацепишься за что-то одно в этой рукописи, пусть это будет именно этот отрывок. Впитай эти слова. Хочу, чтобы они оставили след в твоей душе, потому что эти слова самые важные. Я в ужасе, что из-за моей лжи я потеряю твоё доверие, которое зарабатывал, пока мы были вместе. Потому что, пусть и скрывал от тебя правду, единственное, в чем я не мог быть наиболее честным это — твоя красота. Да, у тебя есть шрамы. Но любой, кто сначала видит твои шрамы, и только потом тебя, не заслуживает тебя. Надеюсь, ты помнишь об этом и веришь в это. Тело — это просто упаковка, скрывающая настоящий подарок внутри. И ты полна подарков. Твоя самоотверженность, доброта, сострадание. Это единственное что имеет значение.

Молодость и красота увядает. А добропорядочность нет.

Знаю, в предыдущем письме я говорил, что пишу это не ради твоего прощения, и это правда. Я не собираюсь притворяться, что не молюсь на коленях о твоём прощении, надеясь на чудо. И не собираюсь делать вид, что не буду сидеть в ресторане до его закрытия, в надежде что ты войдешь в ту дверь. Потому что я буду именно там. И если ты не придешь сегодня, я буду там в следующем году. И в следующем. Каждое девятое ноября я буду ждать тебя и надеяться, что в один прекрасный день ты сможешь найти достаточно прощения чтобы снова полюбить меня. Но если этого не случится, и ты никогда не придешь, я все равно буду благодарен тебе до конца своей жизни.

В день нашего знакомства, ты спасла меня, Фэллон. Знаю, мне было всего восемнадцать, но моя жизнь сложилась бы совсем иначе, не проведи мы все это время вместе. В ту первую ночь, когда мы попрощались с тобой, я поехал прямо домой и начал писать эту книгу. Это стало новой целью моей жизни. Моей новой страстью. Я серьезнее взялся за учебу в колледже. Начал серьезнее относиться к жизни. И благодаря тебе и твоему влиянию на мою жизнь, я провел с Кайлом замечательные последние два года. Когда он умер, он был горд мною. И это значит для меня больше, чем ты сможешь когда-либо понять.

И если ты хотя бы на чуточку будешь способна простить меня, ты знаешь где меня искать. Сегодня, через год, и в следующем, и так до бесконечности.

Выбор за тобой. Ты можешь продолжать читать эту рукопись и надеюсь это поможет тебе найти решение. Или ты можешь перестать читать и приехать ко мне с прощением.

Бен

Последнее Девятое ноября

*Если написана ложь, я ее сотру,
Но у нее есть голос: выгравированный,
Излечившейся правдой; об искуплении я кричу:
Позволь загладить вину за вред нанесенный.*

— Бентон Джеймс Кесслер

В рукописи, которую я вчера ночью подкинул под дверь Фэллон, восемьдесят три тысячи четыреста пятьдесят шесть слов. В первых пяти главах, примерно двадцать три тысячи слов, и только после она найдет мое письмо. Она с легкостью прочтет двадцать три тысячи слов за три часа. Если бы Фэллон начала читать рукопись сразу же после того как я подкинул ее, она бы закончила читать первую часть в три часа ночи.

Но сейчас уже около полуночи. Прошло почти двадцать четыре часа с тех пор как я видел, что Фэллон подобрала рукопись и закрыла дверь. У нее было больше двадцати часов в запасе, но ее до сих пор здесь нет.

Что означает, очевидно, она не приедет.

Я ожидал, что она не появится сегодня, но в душе теплился лучик надежды. Не могу сказать, что ее выбор разбил мне сердце, потому что это означало бы, что мое сердце целое.

С раздробленным сердцем я живу уже год и из-за того, что она не пришла я чувствую лишь очередную деформацию, как и на протяжении всех трехсот шестидесяти пяти дней.

Удивительно, что мне разрешают так долго сидеть в этом ресторане. Здесь я с раннего утра, в надежде, что Фэллон всю ночь читала мою рукопись. Сейчас почти полночь, и я провел в этой кабинке добрых восемнадцать часов. А это стоит хорошего вознаграждения.

В 23:55 оставляю чаевые. Я не хочу находиться здесь, когда наступит Десятое ноября. Последние пять минут лучше подожду у своей машины.

Официантка провожает меня сочувственным взглядом, когда я открываю дверь ресторана. Уверен, она никогда не видела кого-то, кто бы так долго ждал с самого утра, но по крайней мере у нее теперь будет отличная история в запасе.

В 23:56 подхожу к стоянке.

В 23:56 вижу, как она открывает дверь и выходит из машины.

И на часах по-прежнему 23:56 когда я хватаю себя за голову и резко вдыхаю холодный ноябрьский воздух, просто чтобы убедиться, что мои легкие дышат.

Фэллон стоит у своей машины, и ветер сдувает с ее лица пряди волос, пока она смотрит на меня с другого конца парковки. Мне кажется, что, если я сделаю шаг ей навстречу, от тяжести в моем сердце, земля под ногами расколется пополам. Мы оба стоим на своем месте в течение нескольких долгих секунд.

Фэллон опускает взгляд на телефон в руке, а потом возвращает взгляд ко мне.

— Время 23:57, Бен. У нас есть только три минуты, чтобы сделать это.

В недоумении я смотрю на нее, не понимая, что она имеет ввиду. Через три минуты она уезжает? Или дает мне три минуты, чтобы я сказал что-то в свою защиту? В моей голове крутятся вопросы, а потом я замечаю, как уголок ее губ приподнимается в улыбке.

Она улыбается.

Как только до меня доходит, что Фэллон улыбается, я начинаю бежать. Пересекаю стоянку в считанные секунды. Обнимаю ее и прижимаю к себе, а когда чувствую, как ее руки обнимают меня в ответ, я реагирую на это как самый лучший анти-альфа-самец.

Я плачу как чертов ребенок.

Еще крепче прижимаю к себе ее затылок, и зарываюсь лицом в волосы. Держу Фэллон в объятиях так долго, что уже не понимаю: сейчас все еще девятое ноября или уже наступило десятое. Но дата не имеет значения, потому что я планирую любить ее каждый день.

Она ослабляет хватку и поднимает голову с моего плеча чтобы взглянуть на меня. Теперь мы оба улыбаемся, и я не могу поверить, что эта девушка нашла в своем сердце прощение для меня. Но она нашла, и я вижу это по ее лицу. Я вижу это в ее глазах, в ее улыбке, в ее спокойствии. Чувствую это в нежном прикосновении ее пальцев, когда она стирает с моих щек слезы.

— Плачут ли фиктивные парни, так же сильно как я? — спрашиваю ее.

— Только самые лучшие — Фэллон смеется.

Прижимаюсь к ее лбу своим и зажмуриваюсь. Хочу впитать этот момент как можно глубже в себя. Просто потому что Фэллон здесь и просто потому, что она простила меня, не значит, что она приехала, чтобы пообещать любить меня вечно. И я должен быть готов принять это.

— Бен, мне кое-что нужно сказать тебе.

Отстранившись, я смотрю на нее. Теперь и глаза Фэллон наполнены слезами, так что я больше не чувствую себя жалким. Она протягивает руку и нежно поглаживает мою щеку.

— Я приехала сюда не для того чтобы простить тебя.

Чувствую, как напрягается моя челюсть, но стараюсь расслабиться: знал, что это может произойти. И я должен уважать ее решение, как бы тяжело мне не было.

— Тебе было шестнадцать, — говорит она. — Ты пережил самое худшее с чем мог когда-либо столкнуться ребенок. Той ночью ты поступил так не потому что ты плохой человек, Бен. Это произошло потому что ты был испуганным подростком и иногда люди совершают ошибки. Ты очень долго жил с огромной виной за свой поступок. И ты не можешь просить у меня прощения, потому что мне не за что тебя прощать. Скорее наоборот, я приехала сюда, чтобы попросить прощения у тебя. Потому что я знаю какое у тебя сердце, Бен, и твое сердце способно только на любовь. Я должна была признать это в прошлом году, когда не поверила тебе. Должна была дать тебе шанс все объяснить тогда. Если бы я просто выслушала тебя, мы смогли бы избежать целый год страданий. За все это... Прости. Мне очень жаль. Я надеюсь, ты сможешь меня простить.

Фэллон смотрит на меня с искренней надеждой, будто действительно считает себя отчасти виноватой за все то, через что мы прошли.

— Тебе не позволено извиняться передо мной, Фэллон.

Она тяжело выдыхает и кивает.

— Тогда и тебе не позволено просить у меня прощения.

— Хорошо, — соглашаюсь. — Я прощаю себя.

Она смеется: — И я прощаю себя.

Фэллон подносит руку к моим волосам и, пропуская их через пальцы, улыбается мне. Мой взгляд падает на ее перебинтованное левое запястье, и она это замечает.

— Ой. Чуть не забыла о самом главном. Вот почему я приехала так поздно, — она начинает развязывать повязку. — Я сделала татуировку. — И поднимает запястье с маленькой татуировкой в виде открытой книги. На каждой из страниц нарисована трагическая и комедийная маски.

— Книги и театр, — объясняет она смысл татуировки. — Два моих любимых увлечения. Я сделала ее почти два часа назад, когда поняла, как беззаветно влюблена в тебя.

Фэллон смотрит на меня, блестящими от слез, глазами.

Я резко вдыхаю и беру ее за запястье. Подношу к губам и целую.

— Фэллон, — произношу я. — Поехали домой. Я хочу заняться с тобой любовью и

уснуть рядом. А утром я хочу приготовить тебе завтрак, который обещал в прошлом году. Хорошо прожаренный бекон и перевернутую глазунью.

Она улыбается, но не соглашается на завтрак.

— Вообще-то, я завтракаю с отцом завтра.

Услышав, что у нее завтрак с отцом, я чувствую себя счастливее, чем если бы она согласилась позавтракать со мной. Знаю, ее отец не идеальный родитель, но все-таки он — ее отец. И я испытывал огромное чувство вины за то, что был виноват за напряжение в их отношениях.

— Но все равно я поеду домой, с тобой, — добавляет она.

— Отлично, — отвечаю я. — Сегодня ты моя. Ничего, я подожду и приготовлю тебе завтрак послезавтра. И буду готовить его тебе каждый последующий день, до следующего Девятого ноября, когда опущусь на одно колено и сделаю тебе самое лучшее в истории книжных романов предложение руки и сердца.

Фэллон слегка бьет меня в грудь.

— Это был гигантский спойлер, Бен! Разве ты не знал, что нужно предупреждать о спойлерах, когда читаешь захлеб?

Я усмехаюсь и наклоняюсь для поцелуя.

— Внимание, спойлер: «Они жили долго и счастливо».

А потом я целую ее.

И это двенадцать баллов.

• • •

Это *не* конец.

Ничего подобного.

Больше книг на сайте — Knigolub.net